

№ 2(9), июнь 2014

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Научные направления
и научные сообщества
в современной
российской социологии**

/Складывается новая
дисциплина – «социология
духовности»

/Постполитика – предельная
стадия дезонтологизации
политических отношений

/Дневники В. И. Вернадского –
уникальный историко-культурный
материал

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – Доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, Директор Института социологии Российской академии наук;

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики (Махачкала, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ-ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DIBIROV Abdul-Nasir Z., Dr. Sci. (Polit.), Professor, Honored Scientist of Dagestan Republic, Rector of the Dagestan Institute of Economics and Political Science (Russia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOSEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ-ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая Отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии	11
Круглый стол: «Размышления о научной школе»	11
Вопросы теории.....	36
<i>Руткевич Е. Д.</i> «Социология духовности»: проблемы становления	36
<i>Товбин К. М.</i> Редукция постполитики	66
Политика на местном уровне.....	81
<i>Чирикова А. Е.</i> Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг?... ..	81
Социальные слои и группы: установки и поведение ..	101
<i>Нагорнова А. Ю., Нагорнов Ю. С.</i> «Мания»-структура и адаптивная модель созависимого поведения членов семей алкоголиков.....	101
<i>Иванова Л. Ю.</i> Социальные установки студентов в отношении окружающей среды	112
Деятели науки.....	132
<i>Яницкий О. Н.</i> Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор	132
Онлайн приложение. Межуев Б. В. Русский европеизм как предмет историко-философского разоблачения.....	150

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue: “Research Directions and Scientific Communities of Modern Russian Sociology” ..	11
Round Table: “Reflections on Scientific School”	11
Heading “Scientific Approaches”	36
<i>Rutkevitch E. D.</i> “Sociology of Spirituality”: Problems of Creation	36
<i>Tovbin K. M.</i> Reduction of Post-politics.....	66
Heading “The Policy at the Local Level”	81
<i>Chirikova A. E.</i> Interaction of Local Authorities in Small Russian Cities: Pressure, Manipulation, Bargaining?.....	81
Heading “Social Strata and Groups: Attitudes and Behavior”	101
<i>Nagornova A. Y., Nagornov Y. S.</i> Models of the co-Dependent Behaviour of Family Members of Alcoholics in the Application of the Concept of Sustainable Development	101
<i>Ivanova L. Y.</i> The Social Attitudes of the Students in the Field of Environmental Improvement	112
Heading “Scientific Activity”	132
<i>Yanitsky O. N.</i> Diaries of V. I. Vernadsky: Their Author and Publisher	132
Online application. Mezhuev B.V. Russian Europeanism as a Matter of Historical and Philosophical Revelations.....	150

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»

Представляю номер

Очередной номер журнала открывает новая и, как планируем, регулярная рубрика «Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии». Круглый стол «Размышления о научной школе», положивший начало рубрике, посвящён классику современной российской социологии Владимиру Александровичу Ядову и сообществу учёных, долгие годы сотрудничающих с ним. В ходе обсуждения выявлены основные критерии научной деятельности этого сообщества, объединяющие социологов разных возрастов, тематических направлений и даже методологических подходов. Уделено внимание также проблеме существования и развития научных школ в современной науке. Непременным условием существования школы признано наличие сильного и авторитетного лидера – не только признанного мэтра, но энтузиаста, готового постоянно искать и находить свежие мысли, темы, применять инновационные теоретические подходы, руководить исследовательским процессом, опекать молодых учёных и всячески им помогать.

Рубрика «Вопросы теории» содержит две статьи, посвящённые анализу постмодернистских теоретических подходов. В первой из них (Руткевич Е. Д. Социология духовности) рассматривается формирование новой проблематики или даже дисциплины в современной социологии – социологии духовности. Автор показывает, что «религия» и «духовность» часто противопоставляются как объективная «традиционная духовность» и субъективная «постсовременная духовность». Во второй статье (Товбин К. М. Редукция постполитики) анализу подвергается такое явление, как постполитика. Автор характеризует её как предельную стадию дезонтологизации политических отношений.

В рубрике «Политика на местном уровне» размещена статья А. Е. Чириковой «Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг?». В ней представлены результаты проведённого автором в Пермской области эмпирического исследования способов

и методов взаимодействия различных ветвей власти на местном уровне, способствующих или препятствующих эффективному управлению.

Рубрика «Социальные слои и группы: установки и поведение» содержит две статьи, в фокусе которых две диаметрально противоположные по своим характеристикам социальные группы – неблагополучные семьи и студенты (группа молодёжи, которую можно считать наиболее благополучной). В статье «Мания»-структура и адаптивная модель созависимого поведения членов семей алкоголиков» (авторы Нагорнова А. Ю. и Нагорнов Ю. С.) показана эффективность применения концепции устойчивого развития, позволяющей выявить две модели поведения исследуемой группы. Во второй статье Л. Ю. Ивановой «Социальные установки студентов в отношении окружающей среды» представлены результаты социологического исследования «Экология и здоровье», проведённого среди студентов двух московских вузов в 2011–12 гг. Выявлены переменные, влияющие на формирование проэкологических взглядов современного студенчества.

Статья О. Н. Яницкого «Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор» в рубрике «Деятели науки» посвящена мало изученной в российском обществоведении теме: дневникам учёного. Особое внимание уделено роли их публикатора, работа которого, как показано, многотрудная и кропотливая, представляет научному сообществу редкий по разнообразию и насыщенности фактами, мыслями и оценками человеческий документ. Материал оказался столь интересным, что редакция надеется на продолжение темы, тем более что так нечасто мы видим анализ вклада выдающихся учёных в развитие науки.

Т е м а н о м е р а : Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии

К р у г л ы й с т о л : «Размышления о научной школе»

Список участников КС

Владимир Александрович Ядов

Татьяна Сергеевна Баранова

Анна Алексеевна Барсамова

Елена Николаевна Данилова

Ольга Николаевна Дудченко

Светлана Гавриловна Климова

Лариса Алексеевна Козлова

Ирина Владимировна Ксенофонтова

Анна Владимировна Мытиль

Елена Юрьевна Рождественская

Ирина Вячеславовна Щербакова

Круглый стол: «Размышления о научной школе»

Аннотация

Круглый стол «Размышления о научной школе» посвящён классику современной российской социологии Владимиру Александровичу Ядову и сообществу учёных, долгие годы сотрудничающих с ним. В ходе обсуждения выявлены основные критерии научной деятельности этого сообщества, объединяющего социологов разных тематических направлений, возрастов и даже методологических подходов. Уделено внимание также проблеме существования и развития научных школ в современной науке. Непременным условием существования школы признано наличие сильного и авторитетного лидера – не только признанного мэтра, но энтузиаста, готового постоянно генерировать свежие идеи, новые темы, применять инновационные теоретические подходы, руководить исследовательским процессом, опекать молодых учёных и помогать им.

Ключевые слова: научное сообщество, методология исследования, стратегия научного исследования, лидерство в науке, научные направления

Ирина Альбертовна Халий: Уважаемые коллеги! В сетевом журнале «Вестник Института социологии» мы планируем открыть постоянно действующую рубрику «Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии». И, конечно, начать было решено с того коллектива, который сложился и продолжает развиваться вокруг одного из авторитетнейших наших коллег – Владимира Александровича Ядова. Для обсуждения научной деятельности вашего коллектива (я бы назвала его «научной школой Ядова») мы сегодня и собрались.

Владимир Александрович Ядов: Я так скажу: дома я, конечно, готовился, как – секрет. Не скажу, что готовился сутками, но несколько минут потратил на это и думаю, что могу выделить три особенности того, что вы называете моей школой.

Первая особенность, я думаю, состоит в том, что мы с самого начала (ещё с Ленинграда и по сей день) очень тщательно отрабатываем программу исследования, от теории (детально: все индикаторы смысловые, эмпирические и т. п.) до пробы методик по всем правилам. Постепенно проба мето-

дик стала осуществляться нами уже не столь строго, как это было изначально. А изначально в Ленинграде это было жесточайше строго, никто такого сейчас вообще не делает. Просто потому, что опыт большой накопился, и исследователи опираются на то, что уже опробовано, а в начальный период у нас ещё не было опыта. Однако традиция проверять методу на устойчивость, надёжность, валидность сохраняется. При этом главное – самим выходить в поле. Хотя сейчас не так часто и это сами делаем: постарели некоторые, да и денег побольше стало – кого-то нанять можно, но всё-таки начинали мы именно таким образом. Вспомните, как на предприятиях ходили по цехам. Ведь впечатления, которые получаешь от разговора в поле с теми, кого изучаешь, намного сильнее, чем все эти статистики. Приведу один пример, который мне нравится очень, я его всегда в голове держу. Изучали мы солидаризацию в рабочей среде. Идём мы по заводу, по-моему, московскому, я подхожу к одному пожилому рабочему и говорю: «Слушай, вот сейчас новые правила – всякий вновь поступающий на работу подписывает договор с дирекцией: обязанности дирекции, обязанности сотрудника и так далее. А те, кто давно работают, вроде тебя, они не должны подписывать, как думаешь?» А он: «Да, на кой мне договор?» Я говорю: «Ну, как на кой, ты будешь знать свои обязанности, а они знают, что от них могут рабочие требовать?». Он: «А зачем мне это надо? Так я пришёл, понимаешь, в понедельник, мастер говорит: «Ты что, Петруха, иди, в субботу выйдешь, отработаешь две смены». И всё, а тут ткнёт в бумажки и выгонит». Это гораздо убедительнее, чем анализ, статистика и всё такое.

Второе – это коллективная работа. Мы совместно разрабатываем все детали исследования, и уже кто автор, кто не автор, – не имеет значения. Кто-то скажет не очень удачно – забудется, кто-то удачно – поддержится. Домашние задания бывают: что-то придумать, что дальше делать, как делать. Вот это коллективная мозговая атака в том смысле, что на первых порах не критиковать предложение, а развивать его, но потом можно и критиковать – на втором этапе. Это тоже очень полезно. И ещё (это из Выгодского, я выучил), такая коллективная работа, эмоциональная, с глазу на глаз гораздо более продуктивна бывает, чем индивидуальная. Потому что каждый хочет, так сказать, показать себя перед другими, мобилизует себя интуитивно, подсознательно.

И третья особенность – это публикации. Они у нас в основном монографические (редко сборники), т. е. тщательно всё прорабатывается, я сам всё внимательно просматриваю, иногда чиркаю здорово, но, конечно, согласовываю, договариваемся. Сейчас некоторые работы готовим вместе с Леной Даниловой, некоторые – ещё с кем-нибудь, но авторство каждого в деталях прописано (и не только раздела, даже автора идеи указываем, т. е. ни одно авторство не теряется).

Халий: Владимир Александрович, несколько слов про ленинградскую школу не хотите сказать?

Ядов: Это писано-переписано, но можно сказать, конечно. Когда мы начинали, никакой социологии не было. Все, кто начинал (Овсей Шкаратан, Игорь Кон и другие), были очень сплочёнными, дружили, общие семинары всё время проводили. Каждый, кто узнавал что-то новенькое, тут же «нёс» это в коллектив, а новенькое узнавать было не так-то просто, потому что нормального доступа к литературе и тем более интернета не было, если кому-то удавалось добыть книгу иностранную, то она тут же расходилась, переводилась, передавалась из рук в руки. Главное было – всё рассказывать коллегам, ничего не утаивать. Помню, я приехал из Польши (ездил на конгресс польских социологов), и сказал, что сейчас новые направления в социологии развиваются, постмодернизм и т. п., а Юрий Давыдов говорит: «Ничего себе новенькое!». А ты что сидел, молчал?! Для меня было удивительным – он знает и никому не говорит. У нас такого не было: возможно из-за информационного вакуума. Теперь, может быть, это и не так важно, но эта особенность была – взаимопомощь. Что ещё? Много чего можно говорить, но главное названо – очень высокая сплочённость, взаимопомощь, взаимоподдержка и идейная оборона от внешнего врага.

Халий: Думаю, надо вернуться к обсуждению вашего творческого научного коллектива: как он возник, развивался, на чём базировался.

Елена Николаевна Данилова: О нашем коллективе. Надо сказать, что это довольно давняя история, уже 20 лет, наверное, а то и больше, мы работаем с Владимиром Александровичем. Когда появился Владимир Александрович в институте, мы все были в разных подразделениях (я имею в виду наш отдел теоретического анализа социальных трансформаций). Потом, если вы помните, был такой «Юрьев день» в институте, когда происходило то, что происходит теперь во всём мире, – процесс самоопределения. Народ самоопределялся, естественно размежёвывался и примыкал. И мы стали выяснять, какие есть предложения, т. е. вокруг чего объединяться, какие идеи, что делать, какие исследовательские интересы, что сейчас на повестке дня в науке, кто что умеет и так далее. И в каком-то смысле спонтанно, а в другом смысле даже, наверное, не сильно спонтанно образовался круг людей, заинтересованных общими проблемами. Это был первый стимул к объединению. В широком масштабе темой стала «личность и общество», т. е. это тема Владимира Александровича, о которой он всегда беспокоился: почему люди себя ведут так, что собственно ими движет, их установки и поведение, почему поведение может быть совершенно иным, чем то, что декларируется на словах.

И второй стимул – это харизматический лидер, к которому и тянулись люди. Начали мы тогда с темы идентичности, которая у нас в стране возникла не так давно, в то время как на Западе она уже всюду исследовалась, мало того, была одним из главных концептов. Я помню, что в тот момент съездила в Англию, притащила книги, и мы начали рассуждать: а годится нам это или не годится? Причём у нас сотрудники имели разное (психологическое и экономическое) образование, многие занимались социализацией, что тоже, как говорится, в тему. В общем, тема идентичности как концепт, как некий новый круг интересов, сформировалась на первоначальном этапе в качестве основы, образующей отдел. Это были первые исследования идентификации, в самом начале 1990-х гг. Но не только это. Богатство нашего отдела ещё заключалось в том, что многие люди имели уже багаж и опыт использования различных методик, причём апробированных. Так скомпоновалась команда из тех, у кого была возможность что-то предложить. У Светы Климовой, помню, была методика неоконченных предложений, у Оли Дудченко и Ани Мытиль – методика по измерению адаптации. У Тани Барановой – тесты семантического дифференциала, любимая вещь. Но это не означало, что мы брали эти методики в классическом виде, мы пытались их адаптировать под темы проектов. А проекты, помимо идентичности, увязывались некой общей концептуальной схемой. У нас, конечно, много было исследований, связанных с поведением людей и в рамках трудовых отношений. Делали исследования на предприятиях, о чём упоминал Владимир Александрович, но это пояснит Светлана Гавриловна, она в этом смысле мастер.

Подобрался коллектив с определённым общим интересом, уже был и свой методический ресурс. И, конечно, честно говоря, вспоминать те дни, когда мы начинали исследования любого рода с Владимиром Александровичем, приятно – это было, действительно, счастье. И надо сказать, что всегда и безусловно наш лидер имел и имеет значение, и особенно следует отметить такие его черты, как демократичность и живой ум, интерес, а также чрезвычайная вменяемость. Ибо когда есть вменяемость, есть и спор, и интерес, и желание услышать другого. Как правило, наши обсуждения часто проходят в форме мозговых штурмов.

Когда мы делаем коллективную монографию, это означает, что мы все объединены какой-то общей идеей и хотим посмотреть на некий феномен с использованием разных методик, но под одной «крышей». В любом случае мы в каждой из монографий приводим и приводили всегда свои методики, что тоже считаем нашим достижением. Эти методики, естественно, корректировались в ходе полевых исследований, причём различные методики – от тестов до гайдов и анкет, как правило, мы

используем и качественные, и количественные методики. Такая методическая основа безусловно идёт от лидера. Когда есть компетентный лидер и интерес, и твоя компетентность растёт.

Очень важно, чтобы всё происходило согласно профессиональным требованиям проведения исследований. Были апробации, помню, мы бесконечно спорили о пилотажах, проверяли статистики, которые получаются на пилотажах, со шкалами бесконечно работали, с тестами, расчёты всякие – всё это до того, как выйти в поле, мы действительно делали. Сейчас мы это меньше делаем, не исключено, это связано скорее с тем, что финансирования, как правило, хватает только на мягкие методики, позволяющие брать небольшие выборки и самим участвовать в полевых исследованиях. Вот у нас Ирина, Оля, Аня, Света, Таня, у всех коллег есть определённый свой объект интереса и исследования, и все работают со своим объектом самостоятельно и по определённым методикам, а процесс исследования, результаты, методики и идеи мы до сих пор жарко вместе обсуждаем. Всё это стиль, манера лидера, учителя, такой фирменный знак, что ли. И формирование коллективов вокруг него – тоже «фирменный» знак, естественно, и формируется он не отделом кадров, а самими исследователями вокруг лидера, это «органическая» деятельность.

Халий: Поскольку на Светлану Гавриловну Климову уже сослались (а она возглавляет одно из важных направлений ваших исследований), давайте ей и предоставим слово.

Светлана Гавриловна Климова: Когда я готовилась к этому выступлению, то думала рассказать о научной школе В. А. Ядова. Но нужно всё-таки понимать, что такое школа. Я задала этот вопрос себе и попыталась на него ответить. Ответ у меня получился из одного слова: научная школа – это перспектива. А потом я стала думать: а что такое научная перспектива, какая она бывает? И есть ли в нашем случае научная перспектива применительно к школе Ядова и к той проблематике, которой я занималась много лет – социология труда. Я насчитала пять таких перспектив.

Первый признак научной школы – это теоретическая перспектива, т. е. когда задана такая парадигма, которая позволяет вести исследования, не упираясь в границы этой парадигмы, а если ты ощущаешь, что всё, она тебе мешает, значит нет больше у неё возможностей. В случае социологии труда – это та парадигма, которая, на мой взгляд, позволяет не упереться в потолок, и которая была задана первыми теоретическими концептуальными исследованиями Владимира Александровича: представление о работниках как о полноценных субъектах трудовых отношений. Это базовое утверждение, которое сейчас противоречит доминирующему в практиках постфордизма (мы с этим постоянно сталкиваемся): теория и практика управления, главной идеей которой является отказ

работникам в субъектности, индивидуализация трудовых отношений и доминирование краткосрочных и часто неформальных правил. Эти практики сегодня доминируют, но они не заставляют нас отказываться от концепта субъектности в трудовых отношениях. И здесь мы выйдем даже какими-то фрондёрами, потому что очень часто нам говорят, что это архаизм, что это социалистический концепт, а с другой стороны, – что это какие-то левацкие представления о трудовых отношениях, которые на самом деле вне главной линии развития. Но, тем не менее, на мой взгляд, концепт субъектности чрезвычайно богат и позволяет развивать это направление.

Второй признак научной школы – методологическая перспектива, которую можно назвать культурметодом, т. е. это рефлексия по поводу метода самого исследования. Как это делается, рассказали Елена и Владимир Александрович.

Третья перспектива – кадровая. Всегда есть ученики, всегда есть последователи, которые продолжают дело, но могут быть совсем не одни и те же люди. Критики концепта научных школ говорят, что научная школа – это застывший организм, который деградирует; это архаизм и его надо разрушать, надо устраивать конкуренцию вместо сотрудничества... Я считаю, что кадровые перспективы в нашем случае – не обязательно застывший коллектив, состоящий постоянно из одних и тех же людей: одни приходят, другие уходят, одни задерживаются надолго, а другие на короткое время. Применительно к социологии труда, эта перспектива реализована в очень активном функционировании секции социологии труда в РОС. И наши «кадры» нередко находятся далеко за пределами Москвы.

Четвёртый признак школы – это отсутствие географических границ. Потому что научная школа – это сообщество, которому функционировать, особенно сейчас, очень легко. Все друг с другом переписываются, организуют конференции, издают книги, тем более, что Владимир Александрович всегда готов их рецензировать и редактировать, всяко участвовать, и в этом всё больше молодых людей принимают участие. Комитет по социологии труда российского общества социологов один из наиболее активных.

Когда мы начинаем какой-то проект или готовим конференцию (в частности очередная конференция по социологии труда пройдёт в сентябре в Нижнем Новгороде), сразу же даём объявление на сайте РОС, и огромное количество молодых людей может принять участие, особенно если конференции проводятся на базе университетов. А они регулярно проводятся на базе университетов либо в Нижнем, либо в Самаре, либо в Санкт-Петербурге, там наиболее сильны такие ячейки и огромное количество молодёжи выступает. Участие в конференциях, в совместных публикациях, в совместных исследованиях даёт возможность молодым исследователям не ощущать себя людьми третьего сорта, потому что в нашем сообществе нет такого подхода к оценке труда молодых.

Так, в Санкт-Петербург, например, на конференцию по труду три японца приехали, говорящие по-русски. Они участвуют в диалоге, а не просто читают книжки, они знают, с кем поговорить, с кем вступить в контакт и по какому поводу. Мы издали вместе со студентами Краснодарского и Нижегородского университетов книгу: Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002 гг.). М.: Аспект-пресс, 2004. Это и есть результат такого подхода.

И не случайно на последней конференции по социологии труда в Санкт-Петербурге Владимир Александрович председательствовал, что воспринималось абсолютно естественно, несмотря на то, что там было действительно много учёных и из петербургского университета, и из других мест. Это было естественно и органично. Никто не думал, что надо вступать в какие-то конкурентные отношения, а старались найти возможности разных диалогов.

Следующая перспектива научной школы – это этическая перспектива, потому что есть определённые нормы в научном сообществе. Они иногда проговариваются (например, что вот так-то делится материал, так-то делится работа), иногда они подразумеваются. Я в процессе подготовки к нашему круглому столу попыталась их сформулировать, хотя бы основные. Первая этическая норма – отсутствие административного давления и согласованное решение, Владимир Александрович об этом говорил. Второе – открытость для инициатив, третье – поддержка молодёжи и четвёртое – открытость данных исследований для всех участников. Вот это базовые правила, мы всегда их придерживаемся, и они нам очень помогают в работе.

Халий: Думаю, следует дать слово Виктории Владимировне Семёновой. Никто, как она, не сможет рассказать нам о научных кадрах школы Ядова.

Виктория Владимировна Семёнова: Мне кажется, что если говорить о школе Ядова, трудно ограничиваться какими-то структурными рамками. Скорее, это некое большое виртуальное сообщество, и, наверное, если бы сейчас спросили многих социологов в разных городах, принадлежат ли они к школе Ядова, они бы ответили утвердительно. И не только в России, но и в других странах. Причём в этом воображаемом сообществе каждый вкладывает свои смыслы в «качество» принадлежности к школе Ядова. Для кого-то – это принадлежность к ядовскому поколению шестидесятников, для кого-то – соотнесение себя с некими профессионально-этическими качествами (как знак «качества» профессиональной деятельности), для кого-то – символ научного долголетия, пережившего несколько эпох развития российской социологии, а для кого-то – даже символ российской социологии в целом.

Например, для его зарубежных коллег, которые приезжают только для того, чтобы встретиться с «Владимиром». То есть границы этого виртуального сообщества конструируются и видоизменяются независимо от реальной близости к мэтру, а по каким-то духовным основаниям. Это сторонники или противники тех принципов, которые Владимир Александрович отстаивает как в науке, так и в жизни.

Что касается меня лично, то чисто формально я не могу считать себя учеником (или ученицей) Ядова, я эту школу не прошла, руководителем моей кандидатской диссертации был другой учёный. Я прикоснулась к его «университетам» только в годы учёбы в аспирантуре, и в основном мне запомнилось, как мы, аспиранты, терпеливо, по часу или больше, ждали начала его лекций, если опаздывал поезд из Ленинграда, и он вбегал в аудиторию так, как-будто всю дорогу от Питера бежал бегом. Но мы всегда дожидались, это было важно – не пропустить его лекцию. Книги «Человек и его работа» и «Саморегуляция поведения» исчерканы мною ещё в те годы до дырочек, и в целом Владимир Александрович был для нас, молодых, моральным авторитетом. Если говорить уже о более близком времени, то я бы сказала, что могу назвать себя, скорее, не ученицей, но последовательницей Ядова. Думаю, что это чувство наследия, «наследничества» зиждется на нескольких принципах, которые характерны для школы Ядова, о которых уже шла сегодня речь и о чём говорил сам Владимир Александрович.

Любопытно, что, несмотря на отсутствие формальной принадлежности к школе Ядова в годы ученичества, сегодня я могу причислить себя к его школе по факту: с группой преподавателей ГАУГНа мы выиграла конкурс и стали держателями гранта Президента РФ, который предоставляется лучшим научным школам. На нашем «знамени» написано «школа В. А. Ядова», у нас даже есть соответствующий сертификат. Кроме того, я имею честь быть соавтором Владимира Александровича по книге «Стратегия социологического исследования», где он предложил мне написать главу о качественной методологии.

Что касается основополагающих принципов школы Владимира Александровича, то первым, главным и важным для меня лично, я бы назвала принцип демократии в науке, в социологии. Владимир Александрович его нам впервые наглядно продемонстрировал в период его директорства в нашем институте. Произошёл тот «Юрьев день», о котором упоминала Лена. Это был очень яркий пример демократии, который изменил тогда жизнь многих моих коллег. С точки зрения проявления принципа демократии в социологии, я вспоминаю и другой пример: фактически, благодаря Владимиру Александровичу, качественная методология в России оказалась не «эпистемологической кучей», которой она собиралась стать,

а превратилась в направление, которое развивается. Владимир Александрович тогда сам весьма скептически и недоверчиво относился к этому направлению, и, будучи директором, он его мог спокойно запретить или «замолчать». Но он поддерживал, с любопытством со стороны наблюдал за всевозможными дискуссиями «защитников» и «нападавших», а мог бы прикрыть как «ненаучное направление». Я знаю университеты в Восточной Европе, которые до сих пор считают качественную методологию маргинальным направлением, поскольку их начальство не признаёт её значимость.

Даже совсем недавно, и не где-нибудь, а в Варшавском университете, аспирантка мне говорит: «А у нас это не прошло бы при защите диссертации». Вот сейчас Владимир Александрович недоверчиво качает головой, а тогда он говорил: «А что, попробуем» и дал нам, что называется, путёвку в жизнь. Когда же я определяла тему для своей докторской и колебалась между тематикой поколений и качественной методологией, пришла к нему за советом. Он прямо сказал: «Пиши по качественной, сейчас это важнее», и взялся быть научным консультантом. Это была, насколько я знаю, первая защита по качественной методологии.

Принцип демократии в управлении он отстаивает и в науке, где эта парадигма значится как принцип мультипарадигмальности. Его Владимир Александрович всегда отстаивает и в своих научных работах. Это касается не только качественной методологии. С Владимиром Александровичем можно обсуждать все новинки, новые повороты в исследованиях. Совсем недавно он мне сказал: «Пора включать визуальный анализ». Знаю, что Владимир Александрович к визуальному анализу не имеет никакого отношения, я его сложно представляю как исследователя в этой области, однако он знаком и с таким очень современным подходом. Эта мультипарадигмальность как принцип воспитана во всех учениках и последователях Владимира Александровича.

Второй, на мой взгляд, важный принцип (о чём говорила Елена Данилова) – «качество» исследований, т. е. качество методик и проработанности методологии исследования, чему он всегда уделяет внимание и что зачастую является весьма слабым местом в нашей эмпирии. Мы прекрасно знаем, как расходятся различные опросные агентства в своих данных, и мы всегда задаём первый вопрос: кто, что и как делал? И если мы узнаём, что это сделано по-ядовски, то это всегда гарантия качества. Недаром его учебник «Стратегии социологического исследования» является столь популярным и востребованным во многих учебных заведениях. Владимир Александрович понимал, что в основе профессионализма молодых социологов лежит методика, и прежде всего её студенты должны осваивать. Качество социологической информации – это тоже «ядовский» принцип работы социолога.

Ещё один принцип, очень востребованный в наше время и тоже идущий от Ядова, – это нравственный авторитет учёного в обществе вообще и в нашем социологическом сообществе в частности. Владимир Александрович не просто лично, а своей исследовательской позицией, своей гражданской позицией является для нас образцом – это, конечно, притягивает к нему его многочисленных виртуальных наследников, работающих в разных городах и весях. Я хорошо запомнила один момент нашей общесоциологической встречи в Уфе, когда посередине большого холла, заполненного приехавшими на конференцию и неорганизованно общавшимися между собой учёными, вдруг поставили стул, если не табуретку, на которую сел Владимир Александрович, и сразу вокруг него, как пчёлы, зароились все собравшиеся. Они сбегались волнами, все те, кто хотел поприветствовать мэтра, напомнить ему о себе, сказать доброе слово, получить короткий совет. А он восседал, как патриарх, обращая взоры направо и налево, узнавая, а иногда и не узнавая тех, кто хотел получить его научное благословение. Всё «броуновское движение» в холле вдруг организовалось вокруг этой центральной табуретки. И я думаю, что это было не только благодаря тому, что звучно его научное имя, но и потому, что это имя звучно с точки зрения нравственного авторитета. Потому что ни в нечестности, ни в каких-то подлостях никогда он не был замешан и, по-моему, даже был официально назначен председателем какой-то этической комиссии в рамках РОСа. А уж как напрямую, неожиданно прерывая регламент любого «высокого собрания», он может высказать своё мнение, мы знаем все: «Что он несёт? Это же ерунда!»

Если кто-то хочет быть на определённом уровне профессионального «качества», то он обязательно равняется на Ядова, безотносительно к тому, обладает ли он формальным членством в его команде. Это и есть Ядовская школа. И, как я говорю студентам в нашем ГАУГНе, Ядов – наше знамя, мы не можем его ронять. Мы действительно стараемся ориентировать наших студентов и преподавателей на «ядовский» уровень. Да и преподаватели, и студенты приходят зачастую в университет потому, что он «ядовский», возможно именно поэтому наш университет и жив, пока существует ядовская научная школа.

Халий: Без сомнения, тему расширения «ядовского круга» продолжит Елена Юрьевна Рождественская, недавно при научном консультировании Владимира Александровича защитившая докторскую диссертацию.

Елена Юрьевна Рождественская: Как обойтись без личной истории? Есть у меня такой эпизод в жизни. Я заканчивала университет, философский факультет в Риге и работала на кафедре прикладной социологии, осуществляла исследование. И вот часть моей работы, так сказать, влилась в отчётный

материал отдела Владимира Александровича, когда он ещё работал в Ленинграде. То есть, уже со студенческой скамьи я считаю, что имею право причислить себя к школе Ядова. Таким вот сложным путём через одну кандидатскую, но уже к докторской я пришла под крыло известного мэтра. Теперь, оценивая очень долгий путь и длинный ряд разложенных здесь книг, я могла бы сказать, что идеи школы Ядова связали несколько поколений. Что такое работа, что такое личность, взаимосвязь личности и общества, вопросы солидарности, активной позиции в обществе – эти вопросы не теряют актуальности и это, возможно, объяснение того, почему школа жива, почему инвестиции в репутацию этой школы теперь работают на саму репутацию. То есть, по большому счёту, мы с вами можем жить на определённые дивиденды, исходя из того, что затеял Владимир Александрович Ядов. Но никто не сидит сложа руки, и все, благодаря основной интенции, исходящей от руководителя, ищут новое. Очевидно, что и демократический стиль руководства, и взаимоотношения в коллективе, и готовность поддержать новое (во что, может быть, поначалу и сам Владимир Александрович не особенно верил, но дал карт-бланш, поддержал), дали возможность увидеть, что и у нас расцвели очень интересные и сегодня приветствуемые «цветы», на Западе давно уже развиваемые. И мы не отстали в этом отношении, развивая такие направления, как этнография, интернет-исследования, визуальные исследования,

гендерные и квир-исследования.

Но я бы хотела всё-таки выделить две основные идеи, которые грели мне душу и мотивировали меня на подготовку докторской диссертации. Это, конечно же, книга «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности». Представление о целостности индивида, о том, что это не просто некий объект, агент в социальном поле, а человек, личность, нагруженная определёнными диспозициями, обладающая структурой избирательности в поле социального действия, переключалось и в план моих собственных идей, когда я говорила об этом в своей докторской работе, т. е. о том, что на платформе биографического метода мы только и собираем целостного индивида, в отличие от обычно предъявляемого частично. Мы всем нужны лишь по какому-то поводу, а вот «собрать» себя воедино, представить себя целостным и в этом

смысле утвердить свою идентичность мы способны, отвечая на самый главный вопрос нашей жизни: кто мы такие и как мы стали такими, какие мы есть. Так что я полагаю, что те идеи, которые были высказаны в 1960-70-е гг., не утратили своей актуальности, и это свидетельство того, что школа жива и имеет определённые перспективы. Набор этих идей, широта инновативных методов, демократичность стиля и, наконец, бренд и есть подтверждение наличия школы В. А. Ядова. Достаточно посмотреть в интернете, насколько цитируемы его работы.

Ещё одно объяснение живучести и перспективности школы заключается в том, что далеко не каждый отдел и даже не каждый институт может похвастать таким набором хрестоматийных для обучения новых поколений книг, благодаря которым учёные социализируются в профессии. И в этом смысле Владимир Александрович является передовой фигурой.

Халий: В подтверждение перспектив развития школы Ядова предоставим слово молодым учёным.

Ирина Владимировна Ксенофонтова: На данный момент я уже работаю в институте, готовлюсь защищать диссертацию, мой научный руководитель Виктория Владимировна Семёнова, т. е. я тоже причисляю себя к школе Ядова, хотя бы формально. Но сейчас я хочу сказать о другом своём опыте, о том, как я училась на соцфаке в ГАУГНе, и что такое учиться в этом университете. Буквально это означает: учиться у Ядова. Это может подтвердить любой студент или выпускник, потому что иногда, когда я училась, спрашивали: «А где ты учишься?», я отвечала: «В ГАУГНе». «Где, где?». Я говорила: «Ну, у Ядова». Тогда все понимали. Могу немножко рассказать о том, какие у меня были ощущения от первой встречи со школой Ядова. Когда человек только приходит на социологический факультет фактически после общеобразовательной школы, то бывает оглушён новой информацией, потому что ему говорят: «Это не привычка, это установка. Это не человек, это индивид. Это не разговор, это коммуникация». И, несмотря на то, что преподаватели стараются особенно не грузить первокурсников, головы у молодых сразу трещат от обилия этой новой информации и новых названий всего и вся. И вот, помню, на первом курсе нам посоветовали для того, чтобы как-то сориентироваться, взять в библиотеке книгу Ядова и Семёновой «Стратегия социологического исследования», чтобы понять, как вообще проводить социологическое исследование. Я торжественно отправилась в библиотеку, взяла эту книгу, прочитала первые несколько страниц и поняла,

что я ничего не понимаю. Сейчас я, конечно, понимаю, что там нечего было не понимать, всё же понятно написано! Но тогда это было очень трудно. Примерно в то же время Владимир Александрович начал читать нам лекции, и перед первой лекцией у меня появился такой страх, что я ничего не пойму, буду сидеть зажатой, и, как в случае с книжкой, только хлопать глазами и ничего не понимать. Но оказалось, что самые сложные вещи можно объяснить простыми словами, приводя различные примеры, и тогда какой-нибудь там структурный функционализм оказывается вполне живым и доступным. Он перестаёт быть таким страшным монстром из-под кровати, который на тебя набросится и съест. Но речь всё-таки не идёт об упрощении, чтобы для дурачков-студентов донести. Речь идёт именно о том, что сложное нужно уметь раскладывать на простое, чтобы понять любой механизм вообще: социологический или другой научный. Помню, как Ядов однажды сказал: «Теория ничего не стоит, если её нельзя объяснить на пальцах». И я это хорошо запомнила. Потом, уже на другом уровне, на старших курсах мы стали понимать и книжки, и лекции, и Владимир Александрович уже разговаривал с нами на более сложном языке. Позже я поступила в аспирантуру. Был выбор темы диссертации. Так получилось, что я стала заниматься солидарностью и, конечно, это опять привело меня в школу Ядова.

Ядов: Отчего я умею просто объяснять. Потому что долгое время я студентом читал лекции по линии общества «Знание» на заводах, и там надо было объяснить очень просто. А когда из партии меня потурили, я пошёл на завод работать и был главным пропагандистом по всему заводу. Короче, у меня большой опыт объяснять людям, которые совершенно некомпетентны, какие-то наши вещи.

Ирина Вячеславовна Щербакова: Хорошо тем, кто учился в ГАУГНе, а тем, кто там не учился, пришлось своей головой до всего доходить и пользоваться советами более опытных товарищей. После окончания моего вуза я поняла, что как ремесло я примерно всё усвоила и могу деньги этим заработать даже. Но когда захотелось чего-то большего, заняться социологией как наукой и искусством, я у Геннадия Семёновича Батыгина спросила, куда мне обратиться, он посоветовал к Вам, Владимир Александрович. И вот уже несколько лет работаю с Вами и Вашим коллективом, но понимаю, как многому надо ещё учиться. Даже уж не знаю, могу ли относить себя к Вашей школе, но главное, что я поняла, – это честность в науке.

Анна Алексеевна Барсамова: Я работаю в этом подразделении недавно, но хочу поделиться своими впечатлениями. Меня интересует специфика анализа данных. Поскольку социология не может обойтись без информации, которую мы получаем в результате исследований, именно отношение к этой информации и специфика работы с ней во многом определяет различные научные сообщества и школы, отличает их друг от друга. Можно данные просто описывать, можно объяснять, и это тоже правильно и интересно. А можно данные использовать для объяснения реальности, для понимания каких-то механизмов функционирования общества, для понимания поведения людей. Что для меня отличает работу нашего отдела от многих других, так именно отношение к данным не как к самоцели, а как к источнику, чтобы объяснить реальность.

Халий: Вернёмся к «старожилам» вашего сообщества. Мне представляется, что у них найдутся ещё незатронутые в нашей дискуссии темы.

Татьяна Сергеевна Баранова: Я работаю с Владимиром Александровичем с тех пор, как он, так сказать, появился в нашем институте, хотя знала его значительно раньше. Я – психолог, закончила психологический факультет МГУ и, как Ядов считает, неисправимый психолог, то есть при любых социологических исследованиях или при любых объяснениях я всегда скатываюсь, так сказать, в психологизм. В этом, наверное, мой минус, но и плюс, потому что я же не зря осталась в социологии и пришла работать именно к Ядову. И первый год, когда мы начинали с идентификации, для меня был просто праздник души. Потому что это настолько затрагивало все мои установки как психолога, все мои интересы и глубинные потребности, что я в это полностью погрузилась. Я занималась социологическим анализом при помощи психологического метода, применяла семантический дифференциал (одна из первых). И Ядов «на ура» это воспринял. Хотя перед этим я долго, работая в институте с 1973 г., пыталась этот метод реализовать под руководством многих других социологов. Но никто ничего не понимал. Ядов понял с полуслова.

Ядов сам психолог в определённой степени, хотя всё-таки социолог до мозга костей, я эту разницу вижу. И знаете, отличительная черта школы Ядова, с одной стороны, – творческая компонента, когда просто интересно всё новое и всё такое глубинное, то, что действительно объясняет поведение человека; с другой стороны, – очень чёткое применение методов. И вот это характерная черта школы Ядова – широта творчества, которое всегда немножко неорганизовано, но при этом чёткая организация в плане метода, то есть всегда чёткая программа: что мы исследуем, зачем, кто, какие методы, как проверяем данные.

Это мне очень помогло вообще в жизни. В связи с перестройкой многие из нас работали в других областях. Я в образовании работала, и всегда при столкновении с какими-то проблемами знала, что нельзя сильно растекаться мыслью, что есть программа, а потому и понимание, что делать. Это школа мне дала, я действительно Владимиру Александровичу благодарна.

Анна Владимировна Мытиль: Конечно, мы все люди Ядова и со всем, что тут говорилось, я полностью согласна. Но мне бы хотелось сказать в двух словах только об одном – о щедрости Владимира Александровича. (Обратите внимание: Владимир Александрович уже начинает испытывать неловкость от тех комплиментов, которые на него посыпались). Информация в науке – это один из важнейших ресурсов. А у нас, в подразделении Ядова, никогда не было никакого дозирования информации. Наоборот, если тебе что-то интересно, идея интересная, пожалуйста – бери, развивай. И, на мой взгляд, эта информационная щедрость базируется на том, что наш лидер – неистощимый источник новых идей. Берите, мне не жалко, потому что завтра я придумаю такое, что вам и не снилось. И Владимир Александрович всегда стимулирует к развитию. Не стоять на месте, двигаться вперед и сеять доброе и вечное.

Ольга Николаевна Дудченко: Я уже очень много лет работаю с Владимиром Александровичем, и для меня это было сознательное решение – работать именно с ним. Оно довольно долго зрело, а главное – было на чём выбор основывать. Это то, что помимо внятности таких полипарадигмальных подходов и понимания того, что содержательно вряд ли будут какие-то неожиданности, было стремление сохранить свою свободу в выборе направления. Я была уже достаточно взрослым человеком со своими интересами, было желание их сохранить и ожидания, что будет такая возможность. И это подтвердилось. Но то, что параллельно с этой свободой, всегда была и сохраняется готовность полноценно включиться в работу на любой стадии (честно говоря, было не совсем ожидаемым, и что, на мой взгляд, редкая вещь): ответить на любой запрос, немножко притормозить, если ты уходишь куда-то «не туда», по мнению Владимира Александровича, его готовность услышать, понять и поддержать.

Халий: Среди нас сейчас есть человек, который «по долгу службы» может и должен подвести некоторые итоги нашей беседы.

Лариса Алексеевна Козлова: Я слушала всех очень внимательно и заметила, что многие коллеги, особенно непосредственно сотрудничающие с Владимиром Александровичем, плавно перешли на его личность выдающуюся, и это совершенно не случайно. (Замечу, кстати, что мне, к сожалению, никогда не приходилось с Владимиром Александровичем работать в совместных исследованиях. Но могу сказать, что, пожалуй,

с 1990-х гг. и уж точно, с тех пор, как наши рабочие комнаты оказались рядом, да ещё мы с Владимиром Александровичем начали совместно издавать «Социологический журнал», наше взаимодействие стало весьма прочным.)

Сейчас моя задача, поскольку я занимаюсь историей и социологией науки, немножко обобщить то, что я сейчас услышала. Я думаю, что мы можем определить основные черты школы, о которой сейчас говорим и которая с очевидностью существует. Я думаю, что эту школу следует называть школой В. А. Ядова. Конечно, приходит сразу на память ленинградская школа, но она, мы должны признать, существовала в своё время, где-то в 1960-70-е гг., а потом распалась: настолько разными её представители и лидеры оказались, что в принципе говорить о каком-то последовательном продолжении единой методологии, единого направления, наверное, не приходится. Но Владимир Александрович перенёс вместе с собой и эту ленинградскую школу, поэтому её теперь можно называть ленинградско-московской во главе с Ядовым. Но, наверное, это тоже неточно, так как географических границ у этой школы нет, как мы уже выяснили. Так что школа Ядова – это просто школа Ядова. В неё входит обобщённый коллектив сотрудников, которые когда-либо работали или работают с В. А. Ядовым сейчас. Это и не направление, и не научная сеть, а именно научная школа.

Каковы её характерные признаки? Попробуем применить к этому феномену основные критерии, которые в науковедении отличают научную школу. Во-первых, естественно, это *наличие лидера*, с которого и начинается школа. Как говорит Борис Докторов, российская социология начинается с буквы «Я». Думаю, что он во многом прав. Вся социология 1960-х гг., безусловно, связана с именем Ядова. Так и по сей день. Но есть и какие-то признаки школы, которые существуют помимо лидера, которыми он наделён сам и которые, благодаря ему, распространяются в довольно широкие круги социологического сообщества – среди его коллег и учеников. Первый признак, я бы так определила, это *методическая направленность ядовской школы*. Его первый учебник, его программы и масса исследований, которые он провёл со своими коллегами, – всё это говорит о доминировании методической составляющей, о её значении для школы и для российской социологии в целом. Второй пункт, примыкающий к первому, – это *ядовский научный стиль* проведения эмпирических исследований. В первую очередь, это их коллективный характер, это выход в поле, это мозговой штурм, это совместная мысль, которая коллективными усилиями многократно умножается и даёт свой эффект. Я думаю, создание и распространение такого стиля – исключительная заслуга Владимира Александровича. Это стало возможным благодаря его личным свойствам, его харизме, его манере, которые он распространяет на других людей, на

своих коллег. Третий принцип касается теории и методологии, т. к. любая научная школа обязательно характеризуется определёнными пристрастиями в этом плане. Здесь совершенно явно обнаруживается, что Владимир Александрович является распространителем и «трубадуром» *мультипарадигмального подхода*. Ведь, к примеру, когда все ещё только начинали говорить о качественных методах и как-то разделяли количественные и качественные методы, он смело утверждал, что они вообще не разделяются по большому счёту в науке, и на разных этапах исследования они обязательно сосуществуют. Следующий пункт, четвертый по счёту, – это вопрос: есть ли какой-то *общий предмет* для школы Ядова, исследовательский предмет? Я думаю, что такого жёсткого предмета, конечно, нет: можно назвать много предметных полей. Но есть то, что, пожалуй, проходит сквозь все предметы, которых касается ядовская школа, – это *интерес к личности, к субъекту с элементами социальной психологии*, которая так близка Владимиру Александровичу и всем его ученикам. Какую бы предметную область мы ни взяли, исследуемую этой школой, крен всё-таки в эту сторону идёт. И, наконец, пятый пункт, характеризующий ядовскую школу, связан с Ядовым как *учителем молодёжи*. Это совершенно особое его свойство, которое обеспечивает продолжение жизни его школы. По-моему, он прекрасный педагог, который любит своё дело. Владимир Александрович чувствует себя здесь очень органично. И вот сегодня недаром молодёжь так бурно начала выступать по поводу своего ученичества, потому что Ядов действительно умеет заразить учащихся интересом к социологии, и это – его очень значимое свойство как учителя и как главы школы.

Одно слово скажу о перспективах школы. Как и любая школа, конечно, и эта будет изменяться, у неё появятся какие-то другие лидеры, новые направления исследований, она будет ветвиться. Труды Владимира Александровича всегда будут читаться и, может быть, с разной интенсивностью, но интерес к ним, я думаю, не пропадёт. Единственное, что хотелось бы сказать по поводу будущего школы: её сохранение и развитие находится в прямой зависимости от того, как будет жить и развиваться наша социология в целом. Если её продолжат также убивать, как сейчас это происходит, то ни одна школа не выживет. Неудачи реформирования, приводящие к фрагментированию научных школ, сообществ и коллективов, к добру, конечно, не приведут. Из-за регулярных «уплотнений» научных коллективов и сокращения штатов специалисты вынуждены нарушать структуру научной коммуникации и сотрудничества – покидать свои коллективы, работать сразу в нескольких организациях или вообще уходить из социологии. Тем самым снижается кумулятивный эффект научной деятельности. Все эти болезни современной российской соци-

ологии каждому из нас хорошо известны, как и острая проблема привлечения в социологию молодёжи. Всё это, конечно, не способствует поддержанию социологических школ.

Данилова: Позвольте всё же ложку дёгтя внести в наш разговор. Без сомнения, наши размышления о научной школе, в данном случае, Ядова – вещь полезная в том смысле, что повышает нашу саморефлексию. С другой стороны, это явно напоминает уходящую натуру.

Я уверена, здесь нет ни одного человека, который не был бы благодарен Владимиру Александровичу за то, что он есть. Это персонаж, лидер. Но речь идёт о школах. Вот все говорят, что ленинградская распалась. Но не в этом дело. Она-то распалась, но люди благодаря ей социализировались, поработав с Владимиром Александровичем, вырабатывали определённые подходы, всё это уже в них заложено. И все, кто здесь присутствуют, тоже в каком-то смысле имеют навыки, которые получили благодаря взаимной коммуникации, обмену и работе с ним. Естественно, они всё это дальше понесут, и студенты будут перенимать, это обычная научная социализация, возможно, не обязательно школа.

Но идея осмысления наличия научных школ в социологическом сообществе очень важна для того, чтобы понять: а что такое, собственно, наука в нынешней ситуации, каким образом она конструируется и функционирует. Ведь ткань научных сообществ очень сложная, она состоит не из отдельных персонажей, а из того, что вокруг каких-то персонажей формируется. И бурлит жизнь, эта жизнь подпитывает и этого персонажа, и тех, кто с ним в этой жизни участвует. По всей видимости, когда начинал Владимир Александрович, это и была такая идея: коллективная работа над исследовательскими проектами, проблемами, отвечающими запросам науки и общества. Это ключевой момент. Такой проект, в который многие вовлечены, порождает определённую синергию, и не исключён прорыв, возникновение школы. А что мы видим в настоящее время? Работа в проектах – это неплохо, но недостаточно, потому что, просто занимаясь исследованиями ради удовольствия, синергии особой не получишь. Это отдельный момент, связанный с тем, что порой социальная наука находится в ситуации некой сегрегации от ... тех, кто ею занимается. Есть коллективы, работа которых востребована, а есть и наоборот – полная невостребованность, где-то есть финансирование, где-то нет, и т. п. Важна ли внешняя среда, условия, запросы? Может быть, вообще поставить вопрос о том, что на современном этапе школы классического свойства (с учениками и т. д.) уже имеют всё меньше и меньше значения? Возможно, это естественный процесс, либо он связан с тем, что другим образом теперь организована ткань науки в университетах, институтах и т. д. Современная ситуация заключается в том, что многие люди заняты разными проектами, наука финансируется не только коллективными, но и индивидуальными грантами. Возникает

разного рода конкуренция и всякое, ей сопутствующее, – это неплохо, но не ведёт ли это к тому, что, по сути дела, формируются совершенно иные варианты научных организаций. Здесь, поскольку Владимир Александрович в центре внимания, мы все говорили о нём и нашем коллективе, объединении индивидов. Но, возможно, сейчас происходит смена парадигмы. Представляется, что на современном этапе формирование школ – процесс крайне редкий. Потому я и говорю об уходящей натуре.

Семёнова: Это правда, что сегодня учёные мигрируют из одной организации в другую, из проекта в проект. Казалось бы, действительно, научные школы уходят в прошлое. Но, тем не менее, даже если это какие-то виртуальные школы, они всё равно образуются вокруг какого-то харизматического лидера, и всё равно это методологические школы. В нашем «поле», например, есть очень известная школа Щютца. Она настолько авторитарна, в отличие от школы, которую возглавляет Владимир Александрович, что там люди чётко знают границы и готовы себя отдать за эту школу. Она является не просто организацией определённых исследователей вокруг одной фигуры, это держатели принципиально своего методологического знания.

Данилова: Я про Запад и говорю. С одной стороны, там действительно очень авторитарные отношения, как в школе Бурдье, потому что он тоже, как и Ядов, хорошо работал с молодёжью, но очень определённым образом, мобилизуя их работать в его парадигме.

Козлова: Да, я думаю, сейчас, действительно, дело даже не в понятиях; понятие «школа» ещё из науковедения, насколько мне известно, не изъято. Другое дело, что меняется его смысл вместе с тем, как меняется наука в мире и в России. Сама школа существует как концепт, помогающий структурировать научные сообщества, научные направления и так далее. Наряду с этим, например, есть научная сеть, научный колледж и т. п. Я не думаю, что от понятия «школа» нужно совсем отказываться, говорить, что школа – это какая-то «уходящая натура». У неё всё же есть конкретные отличительные черты. Просто нужно понимать, что особенности, характеристики школы изменяются, и нам нужно понять, в какую сторону. Есть ли у нас эти школы, и как они развиваются.

Я думаю, что они сохранятся, но могут и не сохраниться, если не будет лидеров и их последователей. Если наука будет способна родить выдающихся людей, то у них обязательно появятся последователи, которые и составят школу. Школу нельзя «сделать руками», провозгласить. Она либо рождается, либо нет, и это зависит от условий и внутри науки, и вне её.

Данилова: Нужны творчество и лидер. Вождь нужен.

Козлова: Вам повезло, у вас есть!

Вместо послесловия, или подтверждение наличия «школы Ядова» со стороны

«Ядов является знаковой фигурой в современной отечественной социологии, поскольку его личная судьба неразрывно связана с её «вторым рождением», когда, почти полностью уничтоженная в 1930-е, она вновь начала развиваться в период «хрущёвской оттепели» (Социологический журнал. Специальный выпуск. 1999. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/YADOV_VLADIMIR_ALEKSANDROVICH.html?page=0,0).

«На протяжении 1960-1970-х возглавляемая Ядовым ленинградская социологическая школа провела фундаментальные исследования ценностных ориентаций, в результате которых была разработана и получила широкое признание диспозиционная теория регуляции социального поведения личности, сыгравшая важную роль в обособлении социологической теории от доктрины истмата» (Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2003).

«Владимир Александрович Ядов – один из зачинателей современного этапа российской социологии, аналитик, стоящий у истоков ряда направлений отечественной науки, автор книг, давно признанных классикой советской социологии, учитель значительной части работающих в стране социологов, создатель ленинградской социологической школы, человек, много лет возглавлявший головной академический социологический институт в Москве, один из лидеров профессионального сообщества российских социологов и учёный, во многом определивший отношение международной общественности к российской социальной науке, редактор регулярных социологических изданий и многих книг, член различных экспертных советов и многое другое. Уверен, что творчество Ядова станет предметом целенаправленного анализа теоретиков социологии, специалистов в области прикладных исследований, историков и методологов науки, культурологов. Ядов – это не только учёный и учитель, это – личность, которой присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим дух шестидесятничества» (Докторов Б. З. Владимир Ядов. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я» // Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х т. Том 3. Биографическое и автобиографическое. М.: ЦСПиМ, 2012).

«Если для младших поколений российских социологов Владимир Александрович Ядов всё же «далёкая звезда» – хоть можно и книги почитать, и лекции послушать – кому бы мо-

лodomу такая активность! – то для старших и средних поколений он слишком значим профессионально и по-человечески, чтобы не оставаться постоянно в поле его притяжения. Замечательно, что это «тяготение» не тяготит, и как бы даже не ощущается. Просто невозможно себя представить «вне» этого поля» (Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН 2008/2009 и не только). М., 2009).

«В любой научной дисциплине есть люди, которые играют роль Главных теоретиков, хранителей традиций и норм Науки, но при этом не становятся прижизненными памятниками самим себе, с интересом следят за новыми теориями и исследователями. Именно таким человеком для социологии и социологов является Владимир Александрович Ядов... Владимир Александрович может нарушить спокойствие и ритуал научной конференции, но ритуал Науки он свято соблюдает: доказательством этому служат его многочисленные книги, статьи и ученики, безусловный авторитет среди коллег. “Эталон”, “символ”, “идеал”, “великий”, “великолепный”, “обаятельный”, “энергичный”, “идеальный социолог” – вне привычных рамок, не подпадающий ни под какие шаблоны – и всё это Ядов» (Дёмина Н. Три дня из жизни В. А. Ядова // Социология: методическая помощь студентам и аспирантам. URL: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2010-08-27-11-36-03/48-2010-08-30-12-28-38/1460-2011-03-22-01-24-24>).

О Владимире Александровиче Ядове

Окончил ЛГУ. В конце 1950-х гг. организовал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию и ценностные ориентации.

С 1988 по 2000 гг. – директор Института социологии РАН.

С 2000 г. – декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Доктор философских наук, профессор.

Ведущий российский социолог, специалист в области социологии труда и экономической социологии, автор первого в России учебника по методологии социологического исследования: «Стратегия социологического исследования». Этот учебник до сих пор является базовым для социологических факультетов в России.

Занимал руководящие посты в Международной социологической ассоциации, Международном институте социологии, Европейской ассоциации экспериментальной психологии, возглавлял Российское общество социологов, Институт социологического образования Российского центра гуманитарного образования, работал в качестве эксперта международных и российских научных фондов, председателя Диссертационного совета, члена Высшего аттестационного комитета РФ.

Руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, главный научный сотрудник.

Декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Член Международной социологической ассоциации.

Почётный доктор университетов в городах Самаре, Харькове, Хельсинки, Тарту, Института социологии РАН.

Входит в состав Учёного совета ИС РАН, Диссертационного совета Д 002.011.01 (председатель).

Руководитель Исследовательского комитета Российского общества социологов (ИК РОС) «Социология труда».

Владимиром Александровичем подготовлено свыше 70 докторов и кандидатов наук.

Член ряда международных редакционных советов журналов, среди которых:

«Вестник Института социологии» – председатель Международного редакционного совета;

«Социологический журнал» – главный редактор;

«Социологическая наука и социальная практика» – член Международного Консультативного совета;

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» («Социология: 4М») – член Редакционного совета;

«ИНТЕР» – член Редакционной коллегии;

Автор более 300 научных публикаций, в их числе:

Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Самарский университет, 1995. 332 с.

Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Учебное пособие. М.: Добросвет, 2000. 596 с. 6 изданий.

Человек и его работа в СССР и после. (В соавт. с А. Г. Здравомысловым). М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов магистратуры социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с. 2 издания.

Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России (Теория наблюдения, биограф. интервью. Советы студентам). М.: Таус, 2009. 352 с.

Труды, изданные под редакцией В. А. Ядова:

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьмью наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М.: Логос, 2010. – 388 с.

Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Ред. Е. Н. Данилова, В. А. Ядов. СПб: Издательство РХГА, 2006. 352 с.

Россияне и китайцы в эпоху перемен: Сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI века / Под общ. ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012. 452 с.

Становление трудовых отношений в постсоветской России / В. А. Ядов, С. Г. Климова, Джоан ДеБарделебен. М.: Академический проект, 2004. 320 с.

Социальная идентификация личности. Книга 1, 2 / Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Социальная идентификация личности / Под ред. В. А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1993.

Социология в России. М.: ИС РАН, 1998.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во «Флинта», 2005. 584 с.

В о п р о с ы т е о р и и

«Социология духовности»: проблемы становления

Руткевич Елена Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Государственного академического университета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва

E-mail: erutkevich@yandex.ru

«Социология духовности»: проблемы становления

Аннотация

Быстрое распространение термина «духовность» в западном мире – симптом меняющейся религиозности в контексте социокультурных изменений. При описании религиозного сознания и поведения «религия» и «духовность» часто противопоставляются как объективная «традиционная духовность» и субъективная «пост-современная духовность». И если первая, полагают социологи, теряет свою релевантность и «вероятностную структуру», то вторая, приобретая характер «духовной революции» или «духовного поворота», становится устойчивой тенденцией, характерной для многих стран европейского континента и за его пределами. В процессе изучения различных форм духовности постепенно складывается новая дисциплина – «социология духовности» как междисциплинарный подход в рамках социологии религии. В центре внимания данной статьи – некоторые проблемы этого процесса, в частности, причины появления термина «духовность» на социологическом поле, точки соприкосновения и расхождения терминов «духовность» и «религиозность», возможности становления новой дисциплины

Ключевые слова: религиозность, духовность, религиозные изменения, «неопределённая религиозность», духовная революция, постхристианская духовность, духовный поворот, социология духовности

За последнюю четверть века понятия духовный, духовность, «новая духовность», «духовная революция», «духовный поворот» становятся весьма распространёнными в самых различных областях западной жизни и приобретают совершенно иное звучание, чем раньше. Термин «духовность» практически исчез из теологических дебатов почти полвека назад, и ему на смену пришла терминология, более соответствовавшая «духу времени», когда наряду с теологией «смерти Бога» обсуждались социально-политические проблемы¹, тесно связанные с глубинной трансформацией общества, а проблемы религиозности описывались в контексте церковной принадлежности.

¹ Процессы урбанизации, секуляризации, антивоенные выступления, борьба с бедностью и расовой дискриминацией.

Этот отнюдь не социологический термин входит в орбиту социологии религии в 1980–90-е гг. в контексте постсовременной «деконструкции мира» в связи с растущим религиозным плюрализмом, сочетанием элементов традиционной и «новой» религиозности, их «декомпозицией» в религиозном сознании по отношению к сакральному. Любопытно, что термин, восходящий к исторической традиционной религии, где он сегодня почти вышел из употребления, вдруг обрёл вторую жизнь в социологическом контексте, правда, в другом значении. Из теологии он перекочевал в научный дискурс, став «модным социологическим понятием» [Giordan 2007] и важной частью социологии религии [Wuthnow 2001]. Более того, в социологии религии возникает новая дисциплина «социология духовности». Очевидно, интерес к духовности как к концепту связан с распространением этого феномена в современной культуре. Так, Дж. Нэйсбит отмечал, что «духовность» стала быстро распространяющимся «мегатрендом» [Naisbit 1982], представляя собой радикальный поворот от религиозной традиции к «холистической духовности» или «духовности в стиле Нью Эйдж» и «духовной революции» [Heelas, Woodhead et al. 2005], что это «фундаментальная революция Западной цивилизации, сравнимая с Возрождением, Реформацией, Просвещением [Campbell 2007], которая «определяет нашу эпоху» [Sheldrake 2007].

Необходимо отметить, что тема «духовности» вообще, как и различных её форм и проявлений, необычайно широка и многогранна. Она обсуждается философами и теологами, психологами и врачами-психотерапевтами, журналистам, творцами «новых религий» и «духовных практик» и самыми «обычными людьми» в их повседневной жизни как на Западе, так и у нас в стране. Поэтому говорить о «духовности» можно в самых разных контекстах, с разных позиций, и у неё есть как свои сторонники, так и оппоненты.

В данной статье предпринята попытка показать, как происходит становление особой области исследований – «социологии духовности», для чего нужно остановиться на следующих вопросах: причины появления понятия «духовность» в социологическом контексте и дифференциации «духовности» от «религии»; типы их взаимосвязи; определения понятий «духовность» и «новая духовность»; проблемы и будущее новой дисциплины.

Причины появления термина «духовность» в социологии

1. Одной из важнейших причин появления термина «духовность» в социологическом контексте оказывается положение дел в самой социологии религии, которая довольно

давно «не принимает религию всерьёз».¹ Это происходит вследствие доминирования в её рамках в 1960–70-е гг. наиболее радикальных версий теории секуляризации, что, в конечном счёте, приводит к утрате её предмета (то есть, религии) и к весьма ограниченному её пониманию по ряду причин: религия не считается важной переменной, а представления о ней неглубоки; преимущественное внимание уделяется исследованиям религиозных институтов, тогда как индивидуальная религиозность и религиозные практики остаются в стороне; происходит стандартизация и упрощение измерительных процедур (вопросы анкет поверхностны и сводятся к выяснению «церковной посещаемости», «принадлежности к определённой общине (церкви, конфессии) и т. п.); стремление к «ценностной нейтральности» зачастую оборачивается невниманием к предмету исследований, если не ангажированностью того или иного рода. Такое положение дел было зафиксировано на состоявшейся не так давно встрече рабочей группы «Круглого стола по социологии религии». Рассматривался статус религии в американской социологии. В работе группы приняли участие многие ведущие социологи религии США. Были сформулированы 23 тезиса о религии, отразившие то, что многие социологи с первых шагов формирования новой дисциплины «не принимали религию всерьёз»², а также включившие исторические, концептуально-методологические, современные проблемы социологии религии, наметился ряд мер для улучшения качества исследований религии и преодоления ошибок в подходе к её изучению [Smith et al. 2013].

Одним следствием длительных дебатов «старой» и «новой» парадигм стали поиски возможности «вернуть религию в социологический дискурс» в качестве самостоятельной области и независимой переменной, а другим – обращение

¹ Это выражение использовали представители «новой парадигмы», в частности Р. Старк и У. Бэйнбридж, говоря об ограниченности подхода «старой парадигмы» к изучению религии, которое стало исходным пунктом обсуждения данного «круглого стола», представляющего собой программу пересмотра старых позиций, признания ошибок и формулирования новых задач исследований религии на основе её «несерьёзного изучения» в прошлом [Smith, Ammerman et al. 2013].

² По мнению участников рабочей группы «круглого стола», противопоставление научного (социология религии) и ненаучного (религиозная социология) изучения религии, приводит к перекосу, возникшему вследствие доминирования сциентистско-позитивистской направленности новой дисциплины, ставшему впоследствии одним из препятствий на пути «восприятия социологами религии всерьёз», а впоследствии и утери предмета социологии религии. «Другими моментами, сыгравшими в этом свою роль, были: 1) активизм американского протестантизма; 2) социальная база (из священников) многих ранних социологов и социологов религии; 3) единство движения «социального евангелия» и «христианской социологии»; 4) «маргинализация» «религиозной социологии» в контексте общей социологии как ненаучного способа познания. Получившие университетское образование социологи с самого начала стремились поместить исследования религии в контекст «сциентистской социологии» (что было хорошо и авторитетно), избавившись от «религиозного дугуддизма» (что было плохо и нелегитимно).

Одной из важнейших причин появления термина «духовность» в социологическом контексте оказывается положение дел в самой социологии религии, которая довольно давно «не принимает религию всерьёз».

к изучению феномена «духовность». На протяжении последних 40 лет, отмечает итальянский социолог Дж. Джордан [Giordan 2007], социологи религии двигались от «теологической смерти Бога» [Cox 1965] до утверждения Его возвращения и даже победы [Stark 2005]. Это «возвращение Бога и релевантность религии» оказались в центре нового религиозного ландшафта и внимания социологов в 1980–90-е гг. в связи с декомпозицией старых связей со священным на индивидуальном и коллективном уровнях и возникновением новой перспективы, обращающейся к индивидуальному религиозному чувству и опыту, субъективизму веры и использующей религию в качестве ключа к пониманию этнической идентичности.

2. Другой важной причиной распространения понятия «духовность» является кризис понятия «религия» и «религиозность», который, в свою очередь, есть часть более общего процесса переосмысления и изменения терминологии социальных наук в связи с быстрыми и глубокими изменениями, характерными для современного общества. Под давлением социальных изменений слова, которые раньше обозначали определённую реальность, становятся всё более многозначными. Это происходит потому, что и сами реальности меняются и их труднее описывать в точных понятиях. Старые слова не отражают новой реальности, так как религия претерпевает глубокие изменения. Дебаты относительно адекватности понятия «религия» всегда присутствовавшие в социологии религии [Hervier-Leger 2000], в последние годы приобретают особую остроту и актуальность в связи с ростом фундаментализма (после теракта 9.11), религиозно-политической риторики в религиозно-этнических конфликтах, легитимацией религиозно-этнической идентичности. Если религия так часто используется в политике, в борьбе за идентичность, приобретая множество коннотаций, то каким словом можно обозначить взаимосвязь с таинственным, священным и трансцендентным? [Giordan 2007: 163]. Кроме того, в процессе деинституционализации религии происходит сдвиг от социальных религиозных институтов и их авторитета к свободе индивида и индивидуализации веры, её изменению и спиритуализации. Об этом писали многие европейские социологи, по-разному называющие свои концепции: «веры без церковной принадлежности» («believing without belonging»), «заместительной религии» («vicarious religion») (Davie), «культурной религии», «коллективной памяти» и «церковной принадлежности без веры» («belonging without believing») (Hervieu-Leger), «диффузной религии» (Cipriani), имплицитной религии (Bayley), «сценарной религии» («scenario religion») (Garelli) «ни веры, ни церковной принадлежности» («neither believing, nor belonging») (Voas, Crocett), «неопределённой религиозности» (fuzzy fidelity) (Voas), «светского христианства» (Voas, Day), «духовной революции» (Woodhead, Heelas), «духовного пово-

рота» (Houtman, Aupers). Традиционная религия становится «культурной», «заместительной», «диффузной», приобретая большое значение лишь в определённые моменты жизни, теряя свой обязательный повседневный характер. Большая часть населения с каждым последующим поколением всё реже и реже обращается к ней, и она становится всё более размытой и расплывчатой, неопределённой, переходящей от исполнения повседневных церковно-религиозных обязанностей к потреблению того, что предлагается как в рамках религиозно-духовного «рынка», так и в нерелигиозной сфере. И социологи, не являющиеся сторонниками «старой парадигмы» секуляризации, говорят не об упадке религии, а о появлении новых её форм, стремясь анализировать те аспекты религиозной жизни индивида, которые потерялись за спорами о секуляризации: неформальные и неортодоксальные практики и организации, личный опыт, индивидуальное творчество, «рынок религиозных/духовных товаров», религиозные дискурсы. И для описания этих аспектов человеческой жизни потребовалась отличная от «религии» концептуализация.

Определения «духовности» и «новой духовности»

Хотя в социологии термин «духовность»¹ активно обсуждается лишь последнюю четверть века, он имеет давнее происхождение, которое можно проследить в рамках религиозно-философских школ древности, в традиционных религиях, мистических традициях, обычно относимых к так называемой классической духовности, имеющей свою специфику в разные эпохи и в разных странах. Этимологически оно происходит от латинского «spiritus» (нем. Geist, фр.esprit, англ. mind, spirit) и концептуализируется в греческой философии как нус и пневма². Для греческих философов дух был «спо-

¹ Определения «духовности» столь же многочисленны, как и её формы. По образному выражению Д. Моберга [Moberg 2011], «изучение духовности имеет столько языков и диалектов, что оно подобно современной «Вавилонской башне». Достаточно перечислить некоторые виды «духовности»: «экуменическая» [Wainwright 1986], «воплощённая» [Flory, Miller 2007], «феминистская» [Chitister 1998], «холистическая» [Heelas, Woodhead, 2005, 2007], «интегральная» [Wilber 2006], «научная» [Helminiak 1996], «светская», «визуальная» [Flanagan 2007], «трудовая» [Bovbjerg 2007, 2010], «духовность киберпространства» [Leary 1994, Nanegraaf 1996] и т. д.

² Понятие «нус» имеет когнитивный, умственный акцент («образ мыслей», «умственное созерцание»), в отличие от терминов, подчёркивающих другие аспекты: психологический (псюхе), экзистенциальный (софия, гнозис). У Анаксагора «нус» – мировой разум, у Эмпедокла – «священное сознание», у Платона – порождение высшего принципа «блага» (невыразимого и непостижимого), к которому нус тяготеет, у Аристотеля «нус» – «высший уровень бытия, бог, который мыслит сам себя и тем творит мир». Термин «пневма» – первона-

собом бытия», «способом познания», и этот термин использовался как противостоящий всему, что было материальным и временным. Филон Александрийский называет пневмой высшее начало в человеке и исходящую от Бога мудрость. Согласно Библии, дух – это дыхание жизни, энергия, нечто, что может быть понято как жизненная сила Бога. В евангелии Дух – одна из ипостасей Троицы. В Троице Дух – источник божественной любви и животворящей силы. Бог есть Дух, но в то же время существует и злая духовность. Хотя термина «духовность»¹ в Новом Завете нет, но Апостол Павел часто использовал термин «духовный» как противоположный «чувственному» и «физическому»². Согласно Ап. Павлу, духовный человек – это человек, свободный от страстей, наполненный Божественным духом, а духовная жизнь – процесс преображения «внутреннего» человека по божественному образцу.

Как имеющий отношение к христианскому опыту сакрального, термин «духовность» (spiritualite') появляется в начале XX в. в работах французских католических авторов. «Духовность» иногда ассоциируется с понятием «духовный» как противоположный материальному, иногда с определёнными группами типа клира. Обычно он используется как форма личного религиозного (мистического) опыта, включающего поиски смысла жизни и трансцендентного. Католический теолог В. Принцип различал три уровня «духовности»: 1) «реальный» или «экзистенциальный», когда духовность воспринимается и проживается человеком в конкретном контексте; 2) формулирование учения о живой реальности на основе духовной жизни отдельного человека, ставшего образцом для других; 3) научное изучение первых двух уровней. Это духовность как дисциплина, использующая методы и ресурсы нескольких областей знания [Principe 1983: 135–136]. Здесь «духовность» ещё не отделяется от «религии», находясь «внутри» религиозной системы отсчёта, и её можно назвать «традиционной духовностью».

Позже психолог Д. Хелминьяк дал несколько иную типологию различных уровней духовности в контексте постмодернистского её понимания как: 1) духовной природы человека, благодаря которой люди стремятся к осмысленности и полноте

чально «воздух, дыхание» – довольно рано приобретает психологическое и космологическое значение (в греческой медицине «пневма» – вещественная жизненная сила-дыхание [Доброхотов 2000]).

¹ Джордан отмечает, что абстрактный термин «духовность» до середины прошлого века считался неологизмом в итальянском языке. Это слово, которое сейчас является таким распространённым, не входило в состав классических теологических энциклопедий до конца 1800-х – начала 1900-х гг. Первый том Словаря духовности был опубликован лишь в 1937 г. [Giordan 2007: 166].

² Анализ истории духовности указывает на «духовные практики». Они часто включают суровые аскетические упражнения вроде «умерщвления плоти», которые сначала были осуждены как чрезмерные, а затем запрещены Церковью [Downey 2003].

своей жизни); 2) интереса к трансцендентному («ощущение, что есть нечто в жизни, что выходит за рамки «здесь и сейчас» и вера в это нечто»; 3) парапсихологии; 4) спиритуализма [Helminiak 1996]. В данном случае духовность помещается в очень широкую перспективу как традиционных, так и нетрадиционных практик, и утверждается, что она есть свойство человеческой природы.

«Духовность» в современном значении часто ассоциируется с понятием «новая духовность», охватывающая все аспекты жизни и описываемая как новый стиль постсовременной духовной культуры: она демократична, доступна, индивидуалистична и переходит границы институциональных религий, поэтому зачастую внецерковна. Эта духовность уважает природу и характеризуется глубоким чувством связи с миром; она представляет неисчерпаемый источник веры и силы воли [Marianski, Wargacki 2012: 26]. Она популярна среди определённой части молодёжи, которая живёт по принципам равенства и родственности, которая уважает не церковные власти, а свободу совести, интуицию, саморефлексию, литературу, медитацию, дискуссии с друзьями и духовными руководителями. Корни этого интереса к новой духовности восходят к идеологии контр-культуры, «революции сознания», движений Нью Эйдж, которые появляются на Западе в конце 1960-х гг., достигая кульминации в 1980-е, приходя в упадок к концу XX в., но сегодня возрождаются в «электронно-цифровой духовности» или «духовности киберпространства»¹. Для этого движения было характерно новое восприятие жизни и мира и большой интерес к религии и духовности. Появление «новой», «постсовременной духовности» означает поворот человека от традиции, церковности к человеческой субъективности, к самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет – он сам, это переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников к самому человеку.

И этот «духовный поворот» становится главной темой исследований британских (Хилас, Вудхэд) и голландских (Хутман, Оперс и др.) социологов. Так, П. Хилас считает, что жизнь следует воспринимать не в контексте установленных социальных ролей и институциональных обязательств, но как «саму жизнь», источник смысла, самораскрытие, личностное развитие [Heelas 2002]. Духовность – сущность жизни, которая

¹ «Духовность киберпространства» или «электронно-цифровая» духовность – особая тема, которая здесь не затрагивается. Отметим лишь то, что если хиппи 1960–70-х гг. были «антитехнологичны» («anti-high-tech»), то сегодня «новое поколение» («New Breed») – супертехнологично («super-high-tech»). И киберпространство наделяется такими свойствами, как мифическое, магическое, идеальное, нематериальное, неземное и пр., которые представляют собой путь от наук и технологии к священному и духовному [Leary 1994].

проявляется как любовь, внутренний мир, мудрость «внутреннего голоса», творчество, ощущение целостности, причастности всему миру.

Американский социолог Г. Линч развивает тему «новой духовности» («прогрессивной духовности») во взаимосвязи религиозной веры, окружающего мира и новых научных теорий, долговременной программы трансформации религии и общества и многообразия религиозных стилей, что характерно для постсовременного развития общества.

Многие авторы (Ватноу, Холмс, Фланаган) полагают, что наиболее плодотворным будет междисциплинарный подход к его изучению. Так, по мнению голландского теолога. К. Ваймана, для изучения этого феномена необходимо консолидировать усилия 12 дисциплин: теологии, религиозных исследований, философии, теории литературы, истории, антропологии, психологии, социологии, педагогики, менеджмента, медицины и естественных наук [Waaïjman 2007]. Что касается социологии, то лишь в 1980-е гг. термин «духовность» входит в её контекст в связи с изучением религии, постепенно занимая её пространство. Однако, с точки зрения академической науки, такие вещи, как духовный мир, анимизм, экстаз, мистицизм, – иллюзии (“will-o’-the-wisp”, по Фланагану), выходящие за рамки социологического исследования.

У каждой религиозной традиции и каждой эпохи своё понимание духовности. Современный человек в наибольшей степени стремится к холистическим, освобождающим формам духовности, поскольку «традиционная духовность оказывается немой и стерильной, узкой и ограниченной. Американский социолог У. К. Руф полагает, что духовность имеет отношение к трансцендентной силе (Создатель, Бог) и включает 4 элемента: 1) духовность как источник высших ценностей и смысла; 2) способ восприятия мира; 3) руководство для осознания «внутреннего Я»; 4) способность соединить различные аспекты личности в единое целое. Современные поиски духовности – это проявление стремления реконструировать внутреннюю жизнь [Roof 1999: 35].

Р. Ватноу понимает духовность как «любую деятельность и верования, посредством которых индивид соотносит свою жизнь с Богом, божеством или другими представлениями о трансцендентной реальности». Но «духовность» не сводится только к таким верованиям, «духовность – творение не только людей, но социальных обстоятельств, верований и ценностей данной культуры» [Wuthnow 2001: 307].

Более широкое определение даёт исследователь мистицизма и духовности У. Кинг: «Духовность может быть связана с любым человеческим опытом, но теснее всего она связана с воображением и творческим потенциалом, отношениями с самим собой, с другими, с трансцендентной реальностью,

часто называемой Божественным, Богом или Духом. Духовность может быть связана с чувством праздника и радости, восхищением и отчаянием, борьбой и страданием» [King 2008].

По разным причинам религия (как исторический феномен, традиция, институт, термин в научном дискурсе) вытесняется более соответствующим реалиям социальной, религиозной и научной жизни термином «духовность». В сегодняшнем контексте «быть духовным» больше не означает «быть религиозным», то есть не обязательно верить в Бога. Скорее, это означает испытывать интерес к нематериальным ценностям и иметь более широкий и глубокий взгляд на жизнь. Эти новые – постмодерные – духовности определяются не в системе отсчёта какой-нибудь традиции. Это духовности, которые разбивают границы и единства, создавая в то же время духовный рынок, на котором каждый человек может составлять персональную духовность из тех духовных элементов, которые лучше всего отвечают его духовным потребностям и ожиданиям. Поэтому можно сказать, что сегодня новая духовность – мегатренд начала XXI в., подчёркивающий значение религиозного опыта и переживания, один из аспектов замещения религиозности духовностью, противостояния индивидуальной внецерковной духовности/религиозности институциональным религиям, поиски различных форм сакрального как в рамках отдельного индивида и его повседневной жизни, так и в виде высших проявлений трансцендентного, поворот от традиционно понимаемой духовности и смысла жизни к ценности Я, внутреннего мира человека, его раскрытию и самореализации.

Дифференциация – конфликт религии и духовности

Как уже говорилось, существуют два вида главных причин отделения духовности от религии: социокультурные и религиозные. Прежде всего, дифференциация «духовности» от «религии» и «религиозности» происходит в контексте общей тенденции меняющейся религиозности в мире: «глобальное» общество, «постмодернити»¹, «информационное» общество, «постиндустриальная цивилизация», «поликультурный», постхристианский, постсекулярный и т. д., что само по себе наводит на размышления и говорит о постоянной рефлексии относительно изменений, происшедших и происходящих в жизни и сознании людей за последние несколько десятилетий. Можно говорить о «конце истории»², «постистории», «цивилизацион-

¹ «поздний модерн», «второй модерн», «высокая современность» и т. д.

² Ю. Хабермас, Э. Бауман, Д. Белл, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон таким образом трактуют постмодернизм и постиндустриализм.

ном взрыве», «новой Реформации» или о движении к некоей глобальной цивилизации. В любом случае речь идёт о «постсовременном» обществе¹ – новом периоде в развитии цивилизации, для которого характерно многообразие мировоззренческих моделей, различных форм образовательного и религиозного знания, культурных «кодов» и стилей, возникающих вследствие «деконструкции» старых культурных контекстов, конструировании новой глобальной реальности и её постоянном переосмыслении.

На когнитивном уровне сдвиг от «модернити» к «постмодернити» характеризуется недоверием к так называемым «метанарративам», глобальным метатеориям и объяснительным схемам, исчезновением границы между реальным и воображаемым, переходом от универсализма к партикуляризму, от цельности и связности – к фрагментарности и коллажу, от символической значимости – к «симулякрам», имитации и симуляции. Этот сдвиг, определяющийся динамикой модернизации, радикально меняет «жизненный мир» человека, его мотивации к труду, религиозные убеждения, мораль, отношение к власти, семье, браку, воспитанию детей, разводам, абортам, гомосексуализму. В постсовременном глобальном обществе приоритет получают права и ценности человека, самопознание и самореализация, всё большее распространение получает постхристианская духовность, которая приобретает значение не только на практическом уровне, но и проникает в различные области знания – в теологию, философию, социологию, психологию, парапсихологию, систему образования и пр.

Об изменении «символического поля» (Бурдьё), «великом религиозном смятении», «духовном пробуждении», появлении новых религиозных конфигураций в современном обществе писали философы (Бергсон, Гидденс), общественные деятели (Пэйн, Джефферсон), социологи (Белла, Китагава, Эрвье – Лежер, Ватноу и др.) и даже художники (В. Кандинский)². Они отмечали, что характерная черта изменения – появление многообразия, сложной символической структуры, псевдонаучной рационализации, следствием чего становится «когнитивная гармония» религии с современным миром, что сокращает расстояние между «земным» и «небесным», «человеческим» и «божественным», «миром» и «клиром».

¹ Рассматривать ли его в качестве продолжения, логического завершения или противостояния «модернити» или «простой» современности.

² «О духовном в искусстве» – первоначально в изложении Н. И. Кульбина – доклад, произнесенный в 1911 г. в Мюнхене для русских художников, затем опубликованный в Германии и др. странах, на русском языке вышел в 1967 г. в Нью-Йорке. Кандинский писал о духовном треугольнике, который «медленно движется вперёд и ввысь». «Нижняя, самая большая часть треугольника, – ступень «материалистического кредо», к которой могут быть отнесены даже и те, кто называются «иудеями, католиками, протестантами и т. д. В действительности же они атеисты, что открыто признают некоторые из наиболее смелых или наиболее ограниченных из них. Небеса опустели. Бог умер».

Предваряя будущих «духовных искателей», некоторые из них в качестве типичной формы религиозной организации ближайшего будущего видят сознание отдельного индивида, его Я («моё сознание – моя церковь» Т. Пэйн, «Я сам себе секта» Т. Джефферсон) [Lambert 1999]. Современный человек не ждёт готовых ответов на глобальные вопросы бытия, а ищет их сам; не следует за религиозной традицией и религиозной организацией, а самостоятельно выбирает символическую систему; способен не только к изменению себя, но и мира; находится в поиске спасения в этом мире, так как возможности «креативной инновации» в любой сфере человеческой деятельности неограниченны. Дж. Китагава¹ [Kitagawa 1967] выделил три основных черты современной религии, которые характеризуют современную духовность: 1) человек – её центр; 2) сотериология этого мира; 3) скорее поиски свободы, чем сохранение порядка.

Конфликт духовности и религии, критическое отношение к церкви: теологический аргумент

Католический социолог Сандра Шнайдерс², анализируя взаимосвязь религии и духовности, отмечает, что в каждой религиозной традиции всегда существует определённого рода напряжённость между организованной (институциональной) религией и личной (персональной) духовностью. И всегда религиозный институт в той или иной степени справлялся

¹ Дж. Китагава – американский социолог, ученик И. Ваха, представитель феноменологического направления в социологии религии.

² Католический теолог, анализирующий причины критического отношения к церкви. Её типология взаимосвязи религии и духовности широко используется в научной литературе. Типология Шнайдерс (широко используемая различными авторами): 1) чужие, – когда религия и духовность являются чужими, они представляют собой два различных, не пересекающихся способа связи с трансцендентным. Это позиция тех, кто уважает религиозные верования, но не интересуется ими, или позиция тех, кто вовлечён в религиозные практики, но не думает, что сверхъестественный уровень является очень важным; 2) соперники, – когда религия и духовность являются соперниками, они конкурируют друг с другом, подрывая позиции и ценности друг друга. В этой ситуации быть «более духовным» означает быть «менее религиозным», и наоборот. Эта позиция является доминирующей в современном обществе, где, с одной стороны, существуют те, кто чувствует угрозу своей традиционной религии со стороны альтернативных духовностей (феминистской, восточной, Нью Эйдж и др.), а с другой – она поддерживается теми, кто отвергает религию и находится в поиске нового жизненного пути и выражения своей духовности за пределами системы отсчёта традиционной религии; 3) партнёры, – когда религия и духовность являются партнёрами, они «являются двумя измерениями одного предприятия, которые, подобно телу и духу, часто находятся в напряжении, но важны друг для друга). Здесь духовность даёт новую жизнь традиционной догматизированной религии, а религия даёт духовности формы выражения [Schneiders 2000: 2–3].

с этой проблемой. Происходящее сегодня отчуждение многих наших современников от религии в пользу духовности имеет двойной источник.

Во-первых, постмодернити, стимулирующая поиски специфической и нерелигиозной духовности на фоне релятивизации религии и других социальных институтов и авторитетов, фрагментации мышления и опыта, внимания к текущему моменту, непосредственному удовлетворению, а не к исторической преемственности, социальному консенсусу и общему будущему. В этом лишённом основы релятивистском контексте часто возникает потребность в смысле, источнике направления и ценностей. Нынешний интерес к духовности отчасти есть выражение этой потребности. И если христианство плохо сочетается с постмодернистской чувственностью, то нерелигиозная духовность вполне совместима с ней именно потому, что обычно является приватизированной, персонализированной, обосновывающей стремление к удовлетворению духовных потребностей независимо от доктринальных требований, морального авторитета, выходящего за рамки собственной совести, социальной ответственности, которую можно легко изменить или вообще отказаться от неё [Schneiders 2000: 12].

Другим фактором, способствующим отчуждению современных духовноискателей институциональной религии является не только отрицание средневековой институциональной модели церкви, но и неприятие некоторых присущих ей черт: «исключительности, идеологизма и клерикализма». Первая – претензии на религиозную исключительность (доктринальную, культовую), которая была источником войн, ненависти и насилия, вызывает сегодня у многих верующих отторжение и нежелание ассоциироваться с ней. Вторая – религиозный институт традиционно является *идеологическим*, предполагающим принятие определённой системы верований, обязательных практик и запретов и неприятие иных «духовных» практик. Поэтому сегодня для многих людей отказ от членства в религиозной деноминации означает освобождение от «узкого догматизма, основанной на чувстве вины морали во имя духовной жизни, автономии сознания, психологической зрелости» [Schneiders 2000: 13]. И третья проблематичная черта институциональной религии (особенно христианства) – «*клерикализм*, воплощающий принцип онтологического превосходства клира (священников) над обычными верующими и присваивающий роль посредника между верующими и Богом. Эгалитаризм западных демократий вступает в противоречие с доминирующим положением клира и его претензией на монопольное обладание символическими ресурсами. Всё большее недовольство со стороны большинства верующих вызывает требование небольшой эксклюзивной группы (клириков) контролировать доступ к Богу. Так что отказ от институциональной религии в пользу

личной духовности для многих людей, в сущности, есть отказ от принадлежности деноминации (конгрегации), а не от религии и религиозной традиции. Институциональная персональная духовность, напротив, даёт полный простор поискам Бога и взаимодействию с ним, поощряя стремление личностного роста, доверие к самому себе, свободу духа и открытость всему, что может принести благо и пользу независимо от источника [Schneiders 2000: 14].

Однако, хотя такого рода духовность вполне отвечает потребностям некоторых людей, Шнайдерс сомневается в её адекватности на индивидуальном и социальном уровнях, так как у неё нет ни прошлого, ни будущего и она подобна «социальному кокону». По мнению автора, религия – наиболее продуктивный контекст как для индивидуальной, так и общинной духовности, так как поиски Бога – слишком сложное и важное дело, чтобы можно было отдать его в частные руки одного человека. Лишь в общине человек может раскрыть всё богатство своей личности и обеспечить не только интеграцию института, но и плодотворность самой традиции. А из трёх возможных типов связи религии и духовности (чужие, конкуренты, партнёры) лишь партнёрские отношения представляются уместными. Такая связь подобна связи тела и духа в каждом человеке. Она исходит из признания того, что религия без оживляющей её духовности мертва, а духовность, которой недостаёт структурных и функциональных ресурсов институциональной религии, лишена корней и зачастую бесплодна как для индивида, так и для общества.

Признавая, что современный конфликт между духовностью и религией определяется динамикой постмодернити и во многом обоснованной критикой институциональной религии, Шнайдерс утверждает, что религия как традиция является более соответствующим контекстом для развития здоровой духовности, могущей быть плодотворной на индивидуальном и социальном уровнях. Конфликт между религией и духовностью возникает в основном, когда религиозная традиция сводится к её институционализации, так что недостатки последней обесценивают первую.

Дифференциация понятий «духовность» и «религиозность»: психологический аргумент

Ведущие позиции в исследованиях духовности и религиозности, в определении их концептуализации, выявлении специфики и придании этим исследованиям научного статуса и определённости, занимают психологи религии К. Паргамент, Бр. Циннбауэр, П. Хилл и др. [Zinnbauer, Pargament et al.

1997, 1999, 2000]. Они избегают поляризации этих терминов, так как, по их мнению, они тесно взаимосвязаны. Оба термина определяются по отношению к Священному, которое является ядром того и другого и отличает их от других феноменов.

Исторически «духовность» и «религиозность» не различались вплоть до подъёма секуляризма в XX в. и разочарования в религиозных институтах по мере обращения к личному восприятию священного. Раньше определения религиозности были достаточно широкими и включали как «духовные», так индивидуальные и институциональные верования и деятельности. Но, по мере того, как «духовность» начинает дифференцироваться от религии и религиозности, она присваивает себе некоторые элементы, которые были присущи религии. И современные определения религиозности стали более узкими, включающими значительно меньше элементов, сводящимися главным образом к институциональной сфере. А «духовность» оказывается термином, более удобным для описания индивидуального опыта, и отождествляется с такими явлениями, как «персональная трансцендентность, сверхсознательное восприятие и мышление».

Сегодня термин «духовность» всё больше обращён к функциональной стороне жизни, а религия идентифицируется с жёсткой формальной структурой, религиозными институтами, которые часто воспринимаются в качестве препятствия на пути реализации человеческого потенциала. И если раньше считалось, что и религиозность, и духовность включают как негативные, так и позитивные элементы, то сегодня духовность имеет особую позитивную коннотацию в силу её связи с «персональным опытом трансцендентного», а религиозность – негативную, как помеха для такого рода опыта.

По мере того, как понятие «духовность» дистанцируется от «религиозности», оно ассоциируется с конкретными группами верующих. Так, например, многие из бэби-бумеров, изучавшихся У. К. Руфом, отошедшие от организованной религии в 1960–70-е гг., приобщились к движению Нью Эйдж с его вниманием к непосредственному религиозному опыту, личной вере, «духовным поискам» и «духовному странствию». Интересно, что группа «духовных, но не религиозных», выделенная Циннбауэром, в некоторых отношениях соответствует описанию «высоко активных искателей» поколения бэби-бумеров, описанных Руфом [Roof 1993]. Обе группы идентифицируют себя как «духовные», но «не религиозные», обе отвергают традиционно организованную религию в пользу индивидуализированной духовности, включающей мистицизм, верования и практики Нью Эйдж, и в сравнении со своими современниками обе группы более индивидуалистичны и скорее всего происходят из семей, где родители нечасто посещали церковь» [Zinnbauer et al. 1997: 561].

Хотя психологи и фиксируют процесс дифференциации духовности и религиозности, они отмечают, что нынешние подходы к изучению духовности, недостаточно разработанные как в теории, так и в эмпирических исследованиях, могут столкнуться с опасностью поляризации: «индивидуальная vs институциональная» и «хорошая vs плохая». Вторая опасность даже серьёзнее первой, так как связана с потерей священного ядра. По их мнению, говорить либо об индивидуальной духовности, либо об институциональной религии – значит игнорировать два важных момента: 1) в сущности, все религии заинтересованы в духовных вопросах и 2) любая форма религиозного или духовного проявления имеет место в каком-то социальном контексте. Кроме того, утверждать, что духовность – это хорошо, а религия – это плохо (или наоборот), значит отрицать огромную исследовательскую базу, демонстрирующую, что и религия, и духовность могут иметь как позитивные, так и негативные аспекты [Hill et al. 2000].

Циннбауэр, Паргамент и др. приходят к следующим выводам. Во-первых, данные говорят о том, что термины «религиозность» и «духовность» отчасти описывают различные реалии и имеют различные корреляты. Религиозность ассоциируется с «высоким уровнем авторитарности, религиозной ортодоксии, убеждённости, самоуверенности, религиозной принадлежности родителей, церковной посещаемостью». Духовность же ассоциируется с другим набором переменных: мистическим опытом, верованиями и практиками Нью Эйдж, высоким уровнем дохода и негативным опытом общения со священниками. [Zinnbauer et al. 1997: 561]. Другим подтверждением различия между этими терминами является их определение участниками исследования: духовность чаще всего описывается ими как персональная и экспериментальная, как вера в Бога или высшую силу, как взаимосвязь с Богом или высшей силой. Описание религиозности включает как личные верования, так и веру в Бога или высшую силу, организационные или институциональные верования и практики: церковное членство, церковную посещаемость и обязательства по отношению к церковной системе верований или организованной религии.

Во-вторых, хотя религиозность и духовность описывают различные реалии, они не являются совершенно независимыми друг от друга. Большинство респондентов отмечают, что считают себя и духовными, и религиозными (74%). «Кроме того, как религиозность, так и духовность, согласно их гипотезе, ассоциируются с частотой молитвы, с церковной посещаемостью, с внутренней убеждёностью и религиозной правоверностью. И духовность, и религиозность имеют общее ядро – священное (отношение к Богу, Иисусу Христу, Церкви). Хотя большая часть их выборки (74% – «духовные и религиозные») совмещает духовность с традиционными верованиями

Если раньше считалось, что и религиозность, и духовность включают как негативные, так и позитивные элементы, то сегодня духовность имеет особую позитивную коннотацию в силу её связи с «персональным опытом трансцендентного», а религиозность – негативную, как помеха для такого рода опыта.

и практиками, есть другая часть (19% – «духовные, но не религиозные»), которая отождествляет себя только с духовностью и отличается от большой группы определёнными чертами. Эта группа респондентов оценивает религиозность менее позитивно, в меньшей степени вовлечена в традиционные формы поклонения (церковная посещаемость, молитва, традиционные христианские верования), она в большей степени независима от других и вовлечена в практики, связанные с духовным ростом. Велика вероятность, что она относит себя к агностикам, описывает религиозность и духовность как различные, непересекающиеся понятия, (а религиозность определяется как внешнее средство принуждения и приобретает уничижительный оттенок), придерживается нетрадиционных верований Нью Эйдж и имеет отношение к мистическому опыту [Zinnbauer et al. 1997: 561].

Важным следствием разделения духовности и религии становится настоятельность определения поля социально-научного исследования религии. Если раньше в контексте широкого понимания термина «религия», включающего также духовность и их индивидуальные и институциональные проявления, этим полем была социология (психология) религии, то сегодня в связи со всё большим расхождением их проявлений, возникает вопрос, отражаются ли эти изменения культуры в социологии (психологии) религии и нет ли необходимости в появлении новой дисциплины – социологии духовности? По мнению психологов, возможны варианты: либо это будет одна область, объединяющая социально-научное изучение религии и духовности, или же, что более вероятно, они разделятся на две области: социально-научное изучение (социологию) религии и социально-научное изучение (социологию) духовности. Если в ближайшее время интерес к духовности не угаснет, нам предстоит вернуться к обсуждению этих проблем, хотя, по мнению этих учёных, более адекватным является старое название – социология религии. Чему есть несколько причин. Во-первых, слово «религия» позволит сохранить преемственность длительной традиции изучения религии в социальных науках и более короткое её название. Во-вторых, широкое использование слова «религия», включающее персональную и институциональную, традиционную и прогрессивную, полезную и «вредную» её формы, позволит избежать опасностей противопоставления и деления на «хорошую» индивидуальную духовность и «плохую» организованную религию. И, наконец, это позволит избежать тесной связи с «эфемерными культурными изменениями». При этом психологи обращают внимание на проблемы личной ответственности учёных не только при проведении исследований, но и в процессе формирования образа их дисциплины, участия в непрерывных дебатах относительно природы религии, религиозности и духовности. Многие феномены, которые

сегодня ассоциируются с духовностью, являются существенной частью религии, составляя ядро религиозной жизни, и было бы целесообразно рассматривать их в её рамках, иначе, по их мнению, мы рискуем изучать «узкую» религию и «неопределённую» (fuzzy) духовность [Zinnbauer et al. 1997: 563].

Перспективы изучения «духовности» и «социологии духовности»

К началу XXI в. понятие «духовность» прочно обосновалось в различных социальных науках вопреки прогнозам и надеждам некоторых учёных, выдержав испытание временем и занимая всё большее пространство в социологии. Появление и укоренение «духовности», «постсовременной духовности» в современной жизни означает поворот от «института к индивиду», от традиции, церковности – к человеческой субъективности, к самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет – он сам. Это переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников – к самому человеку.

Духовность, ранее рассматривавшаяся в составе религии, постепенно начинает отделяться от неё на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях. Сегодня в постсовременной культуре в связи с индивидуализацией, приватизацией и деинституционализацией религии возникают многочисленные формы религии и духовности, существующие независимо и отдельно от религиозных институтов. Под современным видом «духовности» часто подразумевается «новая духовность», охватывающая все аспекты жизни и описываемая как новый стиль постсовременной духовной культуры. Большая популярность термина (и феномена) «духовность», который укоренился в самых различных контекстах – образовании, психологической помощи, выхаживании больных и даже маркетинге, – преодолев границы какой-то одной религиозной системы отсчёта, объясняется прежде всего тем, что он всё больше выполняет функции религии в широком смысле, а институциональная религия воспринимается в качестве «старомодной» структуры, существующей «где-то там», имеющей отношение не к повседневной жизни, а к истории и культуре. Можно сказать, что «духовность» в определённом смысле представляет собой форму протеста против традиционных религий. Согласно Д. Тэйси, эта «новая парадигма всепроникающей духовности приводит к смешению религии и духовности таким образом, что не духовность является частью религии, а религии рассматриваются индивидом в контексте этой обширной перспективы духовности» [Tasey 2004], что находит отражение и у других авторов (Ватноу, Моберг, Руф, Холмс, Фланаган и др.).

Об изменениях сознания в качестве реакции на социальные изменения в 1960–70-е гг. писали в своих исследованиях Р. Ватноу («революции сознания»), Ч. Глок («номинальная религиозность», «альтернативная религиозность»), Р. Белла («народная вера», «шейлаизм», «индивидуализация веры»), К. Руф («духовное искательство»). Многие авторы фиксировали реструктурирование религиозного поля в связи с появлением поколения бэби-бумеров (baby-boomers) – поколения, рождённого в послевоенный период, – для которого были характерны религиозные поиски (индивидуалистическое искательство), обращение к индивидуальной автономии, «поворот сознания», часто в контексте новых религиозных движений, культовых движений и неомистицизма. Это даёт рождение целому направлению в социологии религии – исследованиям Нью Эйдж, новой, постхристианской, «холистической» духовности (Ватноу, Моберг, Хилас, Вудхэд, Оперс, Хутман и др.). Как было отмечено Сатклифом и Бауманом, «вопреки предсказаниям, сегодня не Нью Эйдж идёт за мейнстримом, а мейнстрим за Нью Эйдж [Sutcliffe, Bowman 2000: 11]. А Хилас и Вудхэд, называя этот процесс «духовной революцией», подчёркивают, что, «охватывая ключевые сектора культуры», своим домом она считает «субъективную культуру процветания» [Heelas, Woodhead 2005]. Именно эти исследования становятся основой для формирования новой области – социологии духовности, которая пока находится на стадии становления, хотя голоса в пользу её легитимации становятся всё громче, а материалов всё больше, но немало теоретиков секуляризации и представителей «новой парадигмы» считают её «забавой», недостойной для серьёзных исследователей. Большим событием в организационном оформлении новой дисциплины стала международная конференция по социологии духовности, организованная группой изучения социологии религии Британской Социологической Ассоциации, проходившая в 2004 г. в Бристольском университете, по результатам которой была издана книга «Социология духовности» [Sociology of Spirituality... 2007]. Развитием поднятых в ней тем стала коллективная монография «Религии современности» [Religions of Modernity... 2010], в которой приняли участие американские, канадские и европейские, главным образом, британские и голландские социологи. Благодаря их усилиям вырисовывается огромное исследовательское поле, которое до сих пор оставалось «за бортом» социологов религии.

Социология духовности формируется не только благодаря усилиям сторонников концепций «духовности», «постхристианской духовности», «холистической духовности», «духовности в стиле Нью Эйдж», «духовности киберпространства» и т. д., но и их оппонентов, обращающихся к исследованию новых форм религиозности и вовлекающихся в орбиту

Появление и укоренение «духовности», «постсовременной духовности» в современной жизни означает поворот от «института к индивиду», от традиции, церковности – к человеческой субъективности, к самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет – он сам.

Сегодня в постсовременной культуре в связи с индивидуализацией, приватизацией и деинституционализацией религии возникают многочисленные формы религии и духовности, существующие независимо и отдельно от религиозных институтов.

новой формы старой дискуссии о секуляризации. Или решения вопроса, что происходит сегодня на Западе – упадок религиозности, трансформация её или «духовный поворот»? В таком случае сильно возрастает число европейских социологов, которые предпочитают говорить не о процессе секуляризации и «евросекулярности», а о трансформации религии, «заместительной религии» и о «сдвиге европейской религиозности от обязательств к потреблению» [Davie 2007].

Существует очень важный вопрос (на котором сейчас нет возможности остановиться подробно), что же представляет собой духовность в разных обликах и духовный поворот – сдвиг в сторону сакрализации или секуляризации? Как уже отмечалось, некоторые представители теории секуляризации считают бурное распространение разнообразной духовности частью и проявлением общего процесса секуляризации, оборотной стороной «секуляризма», которые тесно взаимосвязаны. Более того, некоторые авторы полагают, что духовное и секулярное (*secular*) возникают одновременно как «две взаимосвязанные альтернативы институциональной религии евро-американской модернити» [Van der Veer 2009]. Поэтому неудивительно, что сторонники теории секуляризации вовлечены в эту дискуссию. Так, например, для британских социологов Д. Воаса, А. Крокетта и их соавторов важной задачей стала интерпретация промежуточной «средней зоны», находящейся между теми, кто регулярно посещает церковь, с одной стороны, и агностиками и атеистами – с другой, поскольку её размеры явно растут, и не только в Европе. Британский социолог Д. Воас и его соратники исходят из того, что Европа на протяжении всего XX в. секуляризируется, и этот процесс едва ли обратим, так как религиозная часть общества невелика. А светская её часть растёт сегодня, будет расти в будущем за счёт уменьшения этой весьма значительной группы «неопределённой религиозности»¹, которая представляет собой вежу и ресурс на пути к нерелигиозному обществу.

Однако другие авторы – Д. Хутман, С. Оперс, П. Хилас, П. Маскини, П. Ахтерберг, исследуя эту «среднюю зону», находят в ней множество форм сакрального, включая «духовность в стиле Нью Эйдж», «холистическую духовность», «народную веру», «духовное искательство». Прежде Воас и Крокетта

¹ Эта группа «неопределённых» – «ни религиозных, ни светских» – включает, согласно Воасу, «народную веру» и «шейлаизм» («духовное искательство»). Для «народной веры» характерна вера в судьбу, загробную жизнь, высшую силу и т. д. Она представляет собой смесь элементов астрологии, идей реинкарнации, гаданий магии, народных суеверий и поверхностного традиционного христианства – иначе говоря, она квазирелигиозна, бессвязна, несовместима с учением основных христианских деноминаций. «Шейлаизм» (Sheilaism) – более осознанный духовный поиск; это самоназвание, использовавшееся респондентом Шейлой Ларсон в «Привычках сердца» Р. Беллы. «Я верю в Бога, – говорит Шейла, – я не религиозный фанатик, но я не помню, когда в последний раз была в церкви. Моя вера долго поддерживала меня. Это шейлаизм, просто мой собственный маленький голос» [Bellah 1985: 22].

на эту «среднюю зону» («betwixt and between zone», «middle ground») обратил внимание П. Хилас [Heelas 2002] – один из видных представителей социологии духовности, который вместе с Л. Вудхэд [Heelas 2002; Heelas, Woodhead 2005] и рядом других учёных считаются первооткрывателями в данной области, обратившихся к анализу холистической духовности или духовности жизни. Все эти авторы, в отличие от Воаса и его коллег, считают, что «эрозия традиционных ценностей и верований приводит не к светскому, а к духовному повороту», который объясняется процессом детрадиционализации, и что сегодня происходит «не исчезновение религии, а перемещение священного. Постепенно теряя свой трансцендентный характер, священное всё больше воспринимается как имманентное, обитающее в глубинах человеческого Я. И во многом религия – это путь к духовности» [Houtman, Aupers 2007; Heelas 2005].

Итак, хотя понятие «духовность» всё глубже проникает в социологический контекст, хотя оно используется при опросах и концептуализируется, хотя немало социологов, которые занимаются исследованиями духовности, «вживание» этого понятия в западную социологию происходит непросто и связано с рядом проблем различного характера: 1) идеологического (нежелание отказаться от стереотипов в понимании духовности); 2) терминологического (проблемы определения); 3) практического (трудности практического применения). Они обсуждаются такими авторами сборника «Религии современности» [Religions of Modernity... 2010], как С. Оперс, Д. Хутман, П. Хилас, П. Ахтерберг, К. Бессеке, в том числе британским социологом Линдой Вудхэд, – активным исследователем духовности, автором концепции «духовной революции» и «третьей парадигмы»¹. В статье «Реальная религия или неопределённая духовность» она обращает внимание на то, что мешает исследованиям духовности, и какова их перспектива в будущем [Woodhead 2010].

Есть явное противоречие между тем, что вырисовывается в процессе исследования духовности, которая оказывается важной частью «религиозного ландшафта»,² быстро и широко

¹ Согласно Вудхэд, «третья парадигма» необходима, чтобы иначе определять религию – не как «вещь» или персональную религию, но как совокупность социальных отношений, с присущей ей символическо-ценностной структурой. Кроме того, важно преодолеть антагонизм между зеркально противоположными старой и новой парадигмами, тесно связанными с демократической и неолиберальной идеологиями и их принадлежностью к американской или европейской социологии. «Третья парадигма» – глобальный проект, чутко реагирующий на изменения по обе стороны Атлантики и всего остального мира, которая не отвергает созданное предшественниками, но открыта для творческого переосмысления всего многообразия методологических и технических средств для лучшего понимания как религии, так и духовности [Woodhead 2009].

² В 2000–2002 гг. Л. Вудхэд принимала участие в исследованиях религиозной активности в городах Кендале и Эшвиле (Великобритания) по результатам которых потом была издана коллективная монография «Духовная революция» [Spiritual Revolution... 2005].

распространяющейся, имеющей достаточно чёткие контуры и вполне поддающейся эмпирическому наблюдению, и тем, что о ней пишут в некоторых социологических текстах, характеризуя её как «диффузную», «аморфную», «двусмысленную» «несущественную» и т. д. И, кроме того, всё ещё существует противопоставление «религии» и «духовности», которое началось не сегодня¹, и во многом объясняется наличием нормативного представления о «реальной» религии, сформировавшегося в контексте церковного христианства, по-прежнему влиятельного в социологии религии и «неопределённой духовности». Этому в немалой степени способствовало то, что в 1993 г. Б. Шпилка назвал «духовность» «неопределённым» (fuzzy) понятием, а Бр. Циннбауэр в 1997 г. подлил масла в огонь, написав статью «Определяя неопределённое» (Unfuzzifying the Fuzzy), хотя при этом именно благодаря его исследованиям в анкетах и интервью появляются вопросы, где людей спрашивают, являются ли они духовными и/или религиозными.

Если же исходить из того, как это понятие описывается в «поле» и что говорят сами участники опросов, оно вовсе не является неопределённым [Heelas 2007; Woodhead 2010]. Что касается непонимания сущности различных форм духовности, тому есть объяснения. Конечно, это связано с несовершенством анкет и вопросов интервью, т. к. до недавнего времени исследо-

¹ В отличие от многих других авторов, считающих противостояние религии и духовности современным феноменом, Вудхэд напоминает о том, что оно имеет глубокие исторические корни, приводя в подтверждение концепцию Э. Трельча, согласно которой возможно изначальное развитие трёх типов христианства из одного источника: церкви-секты – мистицизма. Церковь и секта – это два принципа духовной жизни, вытекающие непосредственно из этики Евангелия. Первый (церковь) – институциональный, воплощающийся в универсальной организации, доминирующей во всех сферах жизни, принимающей мирской порядок, проявляющей интерес к миру, государству, культуре, экономике, претендующей на «дарование благодати» по факту принадлежности к ней. Второй, индивидуальный принцип, воплощается в небольших группах, которые стремятся к внутреннему совершенству личности, и личных связях между членами, отказываются от идеи овладения миром, которые ведут себя «по отношению к миру, государству и обществу либо индифферентно, терпимо, либо враждебно, поскольку они не стремились в них включаться». Для них характерен радикальный индивидуализм, личная ответственность, идеал равенства, братства, бедности, «апелляция к Новому Завету и Древней Церкви». В XII в. оппозиция секты (в лице катаров, вальденсов, францисканцев и пр.) и церкви (в лице католической церкви) достигла кульминации, проявившись в сектантском протесте против церковной иерархии, что позволило Трельчу говорить о третьем типе религиозной организации – мистицизме как своего рода синтезе полярных типов религиозной организации. Мистицизм Трельч описывает в терминах растущего индивидуализма, отсутствия организации, свободного обмена идеями. Этот нарождающийся тип лишён как институциональных качеств церкви, так радикализма и избранности секты, её изоляции от «государства, экономики, искусства и науки». Идеология мистицизма – своего рода сплав современных идей, в том числе и научных, при отсутствии чёткой социальной программы. Мистицизм – религиозная форма выражения наиболее привилегированных социальных групп, своего рода тип «духовного индивидуализма», который хотя и не представляет собой религиозной организации в собственном смысле слова, может стать основой для образования неформальных переходных групп [Troeltsch 1923].

вали главным образом христианскую веру, не принимая в расчёт альтернативные верования, которые сегодня уже невозможно игнорировать, ибо они приобрели большое значение и популярность (почти 44% населения 11-ти европейских стран требуют пристального внимания и изучения¹), а те вопросы, которые есть, не отражают происходящих изменений. В результате происходит разрыв между результатами опросов и реальным положением дел с альтернативной духовностью, о чём неоднократно писали голландские социологи Оперс, Хутман и их коллеги². Но самое главное – предвзятость различных представителей «старой» и «новой» парадигм, когда они называют понятие «духовность» поверхностным, тривиальным, эфемерным, сомнительным и т. д. Когда они, подобно С. Брюсу и Б. Уилсону, указывают на отсутствие в концепте общепринятой доктрины, ясного чувства «мы» и «они», а также отсутствие крупных организаций приверженцев, общих ритуалов, признанных авторитетов и долгой истории этого явления. Когда характеризуют «духовность» как культурную форму религии или как проявление светской религии, они, во-первых, уже определяют его, демонстрируя свою предвзятость, разделяя социологию на «хорошую» и «плохую», что само по себе контрпродуктивно; а, во-вторых, исходят из той или иной версии теории секуляризации, полагая, что многие новые движения – сами по себе есть свидетельство секуляризации [Bruce 2000; Wilson 1976]. Хотя термин «духовность» действительно имеет много значений (впрочем, как и многие другие социологические термины, включая религию), это ничуть не лишает его полезности в социальных науках. Вопрос в том, какая формулировка в наибольшей степени поможет идентифицировать и понять смысл наблюдаемых феноменов в исследованиях и дискурсах современного религиозного ландшафта.

«Духовность» критикуется и со стороны теологов, будто она представляет собой «религиозность без Бога», и со стороны некоторых социологов религии – за её «неопределённость»

¹ Согласно данным исследования А. Баркер о религиозном и моральном плюрализме (RAMP) [Barker 2004] цифра 44% включает тех, кто согласен с утверждением «я верю, что Бог это нечто, находящееся скорее в самом человеке, чем вне его» (29%) и тех, кто согласен с утверждением «я верю в безличного духа или жизненную силу» (15%), что подтверждается данными других исследований [Heelas 2007].

² Хотя, говорят они, для измерения постхристианской (альтернативной) духовности разработаны специальные шкалы, к сожалению, они отсутствуют в крупных международных исследованиях, на основе которых можно получить сравнительные данные. Мировое исследование ценностей в этом смысле не исключение, но голландцы всё же используют его для измерения постхристианской духовности, комбинируя ответы на различные вопросы. Они берут три волны WVS – 1981, 1990, 2000 гг., поскольку это исследование охватывает 20-летний период, что очень важно, т. к. 1980-е гг. считаются временем экспансии постхристианской духовности. Оно также покрывает значительное число стран. И в нём особое внимание уделяется измерению приверженности традиционным моральным ценностям, что важно для проверки их теории относительно того, где впервые произошёл духовный поворот.

и «аморфность»¹. Однако в целом, несмотря на слабость определений, методологии, несовершенство вопросов анкет, речь идёт о том, что имеет место в действительности, распространяется в различных сферах повседневной и научной жизни, что само по себе требует более пристального внимания учёных, и с чем уже согласны многие из них. Что же требуется для достижения больших результатов в исследованиях духовности в рамках «социологии духовности» или «социологии религии»?

Прежде всего, изменить установку научного исследователя по отношению к духовности, которая в академических кругах долгое время, как и по отношению к религии, была негативной. По отношению к религии об этом писал в своё время Уорнер², говоря о появлении «новой парадигмы» в связи с теоретической рефлексией некоторых учёных относительно того, что религиозная история США не вписывается в теорию секуляризации. Одной из специфических черт американской религии, по мнению Уорнера, был «культурный плюрализм, предполагающий многообразие, пластичность и изменчивость религиозных форм, взаимодействующих и конкурирующих на религиозном рынке». Но сегодня, спустя два десятилетия после написания Уорнером этой статьи, можно сказать, что эта черта становится общей характеристикой «постмодернити» и глобального общества.

Поэтому следует пересмотреть и секуляризацию, и веру в контексте плюрализма и глобализации, а также учесть, что новые реалии во многом не соответствуют старым концептуальным средствам и не могут отразить всей глубины религиозных изменений; поэтому требуются более сложные и тонкие инструменты для фиксации изменений, важных, но невидимых на первый взгляд.

Хотя существуют разные пути к священному (основанный на авторитете и послушании традиционных церквей, и на свободе выбора индивида и авторитете Я), следует избегать упрощённой дихотомии и неадекватного рассмотрения сложной системы морально-религиозного космоса индивида и его социокультурной основы³. При всём различии типов взаимосвязи между индивидуальной верой и институциональной религией⁴

¹ Эта ситуация сходна с той, в какой находилась католическая социология в Америке в определённое время, когда испытывала напряжённость и со стороны академической социологии, для которой она была недостаточно научной и ценностно-нейтральной, и со стороны католической церкви, которая не поощряла социологических исследований, в которых поднимались темы, вовсе не предназначенные для обсуждения.

² С. Уорнер о «сдвиге парадигм» в социологии религии [Руткевич 2013].

³ Итальянский социолог Гарелли разработал достаточно сложную типологию духовности-религиозности, включающую 7 типов [Garelli 2003].

⁴ Дж. Джордан приводит в качестве примера итальянских католиков, правила сексуального поведения которых не соответствуют католической доктрине по этим вопросам, но которые, тем не менее считают себя католиками.

термин «духовность», безусловно, заслуживает внимания как эвристическая модель, так как «тихая духовная революция» коснулась в последние годы всех исторических церквей, которые в той или иной степени вынуждены принимать во внимание индивидуальную свободу выбора и стремление к независимым поискам смысла жизни.

И наконец, для становления и развития «социологии духовности», было бы весьма плодотворным не противопоставлять, а совмещать преимущества как старой, так и новой парадигм, используя всё многообразие методов и методологических инноваций, по-новому взглянуть на старые проблемы и выйти наконец за рамки конкурирующих нарративов, теорий или парадигм. Всё это способствовало бы не только широкому и глубокому изучению религии и духовности, но и более высокому статусу социологии религии (духовности).

Библиографический список

Доброхотов А. Л. 2000. Дух // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. Т. 1. 706 с.

Руткевич Е. Д. 2013. Новая парадигма в социологии религии: pro et contra // Вестник Института социологии. № 6. С. 207–233.

Руткевич Е. Д. 2014. От религиозности к духовности: Европейский контекст // Вестник РУДН. № 1. с. 5–25.

Aupers S., Houtman D. 2010. Religion beyond God. Relocating the Sacred to the self and the Digital // Religions of Modernity / Ed.by St. Aupers & D. Houtman. Leiden: Brill. 273 p.

Bender C. 2007. Religion and Spirituality: History, Discourse, Measurement. 24 jan. URL: <http://religion.ssrc.org/reforum/Bender.pdf> [Дата посещения: 25.04.2014].

Cox H. 1965. The secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective. New York: Macmillan.

Davie G. 2007. The Sociology of Religion. L.: Sage Publications. 296 p.

Flere S., Kirbis A. 2009. New Age Religiosity, and traditionalism: Cross-cultural comparison // Journal for the Scientific Study of Religion. № 48 (1). P. 161–184.

Garelli F. 2003. L'esperienza e il sentimento religioso // Un singolare pluralismo. Indagine sul pluralismo morale e religioso degli italiani / ed. By Garelli F., Guizzardi G., Pace. Bologna: Bologna: Il Mulino. 74–114 p.

Giordan G. 2007. Spirituality: From Religious concept to a Sociological Theory // Sociology of spirituality / ed. by Flanagan K., Jupp P. Un. of Durham. UK: Ashgate. P. 161–180.

Hanegraaf W. J. 1996. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. Leiden: Brill. 580 p.

Heelas P. 2002. *The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality”* // *Religion in Modern World* / ed.by Woodhead L., Fletcher P., Kawanami H., Smith D. L.: Routledge. P. 357–377.

Heelas P. et al. 2005. *The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality* / Heelas P., Woodhead L., Seel B., Szerszynski, Tusting K. USA, UK, Australia: Blackwell Publishing. 204 p.

Heelas P. 2006. *Challenging Secularization Theory: The Growth of “New Age” Spiritualities of life* // *The Hedgehog Review*. Spring-Summer. P. 46–58.

Heelas P. 2007. *The holistic Milieu and Spirituality: Reflections on Voas and Bruce* // *A sociology of Spirituality* / Ed. by K. Flanagan. Un. of Durham, UK: Ashgate. P. 6–80.

Helminiak D. 1996. *The Human Core of Spirituality: Mind as Psyche and Spirit*. N. Y.: State University of New York Press. 307 p.

Hervieu-Leger D. 2000. *Religion as a Chain of Memory*. New Jercey: Rutgers Univ.Press. 497 p.

Hill P., Pargament K. I., Hood R. W., Mgguliough Jr. M. E., Swyers J. P., Larson D. B., Zinnbauer Br. J. 2000. *Conceptualizing Religion and Spirituality: Points of Commonality, Points of Departure* // *Journal for the Theory of Social behavior*. Vol. 30. № 1. P. 51–77.

Lambert Y. 1999. *Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms* // *Sociology of Religion*. Quarterly journal. Vol. 60. № 3. P. 303–333.

Moberg D. 2011. *Expanding Horizons for Spirituality Research* // *Hartford Institute for Religion Research*. URL: <http://hirr.hartsem.edu/sociology/spirituality-research.html> [Дата посещения: 25.04.2014].

Hervieu-Leger D. 2000. *Religion as a Chain of Memory*. New Jercey: Rutgers Univ.Press. 497 p.

Principe W. 1983. *Towards Defining Spirituality* // *Studies in Religion*. № 12 (2). P. 127–141.

Religions of Modernity. 2010. *Relocating the sacred to the Self and Digital* // Ed.by St. Aupers & D. Houtman. Leiden: Brill. 273 p.

Roof W. C. 1993. *A generation of Seekers: The Spiritual journeys of the baby boom generation*. San Francisco:Harper. 294 p.

Sheldrake P. 2007. A Brief History of Spirituality. Oxford: Blackwell. 196 p.

Schneiders S. M. 2000. Religion and spirituality: Strangers, Rivals or Partners? // The Santa Clara Lectures. Vol. 6. № 2. P. 1–26.

Smith Ch. et al. 2013. Roundtable on the Sociology of Religion. Twenty three theses on the status of religion in American sociology. A Mellon Working Group Reflection / Smith Ch., Vaidyanathan Br., Ammerman N. T., Casanova J., Davidson H., Ecklund E. H., Evans J. H., Gorski F. S., Konieczny M.E., Springs J. A., Trinitapoli J., Whitnah M. // Committee for the Study of Religion URL: <http://studyofreligion.gc.cuny.edu/wp-content/blogs.dir/1013/files/2013/10/Smith-et-al.-2013-for-Oct-30-roundtable.pdf> [Дата посещения: 25.04.2014].

Sociology of spirituality. 2007 / Ed. by Flanagan K. and Jupp P. Un. of Durham. U. K.: Ashgate. 269 p.

Stark R. 2005. The victory of reason. How Christianity led to Freedom, Capitalism and Western Success. N. Y.: Random house. 281 p.

Tacey D. 2004. The Spirituality Revolution: The Emergence of Contemporary Spirituality. N. Y.: Brunner-Routledge. 256 p.

Troeltsch E. 1923. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und gruppen // Gesammelten Schriften. Tubingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 994 S.

Van der Veer P. 2009. Spirituality in Modern Society // Social Research. Vol. 76. № 4. P. 1097–1120.

Versteeg P. Roeland J. 2012. Contemporary Spirituality and the Making of Religious Experience: Studying the Social in an Individualized Religiosity // Fieldwork in Religion. Vol. 6. № 2. P. 120–133.

Waaajman K. 2007. Spirituality – A multifaceted Phenomenon // Studies in Spirituality. № 17. P. 1–113.

Wood M. 2010. The sociology of Spirituality // The Blackwell Companion to the Sociology of Religion / B. S. Turner (ed.). Oxford: Wiley-Blackwell. P. 267–285.

Woodhead L. 2009. Old, New, and Emerging Paradigms in The Sociological Study of Religion // Nordic Journal of Religion and Society. № 22 (2). P. 103–121.

Woodhead L. 2010. Real religion and fuzzy spirituality? Taking Sides in the sociology of religion // Religions of Modernity: Relocating the sacred to the self and the digital / Ed. by Aupers S. and Houtman D. Leiden: Brill. P. 31–48.

Wuthnow R. 2001. Spirituality and Spiritual Practice // Sociology of Religion / Ed. by R. K. Fenn. Princeton Theological Seminary. Blackwell: Blackwell Publishing Ltd. P. 306–320.

Zinnbauer Br., Pargament K. et. al. 1997. Religion and Spirituality: Unfuzzifying the Fuzzy // Journal for the Scientific Study of Religion. № 36 (4). P. 549–564.

Zinnbauer Br. J., Pargament K. I., Scott A. B. 1999. The Emerging meanings of Religiousness and Spirituality: Problems and Prospects // Journal of Personality. Vol. 67. №6, December. P. 889–919.

“Sociology of Spirituality”: Problems of Creation

Rutkevitch Elena Dmitrievna

Candidate of Sociological Sciences(PhD), docent of sociology department of the State Academic University of Humanitarian Sciences, leading researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: erutkevich@yandex.ru

Abstract. The rapid expansion of the concept of “spirituality” in the West is the sign of changing religiousness in the context of socio-cultural changes. In the descriptions of religious consciousness and behaviour, the concepts of “religion” and “spirituality” are often opposed as objective “traditional spirituality” and subjective “post-traditional spirituality”. While the first (religion) is becoming less relevant and failed its “plausibility structure”, the second takes the character of the “spiritual revolution” or “spiritual turn” and transforms it into a strong trend in many countries of Europe and beyond. In the process of studying of the different types of spirituality, a new discipline is forming – “the sociology of spirituality” – as a multi-disciplined approach to the sociology of religion. This article focuses on some problems of this process, including the causes of the emergence of the concept of spirituality in the sociological context, points of commonality and points of departure in conceptualising religion and spirituality, and the possibilities for the development of a new discipline.

Keywords: religiosity, spirituality, religious changes, “spiritual revolution”, “fuzzy fidelity”, “post-Christian spirituality”, spiritual turn, sociology of spirituality.

References

Dobrokhotov A. L. Dukh [Spirit] – Novaja filosofskaja jenciklopedija [New encyclopedia of philisophy]. M., Mysl', 2000. Vol. 1. 706 p.

Rutkevitch E. D. Novaja paradigma v sociologii religii: pro et contra – Vestnik Instituta sociologii, 2013, no.6, pp. 207–233.

Rutkevitch E. D. Ot religioznosti k dukhovnosti: Evropejskij kontekst – Vestnik RUDN, 2014. no.1, pp. 5–25.

Aupers S., Houtman D. Religion beyond God. Relocating the Sacred to the self and the Digital – Religions of Modernity / Ed.by St. Aupers & D. Houtman. Leiden, Brill, 2010. 273 p.

Bender C. Religion and Spirituality: History, Discourse, Measurement. 2007, 24 jan. URL: <http://religion.ssrc.org/reforum/Bender.pdf> [date of visit 25.04.2014].

Cox H. The secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective. New York, Macmillan, 1965. 268 p.

Davie G. The Sociology of Religion. L., Sage Publications, 2007. 296 p.

Flere S., Kirbis A. New Age Religiosity, and traditionalism: Cross-cultural comparison – Journal for the Scientific Study of Religion, 2009, no.48 (1), pp. 161–184.

Garelli F. L'esperienza e il sentimento religioso – Un singolare pluralismo. Indagine sul pluralismo morale e religioso degli italiani / ed. By Garelli F., Guizzardi G., Pace. Bologna: Bologna, Il Mulino, 2003, pp. 74–114.

Giordan G. Spirituality: From Religious concept to a Sociological Theory – Sociology of spirituality / ed. by Flanagan K., Jupp P. Un. of Durham. UK, Ashgate, 2007, pp. 161–180.

Hanegraaf W. J. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the mirror of secular thought*. Leiden, Brill, 1996. 580 p.

Heelas P. *The Spiritual Revolution: From "religion" to "spirituality" – Religion in Modern World* / ed. by Woodhead L., Fletcher P., Kawanami H., Smith D. L., Routledge, 2002, pp. 357–377.

Heelas P. et al. *The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality* / Heelas P., Woodhead L., Seel B., Szerszynski, Tusting K. USA, UK, Australia, Blackwell Publishing, 2005. 204 p.

Heelas P. *Challenging Secularization Theory: The Growth of "New Age" Spiritualities of life – The Hedgehog Review*, 2006, Spring-Summer, pp. 46–58.

Heelas P. *The holistic Milieu and Spirituality: Reflections on Voas and Bruce – A sociology of Spirituality* / Ed. by K. Flanagan. Un. of Durham, UK, Ashgate, 2007, pp. 6–80.

Helminiak D. *The Human Core of Spirituality: Mind as Psyche and Spirit*. N. Y., State University of New York Press, 1996. 307 p.

Hervieu-Leger D. *Religion as a Chain of Memory*. New Jersey, Rutgers Univ. Press, 2000. 497 p.

Hill P., Pargament K. I., Hood R. W., Mgguliough Jr. M. E., Swyers J. P., Larson D. B., Zinnbauer Br. J. *Conceptualizing Religion and Spirituality: Points of Commonality, Points of Departure – Journal for the Theory of Social behavior*, 2000, Vol. 30, no.1, pp. 51–77.

Lambert Y. *Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms – Sociology of Religion. Quarterly journal*, 1999, Vol. 60, no.3, pp. 303–333.

Moberg D. *Expanding Horizons for Spirituality Research – Hartford Institute for Religion Research*, 2011. URL: <http://hrr.hartsem.edu/sociology/spirituality-research.html> [date of visit 25.04.2014].

Hervieu-Leger D. *Religion as a Chain of Memory*. New Jersey: Rutgers Univ. Press, 2000. 497 p.

Principe W. *Towards Defining Spirituality – Studies in Religion*, 1983, no.12 (2), pp. 127–141.

Religions of Modernity. Relocating the sacred to the Self and Digital / Ed. by St. Aupers & D. Houtman. Leiden, Brill, 2010. 273 p.

Roof W. C. *A generation of Seekers: The Spiritual journeys of the baby boom generation*. San Francisco, Harper, 1993. 294 p.

Sheldrake P. *A Brief History of Spirituality*. Oxford: Blackwell, 2007. 196 p.

Schneiders S. M. *Religion and spirituality: Strangers, Rivals or Partners? – The Santa Clara Lectures*, 2000, Vol. 6, no.2, pp. 1–26.

Smith Ch. et al. *Roundtable on the Sociology of Religion. Twenty three theses on the status of religion in American sociology. A Mellon Working Group Reflection* / Smith Ch., Vaidyanathan Br., Ammerman N. T., Casanova J., Davidson H., Ecklund E. H., Evans J. H., Gorski F. S., Konieczny M.E., Springs J. A., Trinitapoli J., Whitnah M. – Committee for the Study of Religion. 2013. URL: <http://studyofreligion.gc.cuny.edu/wp-content/blogs.dir/1013/files/2013/10/Smith-et-al.-2013-for-Oct-30-roundtable.pdf> [date of visit 25.04.2014].

Sociology of spirituality / Ed. by Flanagan K. and Jupp P. Un. of Durham. U. K., Ashgate, 2007. 269 p.

Stark R. *The victory of reason. How Christianity led to Freeom, Capitalism and Western Success*. N. Y., Random house, 2005. 281 p.

Tacey D. *The Spirituality Revolution: The Emergence of Contemporary Spirituality*. N. Y., Brunner-Routledge, 2004. 256 p.

Troeltsch E. *Die Soziallehren der christlichen Kircchen und gruppen – Gesammelten Schriften*. Tubingen, Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1923. 994 S.

Van der Veer P. Spirituality in Modern Society – Social Research, 2009. Vol. 76, no. 4, pp. 1097–1120.

Versteeg P. Roeland J. Contemporary Spirituality and the Making of Religious Experience: Studying the Social in an Individualized Religiosity – Fieldwork in Religion, 2012, Vol. 6, no.2, pp. 120–133.

Waaijman K. Spirituality – A multifaceted Phenomenon – Studies in Spirituality, 2007, no.17, pp. 1–113.

Wood M. The sociology of Spirituality – The Blackwell Companion to the Sociology of Religion / B. S. Turner (ed.). Oxford, Wiley-Blackwell, 2010, pp. 267–285.

Woodhead L. Old, New, and Emerging Paradigms in The Sociological Study of Religion – Nordic Journal of Religion and Society, 2009, № 22 (2), pp. 103–121.

Woodhead L. Real religion and fuzzy spirituality? Taking Sides in the sociology of religion – Religions of Modernity: Relocating the sacred to the self and the digital / Ed. by Aupers S. and Houtman D. Leiden, Brill, 2010, pp. 31–48.

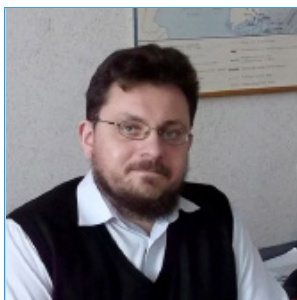
Wuthnow R. Spirituality and Spiritual Practice – Sociology of Religion / Ed. by R. K. Fenn. Princeton Theological Seminary. Blackwell, Blackwell Publishing Ltd., 2001, pp. 306–320.

Zinnbauer Br., Pargament K. et. al. Religion and Spirituality: Unfuzzifying the Fuzzy – Journal for the Scientific Study of Religion, 1997, no.36 (4), pp. 549–564.

Zinnbauer Br. J., Pargament K. I., Scott A. B. The Emerging meanings of Religiousness and Spirituality: Problems and Prospects – Journal of Personality, 1999, Vol. 67, no.6, December, pp. 889–919.

В о п р о с ы т е о р и и

Р е д у к ц и я п о с т п о л и т и к и

Товбин Кирилл Михайлович – кандидат философских наук, доцент Гагаринского филиала Российского Нового университета, г. Гагарин, Смоленская область

E-mail: kimito@yandex.ru

Редукция постполитики

Аннотация

В статье рассматривается понятие постполитики и её параметры. Постполитика характеризуется как предельная стадия дезонтологизации политических отношений. Для подступа к этому культурно-историческому явлению в статье проводится сравнение политических отношений в трёх контекстах – традиционного общества, эпохи Модерна и нынешнего Постмодерна. Рабочая гипотеза: политические отношения, приближаясь к современности, являют постепенное освобождение от сакральных координат, переход в некое новое, призрачное, виртуальное качество.

Ключевые слова: Постмодерн, пострелигия, Политическое, Священное, десакрализация, деконструкция, виртуализация, информатизация, мимикрия, игра, биополитика

Эпоха Постмодерна всё настойчивее заявляет о себе уже не только в философии и культурологии. Постмодернистские социологи заверяют, что идейные основания постмодернистов являются больше чем эстетикой или совокупностью экстравагантных и эпатирующих суждений. Постмодерн стал измерением эпохи (А. Г. Дугин подробно описал различные его компоненты в онтологической, феноменологической, гносеологической и прочих областях) [Дугин 2009а]. На политическое измерение Постмодерна Дугин лишь указал, жирными штрихами, отметив самые яркие черты и сгенерировав понятие «постполитика» [Дугин 2004: 467], разобраться в наполнении которого – задача данного текста.

Есть три различных взгляда на сущность Постмодерна. Сами постмодернисты именуют его свёртыванием программы Модерна, маргинальным обращением к его истокам, недостаточно овеществлённым. Иные исследователи видят в Постмодерне слом Модерна ради возврата к Традиции, в преодолении которой Модерн видел свою задачу. Третья – хабермасовская точка зрения – вообще отрицает наличие Постмодерна, видя его лишь ситуацией драматического, но исправимого дефекта программы Нового времени. Однако наличие особых пунктов постмодернистского мышления признают все. Задачей данного текста является не решение спора о сущности Постмодерна, но перечисление его важнейших параметров. Кроме того, в качестве задачи не ставится выявление причины

постмодернистского сдвига в мышлении и политике – автор принципиально придерживается феноменологического ракурса исследования и стиля изложения. В качестве гносеологического поля избрано политическое измерение Постмодерна, поскольку именно в возрождении Политического и преобладании его над Социальным постмодернисты видят свою задачу.

В мире Традиции Политическое не мыслилось самостоятельным, оно было практическим проявлением состояния всеосвящённости и всеединённости. Традиционное, кастово структурированное общество во главе себя всегда имело сословие, в чьих руках находилось воспроизводство устоявшегося образа жизни, – жрецов. Собственно политическое сословие – воины и управленцы – было связующим между корпорацией жрецов и простонародьем. Таким образом, между сословием, хранившим высшие принципы бытия, и сословием, овецивавшим эти принципы в повседневности (тружениками), существовал социальный буфер. Эпоха Модерна переформатировала традиционную систему, почти повсеместно приведя общество к бюрократизму и партократии. Жреческое сословие спустилось до состояния идеологической и этической услуги наличествующего политического устройства; никакого трансцендирования для этого социального слоя/класса не предполагалось. Именуемая Шмиттом «революция третьего сословия» [Шмитт 2000: 84] изменила порядок только двух верхних сегментов; «низы» остались на низшем уровне, но верхние сословия всю эпоху Нового времени (по экспоненте, к Современности) лишь стремились обеспечить деградирующие запросы «низов».

При Постмодерне произошло «отрицание отрицания»: политическое сословие вновь сместилось на подчинённое место, уступив горнее место симулякрам жрецов – политтехнологам, PR-менеджерам, аналитикам, консультантам, публицистам-блогерам. Соотношение сторон теперь весьма похоже на традиционное: «верхи» генерируют жизненные принципы и оформляют знаки качества бытийственности; «низы» овецивают заявленные ориентиры; административная «середина» – кшатрийское сословие – обеспечивает и контролирует осуществление идей, пришедших с высшего уровня [Шмитт 2006: 297]. Но в этой иллюзии традиционной иерархии горнее место социальной пирамиды больше не принадлежит жрецам – лишь их функциональным подобиям. И жречество утратило такую привилегию не в количественном, но именно в качественном смысле, предполагающем привязку к Священному. Современные попытки клерикализации и синодализации не могут вернуть важнейшей характеристики традиционного мира – Сакрального, пронизывающего все сферы бытия. По словам Дугина, «теология вернулась в политику» [Дугин 2009b: 20], однако эта теология теперь – облегчённая, мимикрирующая под внешние формы Священного, под его функционально-прагматические изъявления.

Постмодернистские социологи заверяют, что идейные основания постмодернистов являются больше чем эстетикой или совокупностью экстравагантных и эпатажирующих суждений.

При Постмодерне произошло «отрицание отрицания»: политическое сословие вновь сместилось на подчинённое место, уступив горнее место симулякрам жрецов – политтехнологам, PR-менеджерам, аналитикам, консультантам, публицистам-блогерам.

Традиционная эпоха не предполагала собственно Политического – оно было лишь подчинённым пространством осуществления высших принципов. Эра Модерна породила чистое Политическое как универсальную систему налаживания социальных отношений. Сущностной стороной Политического эпохи Нового времени было планомерное изживание Традиции и замена сакральных принципов их перевертышами. Постмодерн же заново перевернул идеологические антиподы; место Священного и его носителей и интерпретаторов вернулось на верх социальной пирамиды, однако внутри себя горнее место оказалось пустым. Соответственно, принципы, сходящие свыше и требующие политической реализации, уже не могут быть прагматическими, «реалистическими» – они исходят из сущностной пустоты и не могут представлять ничего, кроме паттернового мельтешения, декорирующего принципиальное отсутствие всяческих смыслов, кроме единственного – отладки функциональности самой системы «феерического ансамбля современности». Сходящие «свыше» постмодернистские принципы Политического священными также не стали, поскольку Традиция неподвластна человеческой комбинаторике и предполагает циркуляцию из поколения в поколение и горизонтальный социальный капитал, могущий усвоить Традицию и передать её по разнообразным социальным каналам [Quinn 1997: 22]. Таким образом, политика перестала настаивать на осуществлении чисто политических принципов, к принципам горним она не вернулась, и та сфера, которую политика призвана охранять, – бытийственная – стала незакреплённой, воздушной. А деятельность, направленная на сбережение псевдобытийственной сферы, не может быть никакой иной, кроме как игровой. Потому Дугин характеризует постполитику как «предельную фазу дезонотологизации политики» [Дугин 2004: 522].

Зрелый Модерн не отрицал священного Политического, но совершенно иначе истолковывал его – инструментально, лишь как сферу особого рода социальных взаимодействий. Неприязнь к самодостаточному Политическому была столь велика, что умалчивался даже сам термин «Политическое» – его заменила чуть расширенная «политика», понимаемая как управленческая сфера, ориентированная на достижение прописанного «просветителями» результата. «Кшатрийское» возвеличивание чистого и самостоятельного Политического стало уделом экстравагантных антимодернистов, наподобие Ницше или Мисимы.

Постмодерн возвратил доминанту Политического, однако совершенно в децентрированном спектре, дающем представление о сверхиндивидуальных долженствованиях, надличностных ориентирах, цивилизационной обусловленности, главенстве эстетичности. Как и в Традиции, в Постмодерне этим

Постмодерн возвратил доминанту Политического, однако совершенно в децентрированном спектре, дающем представление о сверхиндивидуальных долженствованиях, надличностных ориентирах, цивилизационной обусловленности, главенстве эстетичности. Как и в Традиции, в Постмодерне этим принципам придаётся второстепенное значение, но прибавились новые черты, ведущие к децентрации: игра и принципиальная несерьёзность.

принципам придаётся второстепенное, подчинённое значение, однако прибавились новые черты, ведущие к децентрации: игра и принципиальная несерьёзность.

Постполитика является важнейшим знаком современной политической ситуации, и без представления о её сущности исследование современных политических процессов неминуемо симулируется, поскольку наполнение постполитики – не аполитическое, но *якобы* политическое. Постполитика – детище Постмодерна, поэтому в анализе её наблюдаемых параметров уместно пользоваться методикой и терминологией постмодернистов.

Самым значимым параметром постполитики является **деконструкция** как освобождение от исконных принципов, воспринимаемых сегодня как напластования историко-культурного контекста [Charlesworth 2002: 165]. Политические методы и даже отрывочные принципы, освобождённые, как *дискурс* из контекста, должны осуществить политическую волю, стремящуюся к сугубо прагматичным целям, либо не стремящуюся ни к каким принципам вообще. Если мир – это текст, написанный умершим Автором, то нынешний обыватель довольствуется ролью читателя, а современный идеолог, политик или управленец есть редактор этого текста. Он функционирует инициативно и на бегу, но не просто осуществляет политический процесс – это было бы делом Модерна. Деятель постполитики оперирует тем местом, на котором изначально располагалась сфера Сакрального, пропитывавшая всё неизбывное Политическое. Но вместо изначального сакрального смысла осталась мешанина разрозненных практических задач, сиюминутных ориентиров, деклассировавшихся идеологий, устаревших этических императивов. Потому деятель постполитики приступает к комбинаторике смыслодеятельности, не подчинённой никаким правилам, кроме выходящих из бессознательной тьмы ощущений, фантазий и предпочтений, эклектично смешивающихся с цивилизационной и национальной инерцией.

Конструирование смысла напрямую ведёт к конструированию социальности [Бурдьё 2007: 121] – так возникают симулякры государства, нации, класса, прикрывающие свою виртуальность лоскутами Традиции. Партийные и парламентские системы стремятся к отрицанию, уступая политическим практикам, обращающимся непосредственно к принципам, исходящим из самого центра деконструированного Политического. Медийные рычаги власти становятся всё более значимыми, тяготеют к абсолютизму.

Опять же: если редактор «умирает», а движение, активированное им, находит иного продолжателя/изменителя/нарушителя, то при взгляде со стороны может возникнуть иллюзия самовоспроизводства Социального, что в традиции всегда намекало на неизменное присутствие Священного, легитимирующего Политическое.

Самым значимым параметром постполитики является **деконструкция** как освобождение от исконных принципов, воспринимаемых сегодня как напластования историко-культурного контекста.

При навыке игры «дискурс-контекст» возникает впечатление, что любой исторический жест, фразу, имя можно изъять из породившей их обстановки и воскресить, уже в качестве бренда [Андерсон 2011: 117]. Истории больше нет, есть только единомоментная игра, и наполнение этой игры зависит от соглашения игроков [Анкерсмит 2003: 12]. Потому в деконструкции особое внимание уделяется динамике, заложенной деконструктором (автором/редактором) [Барт 1989b: 462]. Поскольку автор – этот модернистский Богозаменитель – согласно взглядам самих постмодернистов, продолжительно существовать не может [Барт 1989a], его власть расплывается, становясь уделом социальных институтов, автономизировавшихся сетей и неуправляемого, но подправляемого и «свыше» вдохновляемого безликого Действия. Это чрезвычайно похоже на всесакральность Древности, однако является её симулякром, поскольку отобразилась не с Традиции, а с Модерна посредством двойного отрицания.

На ментальном уровне политическая деконструкция приводит к ризомическому политическому мышлению, принципиально лишённому любых центростремительных факторов, нацеленному лишь на покорение территорий и почв, пригодных для поверхностного питания и размножения. К примеру, в этом – подоплёка культурной глобализации. Образ усреднённого западного человека транслируется на периферию уже не с какой-то определённой целью. Сама успешная трансляция сегодня предполагает власть над зрителями.

Виртуализация есть другой параметр, сигнализирующий о превращении функциональных методик в самооценку и абсолютизм самой методики, отрывающейся от практических задач и превращающейся в симулякр бытия. Осуществляется виртуализация как семиотическая лестница «стилизация – имитация – фальсификация». Последнее звено трилогии (фальсификация) не является целью виртуализации, но радикальность отрыва постполитики от реальности постепенно приведёт к тому, что результат виртуальной политики будет совершенно непредсказуемым, не входившим в замыслы теоретиков на первом этапе виртуализации. В итоге виртуализации политика станет подобна компьютерной игре, в которой важно не отображение реального мира, но тщательная прорисовка образов и продуманность альтернатив, могущих возникнуть в ходе игрового ветвления.

Виртуализация рождает психологический механизм мимикрии, значение которого вышло за границы игры. Игра-подражание из отражения Социального стала способом конструирования того, что замещает Социальное [Бергер 1996: 83]. Увлечённость мимикой и мимикрией, приоритет идентификации над идентичностью, подражания над соответствием образу – черты постмодернистского мироощущения, зачастую интуитивного под собой полную пустоту, декорируемую коллажами из произвольно выдернутых культурно-исторических обстановок [Аверьянов].

Виртуализация не идёт однонаправлено, не существует одноплоскостно. Высокофункциональная фрактальная виртуализация возвращает иммунитет против своего опроверже-

Истории больше нет, есть только единомоментная игра, и наполнение этой игры зависит от соглашения игроков.

Виртуализация есть другой параметр, сигнализирующий о превращении функциональных методик в самооценку и абсолютизм самой методики, отрывающейся от практических задач и превращающейся в симулякр бытия.

ния – якобы сопротивление себе, которое Жижек называет «страстью по Реальному»: уставшее от информационного псевдобытия сознание страстно стремится к любым нарративам, имеющим претензии на реалистичность (причём достаточно лишь внешнего сходства) [Жижек 2002: 12]. Однако истинная Реальность воспринимается отвыкшим от неё медиапотребителем не иначе как монстр, ибо современный человек уже утратил связь с естественным образом жизни и мышления, и, даже воскрешая элементы Традиции, он не знает, в какой последовательности их наново смонтировать, какое место в этом ансамбле занять и каким образом в нём действовать. Вместо Традиции – мнение о Традиции; это единственное, на что способно сознание, привыкшее к виртуальности-подвижности. Потому наиболее актуальной будет игра, использующая образы, намекающие на традиционность (т. е. на присутствие Священного): символы кастовой пирамиды и иерократии, заявления о приоритете прав народа над правами индивида и об особой роли определённой нации в мире, участие духовенства в около- или псевдополитической деятельности и т. д. Именно это мы и называем отщепенями Сакрального, отколовшимися от него в эпоху революций третьего и четвёртого сословий, а сегодня сектантски заявляющими о себе как о полноте Сакрального и Политического.

В постполитические коллажи удачно вписываются архаичные образы и детали национальной истории, усилиями интерпретаторов сменившие оценочный знак на противоположный: советская коллективизация, декадентская некрофилическая мистика ранних большевиков, сталинская репрессивная машина, тоталитарная система контроля и пр. Всесмещение вместо иерархии, стохастичное шевеление вместо программного хода, недоговорённость вместо рационализма, тотальная социальность вместо индивидуализма и личности – эти новые дихотомии имеют обратное сходство с дихотомиями, поставленными «просветителями» Нового времени, потому для некритически мыслящего «повстанца против Современности» они напоминают холизм и метафизическую пропитанность Традиции, и постполитика мнится возвратом к некой Изначальности.

Поскольку постполитика оперирует образами, знаками и символами, окончательно оторвавшимися от естественности и созданными в виртуальном пространстве, информационные единицы, комбинируемые для оформления очередного псевдонарратива, начинают цениться отдельно от процесса виртуализации, частью которого являются. Важным основанием для этого является отсутствие центростремительности постполитики и флеш-методика привлечения внимания потребителя политических образов. Так происходит *информатизация* как парадигмальный переход политики в информационное русло. Полная

оторванность современного обывателя от традиционного-реального существования приводит к тому, что любая информация о «жизни» собирается только из информационного поля посредством СМИ. Постепенно СМИ из информирующего средства превращаются в рычаг политики (сегодняшний этап), а затем – в само поле политического действия, в котором идёт соревнование образов, а точнее – брендов и лейблов. Причём потребление бренда сегодня является признаком бытийственности; бренд стал социальной условностью, и стремление к нему больше не означает ни высокого качества товара, стоящего за эмблемой, ни высокого качества жизни, позволяющего сделать определённый товар доступным. Современный бренд предполагает некую стилизацию, ролевую игру, но не предполагает перенесение в реальность принципов, на которые некогда мог намекать бренд первичный. Однако соревнование брендов вышло за рамки игры-развлечения и стало делом затратным, сложным и даже опасным. Так, например, бренд «национал-социалист» означает гарантированное место штатного шута в современном массовом политическом сознании, но за стилистическую принадлежность к нему вполне можно поплатиться здоровьем и даже жизнью. Перед массовым политическим сознанием разыгрывается тяжёлая игра уступающих арену «либералов» и апеллирующих к «светлому прошлому» «державников», подразделяющихся на «имперских» и «советских». На мировой арене «глобалисты» борются с «националистами», «американские империалисты» – с «исламскими фундаменталистами». Те и другие имеют свои бренды, узнаваемые стратегии. Рассмотрение обывателем своей принадлежности к определённому политическому лейблу не означает перестройки сознания, жизненных условий, быта. Символические войны, достаточно часто выплёскивающиеся из «виртуала» в «реал», как правило, не ведут к изменению бытийственной сферы, являясь лишь увлекательной игрой, настаивающей на привлечении более свежих версий игры и апгрейде операционной системы под соответствие им.

Приоритет динамики над статикой. Постмодерн не предполагает вживания в какой-то образ – важна сама сменяемость образов и умение подыгрывать этой сменяемости, умение занимать роли в текущем моменте. Чтобы обыватель был увлечён компьютерной игрой, она должна быть максимально подвижной, не предполагающей застревания на каком-то уровне или статусе игрока. Это позволяет не замечать витринной карикатурности и вычурности современных политических образов, не замечать дефектов самой программы – если только дефекты не ведут к сбою программы политического поведения. Однако и сбои, как указывал Дебор, сегодня являются элементами «управляемого хаоса» и ведут лишь к повышению функциональности программы [Дебор 2000: 40]. У обывателя/зрителя необходимо создать иллюзию (1) его деятельной вовле-

чёрности в политические процессы, (2) иллюзию самостоятельного политического процесса. В этой ситуации в подсознании обывателя запускаются сразу два механизма: недозатёртая личностность, намекающая на важность и действенность индивидуального политического участия, и псевдотрадиционное представление о самостоятельности Политического, движимого Священным и не зависящего от активности индивидов. Эти внешне противоречивые механизмы приводят к тому, что современный обыватель участвует в политике не активно, но знаково – формируя капитал доверия определённому политическому участнику, увеличивая его индекс медийной цитируемости, упрочивая его узнаваемость. Побеждает наиболее «сильный» знак, имитирующий постоянство в силу отнесённости к незыблемым основаниям бытия [Бурдьё 2009]. Дальнейшая конкретная политическая практика настолько отработана и поставлена в зависимость от виртуальной, что обязательно приведёт к победе обладателя «сильного знака», своей непрерывной активностью намекающего на аннулирование любой энтропии в политической системе и в тотально зависящем от неё индивидуальном бытии медиапотребителя.

Тотальность медиакратии. Информационная картинка (в нашем случае – политическая по форме) из обозначающего превращается в обозначаемое. Постепенно медийность становится настолько значимой, что фактор реалистичности растворяется, уступая место импульсивной эффектности. Скандальность, экстравагантность, фантастичность, позёрство ценятся потребителем политических образов именно в силу своей гиперреалистичности (на первом уровне) и нереалистичности (в перспективе). Уставший от безысходности и неизменности псевдобытия, потребитель теперь хочет наркотического удовлетворения, и политика только тогда его интересует, когда похожа на реслинг. В свою очередь, для привлечения внимания потребителя деятель постполитики должен быть мультимедийным, а в перспективе – мультипликационным, высокопластичным. Деятель постполитики должен быть собранием гиперссылок, указывающих самым разным политическим участникам на наиболее ценные для них ситуации, фрагменты истории, ментальные стереотипы, жизненные драмы. Переход из одного образа в другой должен совершаться мгновенно и без применения особых усилий, как переход по ссылкам на html-странице. Такая пластика образности не предполагает наличия собственной ценностной системы в постполитическом деятеле: внутренний мировоззренческий стержень будет препятствовать мгновенному сгибанию в угоду сиюминутной конъюнктуре и сменяемости ментальных потребностей обывателя.

Биополитика. В принципе, выделение биополитики в отдельный параметр пока что имеет значение, поскольку современный информационный потребитель (особенно в коло-

Для привлечения внимания потребителя деятель постполитики должен быть мультимедийным, а в перспективе – мультипликационным, высокопластичным.

ниальных странах) ещё не вполне утратил связь с реальностью. Поэтому из всех образов большей действенностью обладают те, которые связаны с человеческой физиологией, в особенности – с психосексуальной сферой. Манипулирование сексуальными образами сегодня занимает одно из самых значимых мест в информационной политике, поскольку сфера репродуктивного инстинкта является одной из самых выживаемых и трудно переводимых в виртуальность. Более того, современный медиапотребитель устойчиво считает либидозную сферу выходом из тупика искусственности, заземляющим противовидием от виртуализации. Создание видимости открытости личной жизни политиков имеет значение только в применении к сексуальной сфере – тогда политик представляется реальным: не осуществляющим программу киборгом, но живым человеком, могущим отступить от тоталитарного разума и всеподчиняющих общественных условностей ради стихийного порыва, назначением которого всегда было «самое человеческое в человеке» – самовоспроизводство. Потому особое знание в постполитике имеют медийные скандалы, связанные с личной жизнью – они влияют на формирование политического сознания больше, чем политическая программа партии.

Однако сегодня намечается постмодернистский перевес в сторону андрогинности, особенно в Европе. На мировой периферии эксплуатация интереса потребителя информации к личной жизни политика сегодня ещё имеет ультрамодернистский характер – направлена на подчёркивание маскулинности потенциального вождя. Потому в формировании положительного пиара в «развивающихся» странах центральная роль отводится сексуальным скандалам. В постиндустриальных и постмодернистских странах мирового Центра иная методика – отстранение. Первертивные склонности некоторых политиков подчёркиваются для создания имиджа неотмирности, имитирующей потусторонность жрецов в традиционном мире, имиджа социального борца против косности быта [Дугин 2009а: 556]. Тогда политический лидер, во-первых, выглядит ещё более живым и сильным: он не только противопоставил своё асоциальное «Я» окружающей реальности, но и добился большего – поставил реальность под сомнение своим победоносным прорывом из маргинальности в мейнстрим. Во-вторых, такой лидер не будет восприниматься европейцем (учитывая особенности европейской истории XX в.) как грандиозный политический насильник, стремящийся к самовыражению посредством тоталитарной или авторитарной манипуляции индивидами, опущенными до состояния безвольных масс. В-третьих, как указано выше, само существование первертивного политика, намекающего на католический целибат, кастрацию жрецов древности и первертивность некоторых знаменитых деятелей культуры, намекает на бескорыстность такого

политика и его сверхличностную цель, не предполагающую обогащения или социального подъёма за счёт политического статуса. Этот психологический механизм вновь намекает на некоторые признаки традиционного Политического, в котором истинным, священным лидером был не «настоящий мужчина» (кшатрий), но «получеловек», исказивший свою плотскую сущность ради большего соответствия духовным императивам (брахман, монах). Сегодня роль брахмана занимает гей, роль инициации – каминг-аут.

На том месте, которое, в противовес ментальности, ранее занимало политическое сознание, сегодня можно отметить гносеологическую примитивизацию как нацеленность не на постижение сущности политических процессов, а на «прозрачность», «доступность», создающую у пассивного зрителя иллюзию участия в политике. Примитивизированное представление о политике доминирует над видением связанности политической сферы жизни с остальными сферами. Эта несогласованность бытия, в связи с самим дефицитом бытийственности современного человека, формирует представление о политическом процессе как соревновании интерпретаций; от такого представления – уже один шаг до игрового представления. Поэтому в сегодняшнем «просвещённом» мире столь большое значение имеют разные версии алармизма и самые архаические конспирологические тренды. «Конфигурация всё время меняется, происходит бесконечное ветвление побегов и рассеивание смысла» [Иноземцев 2004: 52], потому от политического участника не требуется понимания сущности политического процесса – достаточно мнения, взгляда, ощущения, вспыхнувшей аналогии. Осмысленность отступила ещё в зрелом Модерне под натиском прагматичности, «realpolitik»; сегодня же прагматичность уступила игре – деятельности, смысл которой не в результате, но в ней самой. Именно это даёт основание де Бенуа, характеризуя современный управленческий процесс как «управленье», медийную симуляцию [Де Бенуа 2009: 250–251].

В сфере политической феноменологии господствует **одномоментность** как псевдотрадиционность. Этот параметр свойствен именно постполитике в точках имитации традиционной (не модерновой!) политики. Здесь модернистскому динамизму противопоставляется не традиционная стационарность бытия, но бесконечное расширение момента, ощущения, образа. Миг представляется вечностью, занимавшей первое место в традиционном Политическом, и все усилия тратятся на имитацию неподвижности этого мига, провозглашаемой псевдофундаменталистами как преодоление модернистского «движения в никуда». Развенчаны все модернистские цели идеалистического и прагматического характера; двигаться больше некуда и незачем, однако возврата в примордиальную статику бытийственности

не может произойти в силу её оторванности от собственных священных оснований. И вместо застревания в вечности у потребителя политических образов происходит застревание в образе, подобно тому, как хороший актёр ассоциируется с ролью, сделавшей его знаменитым. Никакого трансцендентного основания для этого застревания не подводится – оно исходит из стохастически сложившихся эстетических представлений и виртуализованного, псевдожизненного опыта. Рациональное обоснование политической роли уподобляется сортиру, отделяющему потенциальных носителей одного бренда от потенциальных носителей другого. В этом – основание для политической субкультурности, описанной выше: индивид – носитель бренда борется с другим брендом в лице его носителя.

Может показаться противоречивым сведение вместе таких параметров постполитики, как *приоритет динамики над статикой* и *одномоментность*. Напомним, что мы говорим не о целеустремлённой, структурной и иерархической политике, но о фрактальной и мозаичной постполитике, в разных ситуациях подчёркивающих разнообразную ориентацию. Неизменным остаётся только одно – непринадлежность как к модернистской рационалистической политике, так и к традиционной политике всеосвящённости. Постмодернистская политика есть многофункциональная игра, предполагающая лёгкую переключаемость интерфейсов под вкусы игроков.

В своей *цивилизационной миссии* у постполитики видится основание, резко выделяющееся из формата игровой несерьёзности. В первую очередь уже заметна сама цивилизационная миссия, и это позволяет говорить о нестохастичности и несамодостаточности, но управляемости и внешней программируемости Постмодерна [Панарин 2002: 245]. Миссия эта – *неоколониализм*, выражающийся уже не столько в собственности на производственных акторов, сколько в способах, формах и доступности информационных ресурсов. Доминирование политических образов, брендов, языка, символов, стилей сегодня означает примерно такое же доминирование, каковое двести лет означала собственность на колониальные средства производства. Штампы «демократии», «равенства», «социальной справедливости», «парламентаризма», «гласности», «прав личности» одержали триумф, вытеснив не только национальную специфику политических процессов, национальный политический менталитет, но и сам поместный политический язык. Эта семиотическая глобализация не имеет целью выравнивания цивилизационной разницы. Нарушение национальной и цивилизационной идентичности посредством вторжения западного политического языка и символики не приведёт к озвученному Фукуямой доразвиванию периферийного сознания до либерально-западного уровня. Вместо этого периферийный потребитель политических образов оказывается в семиотическом зазоре между собствен-

Постмодернистская политика есть многофункциональная игра, предполагающая лёгкую переключаемость интерфейсов под вкусы игроков.

ными-исконными и вторгшимися политическими знаками. Эта разорванность идентичности делает обывателя податливым, внушаемым, импульсивным, склонным доверять наиболее убедительной знаковой системе [Хардт, Негри 2004: 159] и воспринимать отторжение от традиционной и цивилизационной идентичности как однозначное благо.

Сегодняшнее дезонтологизированное и предельно десакрализованное Политическое рождает новую форму налаживания социальной структуры – *постполитику*, внешне и внутренне отличающуюся как от политики Нового времени, так и от политики традиционного мира. Обслуживая социальную структуру в период её крайней нестабильности и бесформенности, постполитика является одновременно и знаком, и творцом ситуации.

Устоявшиеся принципы осмысленной и целесообразной политики уступают игровой и иррациональной постполитике, которая, несмотря на декларируемую безыдеологичность, является лишь качественно новой и, возможно, последней ступенью в осуществлении процесса глобальной десакрализации посредством тиражирования принципиальной пустоты, бесчеловечности (спарившейся с безбожием) и бесцельности, использующей функционал активности индивидов как единственное и последнее средство понижения мировой структурной энтропии.

Библиографический список

Аверьянов В. В. Метафизика Ничего (об опыте священного писания бездны Г. Джемала) // Волшебная гора. Философско-эзотерический журнал (альманах). Официальный сайт. URL: <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/aver.htm> [Дата посещения: 25.04.2014].

Андерсон П. 2011. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего. 208 с.

Анкерсмит Ф. Р. 2003. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция. 496 с.

Барт Р. 1989а. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. С. 384–391.

Барт Р. 1989b. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. С. 462–497.

Бергер П. 1996. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс. 168 с.

Бурдьё П. 2007. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 288 с.

Бурдьё П. 2010. Социальное пространство и символическая власть // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> [Дата посещения: 25.04.2014].

В своей цивилизационной миссии у постполитики видится основание, резко выделяющееся из формата игровой несерьёзности. В первую очередь уже заметна сама цивилизационная миссия. Эта миссия – неокOLONиализм, выражающийся в способах, формах и доступности информационных ресурсов.

Де Бенуа А. 2009. Против либерализма к четвёртой политической теории. СПб.: Амфора. 480 с.

Дебор Г.-Э. 2000. Общество спектакля. М.: Логос. 184 с.

Дугин А. Г. 2004. Философия политики. М.: Арктогея. 614 с.

Дугин А. Г. 2009а. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 744 с.

Дугин А. Г. 2009б. Четвёртая политическая теория. СПб.: Амфора. 352 с.

Жижек С. 2002. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Прагматика культуры. 160 с.

Иноземцев В. Л. 2004. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. № 4. С. 50–57.

Панарин А. С. 2002. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс. 416 с.

Хардт М., Негри А. 2004. Империя. М.: ЭКСМО. 437 с.

Шмитт К. 2000. Политическая теология: сборник. М.: Канон-пресс-Ц. 251 с.

Шмитт К. 2006. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль. 300 с.

Charlesworth M. J. 2002. Philosophy and Religion: From Plato to Postmodernism. Oxford: Oneworld. 218 p.

Quinn W. W., Jr. 1997. The Only Tradition. NY.: State University of New York Press. 384 p.

Reduction of Post-politics

Tovbin Kirill Mikhailovich

Candidate of Philosophical Sciences (PhD), docent of the Russian New University The town of Gagarin, Smolensk region, Russia. E-mail: kimito@yandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of post-politics and its parameters. Post-politics are characterised as a limiting level of the deontologisation of political relations. With regard to the approaches to this cultural and historical phenomenon, the article compares the political relations in three contexts: traditional society, Modernity and Postmodernity. Working hypothesis: political relations, approaching the present, are represented by the gradual release of the sacred origin and the transition to some new, ghostly, and virtual quality.

Keywords: Postmodernity, post-politics, Political, Sacred, de-sacralisation, deconstruction, virtualisation, informatisation, mimicry, game, biopolitics.

References

Aver'janov V. V. *Metafizika Nichego (ob opyte svjashhennogo pisanija bezdny G. Dzhemalja) [Metaphysics of Nothing] – Volshebnaja gora. Filosofsko-jezotericheskij zhurnal (almanakh) [The magic mountain. Philosophical, esoteric journal (almanac)].* Official website. URL: <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/aver.htm> [date of visit 25.04.2014].

Anderson P. Istoki postmoderna [The origins of postmodernity]. M., Territorija budushhego, 2011. 208 p.

Ankersmit F. R. Istorija i tropologija: vzljot i padenie metafory [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. M., Progress-Tradicija, 2003. 496 p.

Bart R.. Smert' avtora [The author's death] – Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. M., Progress, 1989. P. 384–391.

Bart R. Udovol'stvie ot teksta – Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika [The pleasure of the text]. M., Progress, 1989. P. 462–497.

Berger P. Priglasenie v sociologiju. Gumanisticheskaja perspektiva [Invitation to sociology. Humanistic perspective]. M., Aspekt-Press, 1996. 168 p.

Bourdieu P. Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space]. SPb., Aletejja, 2007. 288 p.

Bourdieu P. Social'noe prostranstvo I simvolicheskaja vlast' [Social space and symbolic power] – Sociologicheskoe prostranstvo Pierra Burdjo [Social space of Pierre Burdjo]. 2010. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> [date of visit 25.04.2014].

De Benua A. Protiv liberalizma k chetyortoj politicheskoy teorii [Against liberalism to the fourth political theory]. SPb., Amfora. 2009. 480 p.

Debor G.-Je. Obshestvo spektaklja [Society of the spectacle]. M., Logos, 2000. 184 p.

Dugin A. G. Filosofija politiki [Philosophy of politics]. M., Arktogeja, 2004. 614 p.

Dugin A. G. Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli [Postphilosophy. Three paradigms of the history of thought]. M., Evrazijskoe dvizhenie, 2009. 744 p.

Dugin A. G. Chetyortaja politicheskaja teorija [Fourth political theory]. SPb., Amfora, 2009. 352 p.

Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo [Welcome to the desert of Real]. M., Pragmatika kul'tury, 2002. 160 p.

Inozemtzev V. L. Vesternizacija kak globalizacija I globalizacija kak amerikanizacija [Westernization as globalization and globalization as Americanization] – Voprosy filosofii, 2004, no.4, pp. 50–57.

Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [Globalism temptation]. M.: EKSMO-Press, 2002. 416 p.

Hardt M., Negri A. Imperija [The empire]. M., EKSMO, 2004. 437 p.

Shmitt K. Politicheskaja teologija: sbornik [Political theology: collection]. M., Kanon-press-C, 2000. 251 p.

Shmitt K. Levifan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa [Leviathan in the doctrine of state of Thomas Gobbs]. SPb., Vladimir Dal', 2006. 300 p.

Charlesworth M. J. Philosophy and Religion: From Plato to Postmodernism. Oxford, Oneworld, 2002. 218 p.

Quinn W. W., Jr. The Only Tradition. NY., State University of New York Press, 1997. 384 p.

Политика на местном уровне

Модели взаимодействия органов власти на местном уровне: давление, манипулирование, торг?

Чирикова Алла Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва

E-mail: chirikova_a@mail.ru

Взаимодействие местных органов власти в малых российских городах: давление, манипулирование, торг?¹

Аннотация

В предлагаемой статье на основе эмпирического исследования (34 глубинных интервью с ключевыми фигурами власти, бизнеса, экспертами) рассматриваются складывающиеся модели взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в двух малых российских городах и одном районе Пермского края. В работе описываются три модели взаимодействия: «Торг или выжидание», «Скрытое манипулирование», «Свой человек на нужном месте». Проведённое исследование позволяет утверждать, что коалиции между исполнительной и законодательной властью создаются, как правило, для решения тактических задач и не обязательно приносят выгоду её членам на продолжительном отрезке времени. Отсутствие стратегических коалиций между двумя ветвями власти приводит к тому, что поле городской политики, как правило, формируется под влиянием сиюминутных интересов, и, несмотря на всю инерционность действующих политических институтов, может быть весьма турбулентным.

Ключевые слова: малый город, коалиция ключевых акторов власти, модель торга, манипулирование, скрытое влияние, турбулентность городской политики

По оценкам экспертов, в 1990-е гг. депутатский корпус представительного органа местного самоуправления в муниципальных образованиях представлял собой, как правило, самостоятельную силу [Слиска и др. 2004]. Политический процесс в малых городах в этот период во многом определялся взаимоотношениями главы местного самоуправления и депутатов: зачастую локальная легислатура выступала единственным конкурентом главы в борьбе за влияние на городскую политику [Рябова, Витковская 2011: 154].

¹ Статья написана в рамках проекта «Механизмы и акторы принятия решений: прикладное исследование (на материалах городов европейской части России)». Шифр 2010-1.1-306-127. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Руководитель проекта д.п.н. профессор Сельцер Д. Г. (Тамбовский государственный университет).

В 2000-е гг., когда исполнительная власть обрела внушительные административные ресурсы, представительная власть в городах значительно утратила свои возможности влияния. Особенно заметно это было в моногородах, когда в качестве влиятельного актора на авансцену городской политики вышли градообразующие предприятия, которые хоть и боролись за места в представительной власти, понимая её значимость, но всё же выступали самостоятельным политическим игроком. Именно поэтому в моногородах «сегодня локальная легислатура выступает не столько самостоятельным игроком на локальном политическом поле, сколько «полем битвы» для глав и руководства предприятий» [Рябова, Витковская 2011: 155].

Применительно к обычным малым городам, где нет градообразующих предприятий, легислатура в эти годы нередко становилась местом представительства бизнес-интересов депутатского корпуса, что делало её коллективным игроком, стремящимся повлиять на политическую и экономическую политику главы местного самоуправления.

Именно поэтому характер взаимодействия главы со своей легислатурой служит убедительной характеристикой существующего расклада политических сил в городе, а способность главы договариваться или, напротив, конфликтовать с представительной властью свидетельствует об уровне его политического контроля над ситуацией.

Важное место в этом процессе должно быть отведено способности главы достигать договорённость со своими депутатами ради достижения важных для муниципалитета целей. Безусловно, формально депутаты в своих решениях обязаны исходить из интересов своей территории, но на деле это может протекать иным образом. В сложившейся ситуации наиболее успешным будет тот глава, который формальным и неформальным образом способен влиять на расклад сил внутри депутатского корпуса. Это неизбежно предполагает формирование заинтересованных друг в друге коалиций двух ветвей власти, которые вряд ли строятся исключительно на формальных основаниях [Чирикова 2004, 2009, 2010].

В силу названных причин уровень подконтрольности/неподконтрольности местных легислатур главе, а также ключевые характеристики создаваемых коалиций могут многое прояснить относительно общей политической ситуации в городе.

В настоящем исследовании для нас было важно понять, складываются ли внутри отдельных ветвей власти коалиции, и если да, то каким образом. Кроме того, не менее интересной исследовательской задачей было желание проследить, какими средствами глава добивается послушания своей легислатуры? Как они сами оценивают эти методы? Способна ли легислатура в принципе влиять на решения главы?

В 2000-е гг., когда исполнительная власть обрела внушительные административные ресурсы, представительная власть в городах значительно утратила свои возможности влияния.

Исследование проводилось в двух малых городах и одном районном центре Пермского края. Для сбора информации использовался метод интервью с ключевыми фигурами власти, бизнеса и региональными экспертами. Всего было проведено 34 интервью.

Микропрактики взаимодействия двух ветвей власти в малых городах: эмпирический анализ

Данные результатов исследований позволяют однозначно говорить о том, что процесс выстраивания коалиций между главой города или района и legislатурой присутствует во всех трёх типах исследованных микропрактик и представляют для глав особую политическую ценность. Строительство коалиций может осуществляться разными способами, но в любом случае их создание является необходимым атрибутом контроля над политической ситуацией, а также средством достижения целей местной политики, идёт ли речь о городской думе или о земском собрании.

Несмотря на то, что представительная власть в малых городах и районах не отличается строптивостью и высоким уровнем профессионализма, именно депутаты выступают той группой людей, в лояльности которых наиболее заинтересованы главы городов и районов.

Так, по мнению представителей местных элит, глава города весьма дорожит мнением депутатов и никогда не принимает решений, которые по тем или иным причинам не разделяются депутатами: *«У меня с думой совершенно особые отношения. Их нельзя описать с помощью модели давления. Скорее это компромисс. Я стараюсь себя выше думы не ставить, стараюсь быть с ними наравне, полностью раскрываю им свои карты».*

Похоже, что для главы это действительно значимый политический институт со своими интересами, так как в случае несовпадения мнений глава согласен спорное решение не принимать или отложить его на время: *«Я откладываю спорный вопрос до тех пор, пока он не созреет. Консультируюсь с комиссиями и рабочими группами, иду на отдельные компромиссы, делаю всё, чтобы решение было согласовано и принято на следующем этапе. Веду индивидуальные консультации, ищу причину несогласия».*

Подтверждает тезис об определённой значимости думы и бывший глава: *«Я не считаю, что глава всегда наплевательски относится к думе. Он очень аккуратно с думой работает. Те вопросы, которые необходимо решить и они могут быть приняты, – он выносит; те, которые приняты не будут, он*

Строительство коалиций может осуществляться разными способами, но в любом случае их создание является необходимым атрибутом контроля над политической ситуацией, а также средством достижения целей местной политики.

на рассмотрение не выносит. И прячет их в разные «уголки». Я четыре года работал и прекрасно знаю, как это делается. Дума в известном смысле является неким сдерживающим фактором для главы, с которым он вынужден считаться».

С позицией главы относительно того, что он редко прибегает к открытому давлению на думу, солидарна бывший заместитель председателя городской думы: «Мне кажется, что он использует разные способы влияния на думу. Он может давить, индивидуально может договариваться, но чаще действует, используя уступки. У него нет одного чёткого метода. Он использует разные способы. В зависимости от вопроса и от человека».

Расшифровывая эти способы, она описывает давно и хорошо известные модели «торга» и «индивидуального запугивания», которые, судя по всему, помогают главе достигать поставленных целей: «Он работает достаточно грамотно. У него есть способность ждать. Как выходец из представительных органов, он хорошо понимает, что депутат не всегда может помочь, но испортить дело может всегда. Глава хорошо это знает, потому что механизмом блокировки решений не раз сам пользовался. Поэтому с думой он действует убеждениями. Это, прежде всего, готовность вести с депутатами заинтересованный разговор. Что он при этом делает? Он с ними торгуется. У него есть возможность сказать депутату, что если ты не примешь такое-то решение, то я тебе сделаю то-то и то-то... Есть структуры, которые могут заблокировать работу предпринимателя. Кроме торга иных отношений у главы с депутатами быть не может. Приглашая человека на разговор, он всегда имеет в заглазнике дубинку...и может стукнуть ею по башке в конце концов... Если у главы нет такой дубинки, то что с ним разговаривать и идти на компромиссы».

Может быть, именно поэтому городская дума, по сути, является «ручной», а в её состав входят прежде всего те, кто с главой согласен. По крайней мере, именно так рассуждает один из действующих депутатов: «У главы получилось создать свою коалицию внутри думы. У нас 21 депутат. У главы – контрольный пакет акций. По самым главным вопросам он может мобилизовать 11–12 человек, которые будут голосовать за его предложение. Это люди его «круга», а с другими надо договариваться. Мы все живём в одном городе. Рычагов у главы полно. В этой думе представителей бизнеса больше, чем всегда».

Десант «своих» людей в думу был специально организован главой, так что вряд ли этот процесс можно назвать случайным, как показал наш респондент: «Ни для кого не секрет, что будущий глава участвовал в формировании списков (кого поставить на тот или иной округ и кто с кем борется). У него была команда, которая за этим следила. Так что всё было сделано заранее».

Позиции, что глава при взаимодействии с думой умеет быть терпеливым, тем более что дума резко не противостоит главе, придерживается и главный редактор городского телевидения: *«Линия думы скорее поддерживающая, противостояние есть, но оно касается не принципиальных вопросов. Когда ставятся принципиальные вопросы, то все наоборот объединяются. Глава сам работал депутатом в прошлой думе. Он многих знает, если что-то не так, он просто отходит в сторону. Даже на комитетах он так действует. Если не согласны – можете пока разойтись».*

Однако вряд ли стоит представлять ситуацию с думой таким образом, что процесс договорённостей с депутатами имеет вполне предсказуемый результат, несмотря на «ручной» характер думы. По мнению некоторых представителей элит, предвыборная борьба между двумя претендентами расколола городские элиты, и этот невидимый разрыв между ними отразился на процессах, идущих сегодня в думе: *«Несмотря на то, что бывший глава проиграл выборы, он постоянно присутствует и определённая часть депутатов связи с ним не теряет. Когда конфликтные ситуации выплывают, для них почва есть. И кто-то эти ситуации подогревает и эту почву рыхлит. Глава постоянно с этим сталкивается. Ему кажется, что он твёрдо стоит на ногах, хотя на самом деле, по-моему, какие-то игры в думе идут даже в его отсутствие в городе», – считает одна из наших респонденток.*

Бывший глава, в свою очередь, убеждён, что в настоящее время городская дума представляет собой декоративный орган, а все разговоры действующего главы о том, что дума важна для него как орган, принимающий важные решения, не имеют под собой оснований хотя бы потому, что ресурсы думы как политического института весьма невелики: *«На мой взгляд, коллективных органов, которые могут влиять на решения главы, в городе нет. Дума на главу влияет, но далеко не по всем вопросам. Глава – не коллективная фигура. Всё, что сейчас происходит в РФ, имеет зеркальное отражение применительно и к нашему городу. Сегодня исполнительные органы руководят всеми политическими структурами. То же самое происходит и здесь. Депутаты городской думы «раскладываются» на следующие составляющие: из 21-го депутата – 3 подельника, 2 родственника... Вот сами ответьте себе на вопрос, может ли этот орган влиять на главу города так серьёзно, как это требуется, если он посадил в него своих людей?»*

Несмотря на особенности состава городской думы, большая её часть остаётся неоправданно пассивной. Тем более что нынешняя дума фактически не содержит крупных бизнес-игроков, которые в последние годы потеряли интерес к городской политике. *«В своё время все руководители крупных предприя-*

тий были представлены в гордуме. На сегодня что произошло? Весь крупный бизнес в городе теперь только базируется. Есть иностранное предприятие, руководители которого находятся у себя в стране. Мы к ним обращаемся по решению ряда социальных проектов города, они нам помогают. Налоги они платят исправно. Зачем директору предприятия заявлять о себе в городе? Они ничего здесь для себя не отобьют и не решат. То же самое газовики. У них основной офис в другом городе, а здесь филиал. Газовики решают вопросы напрямую с главой. Им не нужна дума. У нас в думе только местный бизнес, которому это интересно. Поменяли где-то земельный устав и земельный налог, они могут получить от этого выгоду или понести убытки... Или ещё что-нибудь такое... Бизнесмен своё дело развивает, ему надо, чтобы дорогу запустили... У крупного бизнеса интересы более высокого уровня, они реализуются не на уровне города... Кроме того, очень сократили налоговую базу. Раньше в город поступало около 20% налогов, и бизнесу было интересно, куда его налоги тратятся. Сейчас они отпустили рычаги, и всё поменялось», – убеждён первый заместитель главы города.

Пассивность определённой части думы, согласительная политика с главой объясняются не только личными связями, но и низкой мотивацией депутатов для осуществления своей законотворческой деятельности, когда речь идёт о вопросах, непосредственно не затрагивающих их бизнес или другие интересы: «Наши депутаты, созыв от созыва, не сильно отличаются. Но все они не горят желанием защищать город и его население, ведь они шли туда со своими интересами, которые и реализуют. Когда налог на землю обсуждают, вот тогда все депутаты мобилизованы. Это всё они три часа обсуждают, по косточкам всё разложат. А когда надо добавить денег в здравоохранение, тогда молчок. Зачем, ведь можно лечиться в краевых больницах! Это типичная эгоцентричная позиция бизнеса», – так оценивает деятельность депутатов замглавы по социальным вопросам.

Близкую характеристику городской думе даёт и глава аппарата районной администрации: «Я наблюдал наш представительный орган три созыва и принимал участие в различных заседаниях. Последняя дума – никакая: ни вреда, ни пользы. Если депутаты и ставят вопросы, то это делается либо для того, чтобы показать свою значимость, либо для того, чтобы повлиять на решение в определённых интересах бизнес-структур или каких-то отдельных граждан. Но так, чтобы представлять позиции граждан в целом, этого нет».

Звучащая критика в адрес главы со стороны депутатов, также, как правило, объясняется личными амбициями и мало продвигает ситуацию вперед: «Основное направление критики главы, что он «не то делает» в первую очередь, команда «не

Пассивность определённой части местной думы, согласительная политика с главой объясняются не только личными связями, но и низкой мотивацией депутатов для осуществления своей законотворческой деятельности, когда речь идёт о вопросах, непосредственно не затрагивающих их бизнес или другие интересы.

та»... Как обычно. Все ничего не делают, а только отчитываются. Конкретных обвинений в сторону главы нет. Но если они выступают в открытую со своей критикой, то их предложения просто нереальны для исполнения», – считает один из опрошенных экспертов.

Многие просто боятся критиковать, а некоторые не хотят связываться потому, что их интересы лежат за пределами города: «Депутатам ссориться с главой просто не выгодно. Они боятся, что их ещё более активно заставят работать на финансирование социальных проектов, а им этого не надо. Они налоги платят и считают, что этого вполне достаточно. Не следует забывать, что их экономические интересы лежат в крае, а не в городе. Зачем им здесь во всё вникать, просто сидят в думе на всякий случай», – размышляет один из действующих депутатов настоящего созыва.

Справедливости ради стоит заметить, что, по мнению части городской элиты, совершенно неоправданных начинаний у главы нет, и это снижает опасность явной подконтрольности думы городскому главе: «У главы абсолютно дурных начинаний нет. Город меняется, пройдите по центру и Вы это увидите. Мало какой из дотационных городов может себе это позволить. Наш глава умеет убеждать и у него есть определённое целеполагание. Например: «Давайте сделаем Центр города не заплатами, а целостно: асфальт, водоотводы и др. Или будем деньги гробить на заплатки, которые завтра отвалятся, или мы сделаем что-то небольшое, но на века». И с этим все согласны. Когда он начинает говорить, то может убедить в необходимости реализации своих целей», – убеждён один из депутатов.

Столь же осторожно он ведёт себя по отношению к бизнесу, что позволяет предпринимателям добиваться должного уровня понимания у своего главы: «У нас в думе долго шли переговоры. Мы были единственной территорией, где учитывали мнение предпринимателей о едином налоге. И пытались не резать курицу, несущую золотые яйца, но и сохранить эти золотые яйца. Для бюджета. Мы выстроили площадку переговоров и не пошли по принципу ободрать предпринимателей как липку, как это делали на других территориях», – замечает один из респондентов.

Рассматриваемый пример отношений главы и городской думы позволяет предположить, что механизм влияния на главу через представительную власть не стоит недооценивать. Несмотря на пассивность и низкую мотивацию депутатской деятельности необходимо помнить, что это публичный и легитимный орган, скандал внутри которого может негативным образом повлиять на имидж главы. Может быть, поэтому на достижение стабильности и предсказуемости внутри городской думы глава согласен тратить собственные силы и ресурсы.

Весьма важным является также тот факт, что, претендуя на пост главы и намереваясь это место выиграть, следует заранее подумать о составе городской думы и постараться провести туда своих сторонников, используя в том числе и собственные ресурсы. Необходимо создать себе «подушку безопасности» в случае победы на выборах на пост главы. Несмотря на видимую подконтрольность думы, компромисс депутатов с главой достигается совсем не просто и иногда лучше окружить себя лояльными людьми, нежели достигать согласия с людьми непредсказуемыми или не лояльными.

Городская администрация: модель скрытого манипулирования

Характер отношений городского главы с думой и в иных случаях строится похожим образом. В другом городе в основе отношений, помимо модели торга, явно прослеживается весьма тонкая психологическая пристройка, благодаря которой главе города удаётся повысить свой ресурс влияния. В основе такой пристройки – убеждение главы депутатов в том, что они представляют собой единое целое, образуют команду, а команда не может действовать вразнобой. В этом случае давление главы на думу не имеет явных проявлений, а носит скорее скрытый характер: *«Он использует в работе с депутатами тонкий метод. Он говорит примерно так: «Вы знаете, ребята, у вас такая команда, ни одной такой команды не было до вас». Он разговаривает с нами очень уважительно, никогда не выбрасывает негатива. Если мы с чем-то не согласились, он предлагает не принимать решения, а снова посмотреть и проверить, чтобы принять его в следующий раз. Если тема конфликтная, то он даёт возможность ей «осесть». Так что у нас всё происходит практически бесконфликтно, хотя резкие высказывания бывают»,* – замечает одна из депутатов городской думы.

Помимо этого глава города всегда даёт возможность депутатам «выпустить пар», выступить со своим видением проблемы или обсудить вопрос на согласовательных комиссиях. Это создаёт у депутатов эффект причастности и снижает уровень оппозиционности: *«Глава – тонкий политик. Он умеет направить депутатов, повести разговор в нужном направлении. Многие газеты пытаются выставить депутатов марионетками, хотя это не так. Каждый может выразить своё мнение. У нас есть разные рабочие группы, но мы собираем перед заседанием думы комиссию, чтобы подробнее разобраться в вопросе. Потом выносим общее решение. Такого нет, чтобы все огульно проголосовали»,* – убеждена депутат городской думы.

Столь же осмотрительно глава действует в случае принятия думой непопулярных у населения мер. Он позволяет себе несколько раз отложить решение такого вопроса, чтобы потом возвратиться к нему на фоне привыкания горожан к непопулярным мерам. По крайней мере, именно такую характеристику своему главе даёт известный в городе журналист: *«Глава – старый и опытный аппаратчик. Он никогда с ходу не принимает решений, которые могут вызвать протест городской думы, или тех решений, которые не согласуются с градообразующим предприятием. Это результат его учёбы в ВПШ. Особым образом он готовится к принятию непопулистских решений. Например, население заранее предупреждают, что такого-то числа будет рассматриваться неоднозначный вопрос. Решение в назначенный день не принимается. Депутатам предлагают ещё раз проработать этот вопрос. Предложение главы потом везде звучит, в том числе по телевизору... Так происходит два–три раза, население информационно подготавливается к принятию непопулярного решения. Со временем это решение всё равно будет принято, но от растягивания этого процесса оно не будет резким ударом для населения. Если глава видит, что он «закинул удочку», а реакция не та, то он снова оттягивает решение данного вопроса».*

Однако некоторые за подобными действиями склонны видеть показную лояльность главы: *«Похоже, что главе свойственна показная лояльность... Он открыто не хочет ни с кем ссориться... В думе он создаёт локальные коалиции под решение того или иного вопроса, чтобы любой ценой провести своё решение. И у него это получается»,* – считает один из депутатов.

Сам глава фактически подтверждает сделанную выше оценку целесообразности «торможения» непроходных решений, специально подчёркивая, что он никогда не спешит с принятием конфликтных мер в думе: *«Я давно в политике и знаю: надо трезво подходить ко всем вопросам. При этом я остаюсь самостоятельной фигурой в этом городе. У меня не было никогда вопроса, который бы кто-то заблокировал. На протяжении многих лет. Надо чувствовать ситуацию. Если чувствуешь, что этот вопрос не решён и не может быть решён, ведь многое делается для амбиций, не выноси его на решение. Можно «обкатать» его на комитетах, на комиссиях. Если решение всё равно не проходит, его можно отложить на какое-то время».*

Как бы ни хотел глава представить своё взаимодействие с думой как неконфликтное, некоторые депутаты оценивают его иначе. Конфликты и несоответствия бывают, именно поэтому в данном случае глава действует по известной модели торга и индивидуального давления, но не грубо, а сполна

используя свои блестящие навыки политика: *«Глава обязательно посмотрит, кто именно негативно отнёсся к данному вопросу. Пригласит его к себе и убедит в своей правоте. В случае крайней необходимости воспользуется своими ресурсами, иногда может и пригрозить. Обязательно спросит, что именно надо сделать. Его отличает умение работать, умение использовать свой собственный потенциал. В этом отношении его можно назвать толковым и грамотным управленцем, политиком местного уровня».*

Несмотря на отработанные механизмы взаимодействия с думой, как и в предыдущем примере, глава данного города как опытный политик пытается заранее влиять на формирование состава своей думы, согласовывая её фигуры с заводским начальством (руководством градообразующего предприятия). Несмотря на то, что в думе заседает заводское большинство, если учитывать также представителей аффилированных с заводом структур, всё равно дума не является реальным политическим оппонентом главы города и фактически не способна влиять на городскую власть: *«Если вообще рассуждать о том, может или не может депутатский корпус влиять на городскую власть, то это влияние исключительно виртуальное. Реально ничего депутаты не могут. Я наблюдаю за их работой три года, бываю почти на всех заседаниях. Есть депутаты городской думы, которые за это время не промолвили ни одного слова. Они зависимы от тех, кто их сделал депутатами. И поэтому ничего непредсказуемого не происходит»*, – убеждён журналист.

Директор градообразующего предприятия, который, по мнению большинства представителей городской элиты, как никто другой имеет полный контроль над ситуацией и способен изменить вектор городской политики, не рассматривает думу как важный политический институт, предпочитая все интересующие его вопросы решать напрямую с главой города. Но в случае необходимости, как считает директор, его собственный ресурс влияния на депутатов вполне может перекрыть любые решения и главы города, и главы района: *«Я на главу города влияю через своих людей, а не через думу. Я не погружаюсь глубинно в работу думы. К ней обращаюсь редко, когда это касается серьёзных вопросов. Все происходящее в думе для меня не столь принципиально. Но если мне понадобится, я смогу контролировать не только своих депутатов, но и договориться с другими депутатами. Есть одна депутатская сторона, есть другая, а есть праздно шатающиеся... Так что мой ресурс влияния на депутатов ничуть не меньше, чем у главы города или главы района. Я думаю, что смогу договориться даже со сторонниками того и другого».*

К этой точке зрения присоединяется и профсоюзный лидер, подчёркивая, что директор градообразующего предприятия не просто влияет на думу тогда, когда ему это надо,

но делает это на индивидуальном уровне, тем более что для думы такой характер работы хорошо знаком: *«Коалиционные вещи в думе всё равно присутствуют. Решения, которые принимаются в городской думе, проходят процесс предварительного согласования, так же как процесс индивидуальных договорённостей, и это есть везде. Иногда «завод» знает даже, кто именно будет против. Такая же ситуация в земском собрании».*

Правда, влиятельный предприниматель подобный контроль называет *«нестабильным и несистемным»*, но и он признаёт, что влияние директора завода на городскую политику чрезвычайно высоко.

Всегда ли дума действует в интересах населения, блокируя спорные или даже коррупционные сделки, когда в выигрыше могут оказаться городские чиновники или руководители завода? Согласно оценкам респондентов, далеко не всегда. Именно поэтому отрицать механизм существования неформальных сделок между главой, думой и заводом вряд ли возможно. Пример, подтверждающий факт существования такого механизма, приводится городским журналистом: *«Хочу рассказать историю о том, как предпринимателю продавалась столовая в одном из посёлков района за 4 млн рублей. Там творились странные вещи. Заводская часть элиты даже не задала вопрос, почему деньги за сделку надо перечислить сразу. Когда сделка была осуществлена, выяснилось, что она носила изначально мошеннический характер. Было заведено уголовное дело. Потом данное дело закрыли, возбудив другое – о растрате вверенных средств. В конечном счёте оказалось, что заинтересованные лица истратили 4 млн бюджетных средств за здание, выплатив их человеку, который не является владельцем этого здания. Причём деньги были перечислены не предоплатой, а 100%, и были потрачены, а здание в казну города не перешло. Суд над предпринимателем состоялся. Он получил три года условно. Как это объяснить? Простой коррупцией? Сторона ответчика настаивала на том, чтобы к ответственности был привлечён тогдашний глава администрации города, который платил бюджетные деньги. Но этого не произошло. Вот вам ответ на вопрос, что могут, а чего не могут депутаты, и кому они подконтрольны».*

Приведённые оценки процесса взаимодействия думы и главы города местной элитой вполне позволяют предположить, что действующая в городе модель взаимодействия может быть обозначена как модель скрытого влияния. При этом она отличается от выше рассмотренной модели только тем, что здесь давление на думу со стороны исполнительной власти носит не столь явный характер и напоминает собой завуалированное влияние, но с тем же вектором. Это наводит на размышление о том, что в обоих случаях мы имеем дело

с некоторыми системными явлениями, основу которых определяет способность главы создавать некие коалиции с депутатами, нейтрализовав при этом влияние других политических лидеров в городском пространстве.

Модель: свой человек на нужном месте

Отличительной особенностью ситуации в районном центре (от рассмотренных в двух малых городах) является то, что всеми «невидимыми» процессами в земском собрании руководит не лично глава района, а его заместитель по правовым вопросам, который делает эту работу весьма осмотрительно и продуктивно.

Земское собрание включает в себя 21-го депутата. Состав земского собрания смешанный: 10 депутатов представляют завод, остальные – не заводские. Обеспечение перевеса в один голос над заводскими депутатами явилось следствием сложной комбинации, благодаря которой заму по правовым вопросам удалось перетянуть на свою сторону заводского кандидата, назначив его на пост председателя земского собрания. Это позволило главе района иметь в собрании стойкое большинство и проводить там нужные ему решения.

Достижение подобного расклада сил в думе не было простым делом и потребовало со стороны главы и его помощников определённых усилий по перетягиванию фигур из одного клана в другой. Причём делалось это разными методами: *«Когда выбрали председателя, то один из заводчан перешёл на сторону района. Заместитель вёл переговоры, чтобы найти человека, «слабого на жилку». Этому человеку предложили место председателя, потому что он районной администрации подошёл больше всего. Он живёт за стенкой у главы района, они соседи. Он выработал свою пенсию, а ему пообещали кресло ценой в полтинник, грубо говоря, за ничегонеделанье: «Ты, парень, сиди, пенсия у тебя идёт, ты будешь здесь спокойно зарабатывать свои 50 тысяч. Доработаешь до пенсии по старости и уйдёшь с муниципальной службы с дополнительными льготами. Но за это ты должен стать иудой». То, что обещалось в кабинете директора завода в нашем присутствии, а нас было 12 человек, не состоялось. В результате процедуры голосования будущий председатель и ещё парочка переметнулись. Обработали они его хорошо. Какую-то «жилку» у него зацепили»,* – убеждена специалист территориального отдела областной администрации, бывшая заместитель районного главы по социальным вопросам.

Является ли земское собрание оппозиционным по отношению к главе? Ответ на этот вопрос даёт архитектор земского собрания, занимающий в момент исследования пост заместителя главы по правовым вопросам: *«Земское собрание,*

Обнаруживаются системные явления, основу которых определяет способность главы создавать некие коалиции с депутатами, нейтрализовав при этом влияние других политических лидеров в городском пространстве.

безусловно, обладает оппозиционным ресурсом, но не таким высоким. Сегодня ситуация такова. У нас земское собрание первого созыва обладало очень высоким оппозиционным ресурсом, как и возможностью влияния на принятие решений. Сейчас ни городская дума, ни земское собрание не обладают такими ресурсами влияния. Вообще в России представительные органы редко имеют возможности влияния на высшее должностное лицо. Я не думаю, что собрание Пермского края сегодня влияет на губернатора. А те, кто пытаются это делать, просто теряют свои позиции. Это вопрос опасный и сложный. Но при этом хотел бы сказать, что если городская дума вообще никаким деятелем не является, то земское собрание всё же претендует на эту роль».

Уровень оппозиционности земского собрания должен, по мнению заместителя главы, регулироваться ещё на стадии формирования его состава, чтобы впоследствии с ним не было проблем. Во многом такой уровень определяется тем, насколько управляемы фигуры, входящие в этот орган власти.

Уровень оппозиционности земского собрания должен, по мнению заместителя главы, регулироваться ещё на стадии формирования его состава, чтобы впоследствии с ним не было проблем. Во многом такой уровень определяется тем, насколько управляемы фигуры, входящие в этот орган власти. Поэтому именно они должны составлять костяк земского собрания: *«В составе земского собрания 10 человек, это наши люди. Мы их туда провели. Это люди главы района. Сначала у нас не было перевеса, но потом мы избрали заводского человека председателем, и он стал нашим. Мы его переманили. В состав наших людей входят частично работники социальной сферы, частично бизнесмены, из малого и среднего бизнеса. Пожалуй, всё. Как мы их отбирали? Всё было очень просто. Банально, но кандидаты нужны более или менее управляемые. Часть кандидатов мы всё равно брали из соцсферы. Ведь у нас есть возможность влияния на этих людей. Это в первую очередь бюджетники. Они зависят от нас, и я могу на них повлиять. Это, к примеру, врач или директор школы. Но часть людей из другой сферы, к ним свои требования. Их должны знать на территории. Иначе кандидата будет очень сложно ввести. Это локальный уровень политики, он имеет свою специфику».*

Более того, подконтрольность председателя земского собрания главе и его заместителю позволяет проводить решение многих вопросов в этом политическом органе нужным образом, а перевес в представительной власти своих людей, вкупе со своим председателем, делает практически невозможным блокировку решений главы района. Видимо, хорошо осознавая это, глава района разговаривает со своим земским собранием с позиции силы.

Есть и другое основание для сговорчивости депутатов. Прежде всего, это необходимость решения вопросов социального характера, противостоять принятию которых депутаты просто не имеют морального права: *«У нас функционал района направлен в основном на социальную сферу: образование, здравоохранение, молодёжь, общественная безопасность. Если*

Уровень оппозиционности земского собрания должен, по мнению респондента, регулироваться ещё на стадии формирования его состава, чтобы впоследствии с ним не было проблем. Во многом такой уровень определяется тем, насколько управляемы фигуры, входящие в этот орган власти.

какой-то вопрос не проходит, то я не хожу и не договариваюсь кулуарно, и ни с кем не шепчусь. Я просто говорю депутатам: «Когда вы руки поднимаете, не стоит забывать, кто вас избирал. Этот вопрос надо решить для тех, кто вас избирал». И это действует. Зачем мне ходить и шептаться, если мы рассматриваем вопрос социальной направленности».

Поддерживает тезис главы о высоком уровне готовности депутатов бесконфликтно решать социальные вопросы и председатель планово-бюджетной комиссии в собрании: *«Нельзя отрицать, что земское собрание у нас разделено на два лагеря, и перебежчики случаются. Однако при решении важных социальных вопросов противостояние уходит на второй план. Все депутаты хорошо понимают, что их на это место люди выбрали. Они к этой мысли обращаются всё чаще и чаще. Политика здесь второстепенна. Кто пришёл в земское собрание не случайно, хочет в будущем что-то сделать для своих людей, и он будет пытаться находить компромисс между политикой и людьми».*

Несмотря на убеждённость некоторых членов земского собрания, что депутаты сами голосуют «как надо», потому что радеют за интересы территории, отдельные представители элит с этим не согласны: *«Всю черновую работу с депутатами проводит замглавы, он договаривается, с кем надо и как надо. Не известно, знает ли об этом глава, но он ему полностью доверяет»,* – замечает в своём интервью один из депутатов земского собрания.

Важно, что функцию теневого договорённости городские элиты делегируют заместителю, в то время как главе района отводится роль «несговорчивого лидера», который вполне мог бы загасить противостояние внутри депутатского корпуса, если бы этого захотел: *«У нас нет такого, чтобы на кого-то давили. Могу это точно сказать применительно к себе. По мне такой вариант невозможен. Я компромиссная фигура. Мы с главой района знакомы давно. Я ему не раз говорил: «Хватит противостоянием заниматься. Вы же победитель. Вам надо встретиться с депутатами, сесть, поговорить и в процессе неформальной беседы найти компромиссы и точки соприкосновения»,* – считает один из известных в городе депутатов.

Видимо, глава района пока не нашёл общего языка со своими депутатами, но в будущем ему это обязательно предстоит сделать: *«Если конфликт случается, глава района встаёт и говорит речь. Имеет ли это смысл? Не знаю. Депутатам не нравится, что он выступает с менторской позиции: «Мы тут уже пять лет, а вы ещё молодые и глупые. Вы ещё должны поучиться. Сейчас то, что я прошу, просто необходимо сделать». Мне, допустим, это не надо пояснять. Но есть в собрании депутаты деревенские... Им вообще всё «фиолетово», им как сказали, они так и голосуют. А актив*

Функцию теневого договорённости городские элиты делегируют заместителю, в то время как главе района отводится роль «несговорчивого лидера», который вполне мог бы загасить противостояние внутри депутатского корпуса, если бы этого захотел.

более или менее начинает задумываться, что избиратели скажут, если проголосовать так, как просит он», – делится своими размышлениями один из депутатов.

Известный раскол внутри депутатов земского собрания создаёт определённые трудности для работы комитетов, но некоторым представителям депутатского корпуса удаётся его в какой-то мере нейтрализовать: *«Как председателю планово-бюджетной комиссии мне приходится работать со всеми депутатами. Должность, в принципе, очень ответственная. И я стараюсь существующее единоробство и противостояние между группировками сгладить, направив в нужное русло эти две силы. Чтобы они не занимались противостоянием, а работали на общую цель»*, – продолжает свои размышления депутат земского собрания.

Несмотря на все сложности, директор завода убеждён, что депутатство – хорошая школа для местных политиков и особенно для заводчан: *«В земском собрании заводские депутаты очень растут, они вникают во все вопросы Политика – это наркотик. Жизнь в городе у нас замкнутая, а там формируется более широкий взгляд на вещи. Ты на виду, работают телекамеры, тебе просто необходимо расти. И ты растёшь»*.

Описываемая модель взаимодействия тем не менее строится по принципу точечного выбора сговорчивых политиков, что позволяет описывать её как модель «Свой человек на нужном месте»

Заключение

Несмотря на видимую подконтрольность анализируемых политических институтов (думы и земского собрания), всё же можно быть уверенными, что их отношения нельзя описать только с помощью модели прямого давления. В одном случае сделать легислатуру управляемой позволяет процесс отбора кандидатов на входе, в другом – весьма действенными оказываются модель торга или скрытого манипулирования.

Одновременно можно говорить о том, что часть депутатского корпуса изначально рассматривает своё попадание в представительную власть как некое коалиционное соглашение между ним и главой (или его помощниками), которое действительно на всём протяжении депутатской деятельности. И такие депутаты по умолчанию согласны не противостоять главе исполнительной власти. В то же время не все предвыборные коалиции остаются живы в процессе всего периода законотворческой деятельности. В этом случае возможно переоформление начальных коалиций с целью достижения своих целей, но с другими, более ресурсными политическими игроками. Это позволяет говорить об известной «временности» создаваемых коалиций, период жизни которых определяется их выгодностью для обеих сторон.

Увеличивают ли создаваемые коалиции ресурсы влияния входящих в неё членов? В силу того, что они создаются, как правило, для решения тактических задач, вряд ли можно говорить о том, что «тактические коалиции» обязательно приносят выгоду её членам на продолжительном отрезке времени. В то же время отсутствие стратегических коалиций между двумя ветвями власти ещё раз доказывает, что поле городской политики нередко формируется под влиянием сиюминутных интересов, а потому, несмотря на всю инерционность, может быть ощутимо турбулентным.

Является ли эта ситуация специфической именно для малых городов или она характерна и для уровня региональной власти? Существует ли специфика земского собрания в отличие от городских советов? Наши предшествующие исследования [Чирикова 2005, 2012] и исследования, проведённые другими авторами [Дахин 2002; Панов, Подвинцев, Пунина 2002] на примере Пермского региона, позволяют говорить о том, что взаимодействие на уровне исполнительной и законодательной ветвей власти регионального уровня в какой-то мере повторяют закономерности, вскрытые на примере малых российских городов. Но они имеют также свои специфические черты, особенно, если речь идёт о модели торга.

Модель торга с отдельными депутатами работает, но не всегда даёт ожидаемые результаты для депутатов. Некоторые из опрошенных представителей депутатского корпуса в своих интервью настаивали на том, что исполнительная власть обладает «короткой памятью на свои обещания». Модель торга чаще декларируется исполнительной властью, но реализуется не всегда и не в полном объёме. Видимо, значительный ресурсный потенциал региональной исполнительной власти даёт ей возможность быть необязательной в своих договорённостях. Отложенные обещания – ещё один механизм достижения компромисса между двумя ветвями власти, который порождает у депутатов много негативных эмоций. Это подтверждает высокую вероятность реализации модели скрытого манипулирования и на этом уровне.

Модель «Свой человек на нужном месте» также работает на этом уровне хотя бы потому, что в состав регионального земского собрания на примере Пермского края, как показывают данные исследований, обязательно избираются «люди губернатора», которые проводят (иногда скрыто, иногда открыто) его политику в земском собрании. [Чирикова 2012].

Ключевой проблемой для региональной законодательной власти, как её видят сами депутаты и эксперты, является представление о том, что «исполнительная власть на законодательную смотрит как на младшего брата, а земское собрание набивается в равные партнёры, не всегда эффективно справляясь со своими задачами».

Важной характеристикой складывающихся отношений становится убеждённость депутатов в нежелании исполнительной власти понимать, что «законодательная власть –

Часть депутатского корпуса изначально рассматривает своё попадание в представительную власть как некое коалиционное соглашение между ним и главой, которое действительно на всём протяжении депутатской деятельности.

это принципиально другой институт, который не может функционировать как департамент исполнительной власти. Функция согласовательной площадки не реализуется мгновенно и неизбежно сопровождается плюрализмом мнений, которые иногда воспринимаются как избыточные».

Однако общая оценка складывающегося взаимодействия между двумя ветвями власти, что подтверждается данными исследований, всё же не является резко отрицательной. Субъекты взаимодействия не демонстрируют, с одной стороны, ни полного послушания, что нередко можно встретить в других регионах, ни полного неприятия друг друга, что тоже иногда встречается. Готовность одной и другой стороны работать над улучшением этого взаимодействия позволяет говорить о том, что **рабочий консенсус между земским собранием и исполнительной местной властью в принципе достижим.**

Такой же вывод может быть распространён и на уровень малых российских городов. Однако гораздо более важным здесь является то, что в малых городах процесс достижения компромисса чаще носит манипулятивный и давящий характер. Объясняется это просто: «подобранные» депутаты городских собраний, как правило, заинтересованы в лояльности местной власти и даже согласны ради этого пожертвовать своими политическими убеждениями. На уровне региональных земских собраний это не имеет столь выраженного и явного характера, однако это не означает, что подобные практики отсутствуют полностью. Отсюда важный вывод: чем ниже уровень власти, тем более возрастает вероятность доминирования неформальных договорённостей над формальными. Хотя не исключено, что региональная власть лучше научилась это скрывать, нежели власть городская.

Библиографический список

Витковская Т., Рябова О. 2011. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН. 284 с.

Дахин В. Н. 2002. Кризис институтов представительной власти в России // Куда идёт Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 52–56.

Панов П., Подвинцев О., Пунина К. 2002. Воздействие изменений в характере внутриэлитных отношений на функционирование региональных политических институтов Пермской области // Политический альманах Прикамья. Вып 2. Пермь: ПГУ. С. 94–113.

Представительная власть в России: история и современность // Под ред. Л. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.

Общая оценка складывающегося взаимодействия между двумя ветвями власти не является резко отрицательной. Субъекты взаимодействия не демонстрируют ни полного послушания, ни полного неприятия друг друга. Готовность одной и другой стороны работать над улучшением этого взаимодействия позволяет говорить о том, что рабочий консенсус между земским собранием и исполнительной местной властью достижим.

Чем ниже уровень власти, тем более возрастает вероятность доминирования неформальных договорённостей над формальными.

Чирикова А. Е. 2004. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 71–80.

Чирикова А. Е. 2005. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // *Власть и элиты в российской трансформации* / Под ред. А. Дуки. СПб.: Социологический институт. С. 194–222.

Чирикова А. Е. 2012. Институт представительной власти в российских регионах: неоинституциональный анализ // *Властные структуры и группы доминирования. Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»* / Под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис. С. 307–343.

Interaction of Local Authorities in Small Russian Cities: Pressure, Manipulation, Bargaining?

Chirikova Alla Evgenievna

Professor, Chief Researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia E-mail: chirikova_a@mail.ru

This work was supported by the Federal Program «Research and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia» for 2009–2013 (№ 2010-1.1-306-127). Project Manager – Professor Seltzer D. G., Tambov State University.

Abstract. The aim of the study was to analyse the accumulated models of the interactions between the executive and legislative branches of the governments of two small cities and one district in Russia. The results are based on empirical research (34 in-depth interviews with key figures, including government and business experts). Three models of interaction (“bargaining or temporising”, “hidden manipulation”, and having one’s “own man in the right place”) are described in this paper. This study suggests that coalitions between the executive and legislative branches have been created to solve tactical problems. These coalitions are not necessarily meant by their members to bring long-term benefits. Urban policy, which is usually formed under the influence of short-term interests, can be quite turbulent despite the inertia of existing political institutions. This fact is the result of the lack of strategic coalitions between two branches.

Keywords: town, coalition of key power actors, bargaining or temporising, hidden manipulation, own man in the right place, turbulence of town policy.

References

Vitkovskaya T., Ryabova O. Monogoroda Srednego Urala: lokal’nye elity I politicheskie processy [Monotowns of Middle Ural: local elites and political process]. Ekaterinburg, RIO URO RAN, 2011. 284 p.

Dahin V. N. Krizis institutov predstavitel’noj vlasti v Rossii [Crisis of the institutions of representative power in Russia] – *KudaidjotRossija? Formal’nye instituty ireal’nye praktiki* [Where is Russia going? Formal institutions and real practice]. M., MVSSJN, 2002, pp. 52–56.

Panov P., Podvintzev O., Punina K. Vozdejstvie izmenenij v haraktere vnutrijelitnyh otnoshenij na funkcionirovanie regional’nyh politicheskikh institutov Permskoj oblasti [The impact of changes of elite interrelations on the functioning of political institutions of Perm Region] – *Politicheskijal’manahPrikam’ja* [Political almanac of Prikamya]. Vyp 2. Perm’, PGU, 2002, pp. 94–113.

Predstavitel'naja vlast' v Rossii: istorija i sovremennost' [Representative power in Russia: history and modern trends]. M.: ROSSPEN. 2004. 592 p.

Chirikova A. E. Iсполнитель'naj avlast' v regionakh: pravila igry formal'nye i neformal'nye [The executive power in the regions: formal and informal rules] – *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, no.3, pp. 71–80.

Chirikova A. E. Regional'nye parlamenty: resursnyj potencial i neformal'nye pravila politicheskoj igry [Regional parliaments: resource potential and informal rules of the political game] – *Vlast' i jelity v rossijskoj transformacii*. SPb., Sociologicheskij institute [Power and elites in Russian transformations], 2005, pp. 194–222.

Chirikova A. E. Institut predstavitel'noj vlasti v rossijskih regionah: neoinstitucional'nyj analiz [Institute of representative power in Russian regions: neoinstitutional analysis] – *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija. Materialy desjatogo Vserossijskogo seminara «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [The power structures and dominant groups. Proceedings of the Tenth All-Russian workshop “Sociological problems of power institutions in the frames of Russian transformations]. SPb., Intersocis, 2012, pp. 307–343.

Социальные слои и группы: установки и поведение

«Мания»-структура и адаптивная модель созависимого поведения членов семей алкоголиков

Нагорнова Анна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Самарская область

E-mail: rq-georg@rambler.ru

Нагорнов Юрий Сергеевич – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти, Самарская область

E-mail: rq-georg@rambler.ru

«Мания»-структура и адаптивная модель созависимого поведения членов семей алкоголиков¹

Аннотация

В статье с применением концепции устойчивого развития рассматриваются две модели созависимого поведения членов семей алкоголиков. В первой модели показано возникновение «мании»-структуры созависимости, которая является патологической и характерна для большинства семей алкоголиков. Во второй модели характеризуется адаптивное кольцо созависимости, при формировании которого происходит осознание проблемы созависимости членами семьи алкоголика и разрешение данной проблемы. Подчеркивается, что рассмотрение явления созависимости с новой социально-психологической точки зрения в ракурсе устойчивого развития позволит в конечном итоге повысить качество жизни созависимых членов семей алкоголиков.

Ключевые слова: алкоголизм, члены семьи алкоголиков, созависимость, устойчивое развитие, «мания»-структура созависимости, адаптивное кольцо созависимости

Семья имеет большое значение для стабильности и развития всего общества. Как малая группа, семья выполняет функции регулятивного характера, корректируя поведение её членов как внутри этой малой группы, так и во вне. Также от неё зависят воспроизводство и поддержание нового поколения, она является первичным институтом социализации.

Алкоголизм – причина внутренних конфликтов в семьях и один из основных факторов разводов в мире (от 25 до 50%). В настоящее время в России половина разводов происходит по инициативе женщин в связи с алкоголизмом мужа [Формирование и изменение личности... 2013].

Расход значительных материальных средств на спиртное из бюджета семьи ухудшает питание членов этой семьи, что не может не сказаться на здоровье, в первую очередь

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (№ 14.В37.21.2121).

ребёнка. Около 40% детей вследствие нарушенных семейных отношений страдают неврозами, проявляющимися в виде ночных страхов, трудностей засыпания, нервных тиков. Жёны алкоголиков психически истощены, тревожны, у них часто возникает чувство озлобленности, придирчивости или глубокой депрессии и апатии, стремление к социальной изоляции и ограничению контактов [Индивидуально-психологические особенности... 2012].

Для семей алкоголиков характерно явление созависимости, т. е. такого типа межличностных отношений, когда вся жизнь окружающих алкоголика людей сконцентрирована на нём. Алкоголизм – синдром зависимости, это болезнь многопричинная. Самые разные факторы риска или разные сочетания таких факторов могут запустить алкогольную болезнь – ослабленность организма в связи с каким-либо заболеванием, последствия черепно-мозговых травм, родовые травмы; это могут быть последствия больших стрессов, потери близких и др., но один фактор, который по весу, объёму и значимости занимает среди других около 60%, – это созависимость, без чего алкоголизм и наркомания никогда не состоятся. У независимых, здоровых родителей дети значительно реже заболевают наркоманией. И, напротив, если в семье кто-то болен алкоголизмом или наркоманией, значит, у других членов семьи скорее всего есть созависимость [Копыт, Сидоров 1986].

В книге «Созависимость, неотложная проблема» Р. Сабби [Subby, Friel 1984] называет созависимостью эмоциональное, психологическое и поведенческое состояние, которое возникает в результате того, что человек длительное время подвергается воздействию угнетающих правил. Под угнетающими правилами Р. Сабби подразумевает установки, препятствующие открытому выражению чувств и открытому обсуждению личностных и межличностных проблем.

В. Менденгол определяет созависимость как вызванную стрессом концентрацию мысли на чьей-либо жизни, что приводит к нарушению социальной адаптации [Mendenhall 1989].

С. Н. Зайцев также считает, что созависимость предшествует алкоголизму и наркомании, являясь одним из самых важных пусковых механизмов болезни; её значимость среди других факторов риска составляет около 60% [Зайцев 2004].

Таким образом, созависимость является реакцией на стресс, которая с течением времени становится образом жизни. Созависимым членам семей свойственна направленность на внешнее окружение, которая означает ориентацию на внешние оценки, заботу о впечатлении, производимом на других людей; у них развиваются способности оценивать настроение и состояние окружающих по малейшим внешним признакам. Неуверенность в себе, размытость образа будущего у супругов алкоголиков ведёт к гипервовлечённости и стремлению контролировать все сферы

Алкоголизм – причина внутренних конфликтов в семьях и один из основных факторов разводов в мире (от 25 до 50%).

Для семей алкоголиков характерно явление созависимости, т. е. такого типа межличностных отношений, когда вся жизнь окружающих алкоголика людей сконцентрирована на нём.

семейной жизни. Другой реакцией на невыносимость вызванного алкоголем конфликта может быть отрицание существования самой проблемы или уход в мир фантазий. Чтобы сохранять равновесие, семья как система реагирует на алкоголизм одного из своих членов тем, что адаптируется, приспосабливается к нему. Основным методом адаптации – отрицать существование проблемы. Сохранение в тайне алкоголизма и связанных с ним негативных последствий (драк, морального разложения, плохого выполнения родительских, профессиональных обязанностей) – главный фокус, в котором сходятся интересы всех родственников семьи [Региональные особенности социальной... 2012].

Семья сокращает свои связи с другими людьми до минимума, старается отсекал от себя всякие источники влияния и помощи извне. Члены семьи как бы берут на себя ответственность за поддержание стабильности в системе. Они изо всех сил стремятся контролировать ситуацию, которая в принципе контролю не поддаётся [Профилактика алкоголизма... 2012; Нагорнова 2012а; Нагорнова 2012b]. Созависимые члены семьи не склонны говорить о своих тревогах как с окружающими людьми, так и друг с другом, что ведёт к ещё большему психическому напряжению.

Внутренним психологическим механизмом развития созависимости является развитие определённых паттернов поведения окружения человека, страдающего алкоголизмом, ориентированных, как правило, на «спасение». При формировании созависимого поведения каждый член семьи играет свои роли, член семьи, страдающий алкоголизмом – роль беспомощного человека, не могущего справиться со своей проблемой, окружающие члены семьи – роли пособников. Главным пособником обычно является супруг или супруга, но это может быть и ребёнок [Кошкина 1993]. На первоначальном этапе алкоголизации движущими мотивами главного пособника являются любовь к алкоголику и забота о нём. Часто жена, чувствуя, что муж действительно не может контролировать потребление спиртного, старается устранить само искушение. Она ищет в доме спрятанные бутылки, выливает в канализацию спиртное, разводит крепкие напитки водой и пытается обустроить социальную жизнь пьющего мужа. Она сердится на приятелей, которые пьют и «искушают» алкоголика, и перестаёт принимать приглашения на вечеринки с выпивкой. Несмотря на все эти усилия, алкоголик продолжает пить. Чтобы выжить и уменьшить нагрузки, которые, по её мнению, провоцируют пагубное пристрастие мужа, главная пособница принимает на себя одну за другой все обязанности, которые складывает с себя алкоголик. Такое поведение супруги создаёт алкоголику всё более комфортные условия для выпивки. Алкоголик начинает пренебрегать обязанностями взрослого человека, а взамен получает все жизненные удобства. В то время как алкоголик защищён

Чтобы сохранять равновесие, семья как система реагирует на алкоголизм одного из своих членов тем, что адаптируется, приспосабливается к нему. Основным методом адаптации – отрицать существование проблемы.

от последствий пагубного пристрастия, главная пособница всё сильнее и сильнее ощущает свою несостоятельность. Она не может контролировать пьянство мужа и собственные эмоции, становится подавленной, угрюмой, болезненно чувствительной и раздражительной. Она ворчит и скандалит, в то время как на самом деле хочет быть любящей и доброй. Собственное трудно переносимое поведение усиливает её чувство вины и стыда, а её самооценка падает до нуля. Рано или поздно пособник приходит к крушению своих надежд. При отсутствии помощи извне главный пособник и другие члены семьи должны теперь либо расстаться с алкоголиком, либо налаживать весьма сомнительную жизнь рядом с ним.

В семье больного алкоголизмом работают негативные обратные связи. Все стараются сохранять существующее положение, боятся любых перемен. Здоровая семья также стремится к сохранению стабильности, но в ней, благодаря позитивным обратным связям, возможны положительная динамика взаимоотношений, восприятие новых суждений, духовный рост каждого. В противоположность этому неизменность системы семьи больного алкоголизмом затормаживает всякое развитие её членов [Курбатов 2005: 66].

Таким образом возникает так называемая «мания»-структура созависимости. Понятие «мании»-структуры широко применяется в концепции устойчивого развития. Существуют различные формулировки категории «устойчивость», используемые в социологии, экономической теории, праве, психологии и т. д.; соответственно и представители различных наук – социологи, экономисты, юристы, психологи с позиций своей науки трактуют это понятие, его содержание (социологи – по отношению к обществу, экономисты – к макро- и микроэкономике, юристы и психологи – к индивиду).

Под устойчивым развитием, с социально-психологической точки зрения, мы понимаем процесс изменений, в котором развитие, ориентация, поведение личности и её психологические изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал личности для удовлетворения её потребностей и устремлений.

Социальная составляющая устойчивости развития ориентирована на человека и направлена на сохранение стабильности социальных и культурных систем, в том числе на сокращение конфликтов между людьми. Для достижения устойчивости развития современному обществу придётся создать более эффективную систему принятия решений, которая позволила бы быть в выигрыше всем сторонам. И при этом действовать справедливо [Миркин и др. 2009].

В рамках концепции устойчивого развития человек является не объектом, а субъектом развития. Опираясь на расширение вариантов выбора человека, который является главной ценностью, концепция

В семье больного алкоголизмом работают негативные обратные связи. Все стараются сохранять существующее положение, боятся любых перемен.

Под устойчивым развитием, с социально-психологической точки зрения, мы понимаем процесс изменений, в котором развитие, ориентация, поведение личности и её психологические изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал личности для удовлетворения её потребностей и устремлений.

устойчивого развития подразумевает, что он должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение [Основы устойчивого развития... 2005]. Устойчивое развитие удовлетворяет нужды настоящего поколения без ущерба для будущих поколений. Человек, развивающийся устойчиво, заботится о себе и других членах общества, стремится к осознанию своих проблем.

В частности, психосоциальная концепция развития личности, выдвинутая Э. Эриксеном, показывает тесную связь психики человека и специфики общества, в котором он живёт. Развитие Эго тесно связано с меняющимися особенностями социальных и культурных предписаний и системой ценностей. Э. Эриксон отмечает, что каждой культуре свойственен свой стиль воспитания детей: он всегда принимается матерью как единственно правильный. Этот стиль определяется тем, чего ожидает от ребёнка общество, в котором тот живёт. Каждой стадии развития человека соответствуют свои, присущие данному социуму ожидания, которые человек может оправдать или не оправдать.

Как подчёркивал Э. Эриксон, влияние родительского воспитания, культуры и истории на развитие личности очень велико, хотя для этого развития нет пределов, оно происходит на протяжении всего жизненного цикла: человек решает всё новые проблемы, приобретает новые качества Эго [Эриксон 2000]. Именно готовность к изменению служит предпосылкой устойчивости личности и сохранению ею адаптивных возможностей взаимодействия с социумом. Готовность созависимых членов семьи алкоголика меняться, жить и развиваться «устойчиво» приводит к осознанию проблемы созависимости и избавлению от нее. Характерное для семей алкоголиков явление созависимости является устойчивым феноменом современного общества, а созависимость неизбежно приводит к усилению алкогольной болезни и алкоголизации других членов семьи.

Рассмотрение явления созависимости с новой социально-психологической точки зрения в ракурсе устойчивого развития (см. рис. 1 и 2) позволит в конечном итоге повысить качество жизни созависимых членов семей алкоголиков.

На рис. 1 показано возникновение «мании»-структуры созависимости. Алкоголизм одного из членов семьи (например, мужа, отца) и его развитие оказывает отрицательное влияние на здоровье семьи, на отношения между её членами и супругами. Этот процесс обозначен как знак «минус»: увеличение алкоголизма (стрелка вверх) уменьшает здоровье семьи (стрелка вниз). Знак «минус» обозначает отрицательное влияние одного фактора на другой, т. е. увеличение одного приводит к уменьшению другого. Знак «плюс», наоборот: с уменьшением «здоровья семьи» приводит к уменьшению фактора

В рамках концепции устойчивого развития человек является не объектом, а субъектом развития. Человек, развивающийся устойчиво, заботится о себе и других членах общества, стремится к осознанию своих проблем.

«воспринимаемое здоровье семьи». Под «воспринимаемым здоровьем семьи» понимается адекватность восприятия семьи как устойчивой системы. Стрелка с двумя косыми чертами обозначает влияние с запаздыванием, т. е. влияние проявляется через некоторое время, которое требуется на осознание этого процесса. В случае, если проблема алкогольной зависимости мужа отрицается как нечто негативное для остальных членов семьи или она считается преодолимой в рамках семьи (в частности, другие члены семьи начинают брать на себя обязанности алкоголика, что приводит к ещё большему его увлечению алкоголем), возникает «мания»-структура. Формируется положительное влияние между «воспринимаемым здоровьем семьи» и «осознанием себя созависимыми». В результате созависимые члены семьи алкоголика себя таковыми не признают и не считают, что им нужна психологическая помощь.

При этом они могут направлять самого алкоголика на лечение в наркодиспансер, что ему помогает, но лишь на некоторое время. На рис. 1 эти процессы показаны элементами «обращение к специалисту» и «лечение алкоголика». Под обращением к специалисту понимается обращение к психологу, который может помочь осознать проблему. Однако ситуацию это не меняет, а подчас только усугубляет её. Действительно, алкоголик приходит в семью после лечения, что создаёт убеждение у членов семьи, будто они самостоятельно могут справиться с проблемой его алкоголизма. Этот момент отражён на схеме как стрелка вниз у «обращение к специалисту», т. е. вероятность обращения к психологу с этим вопросом уменьшается. Следовательно, для членов семьи проблемы их созависимости не существует, что приводит к ещё большему уменьшению «здоровья семьи». Так мы получаем возникновение «мании»-структуры созависимости членов семьи алкоголиков, что является центральным моментом в схеме.

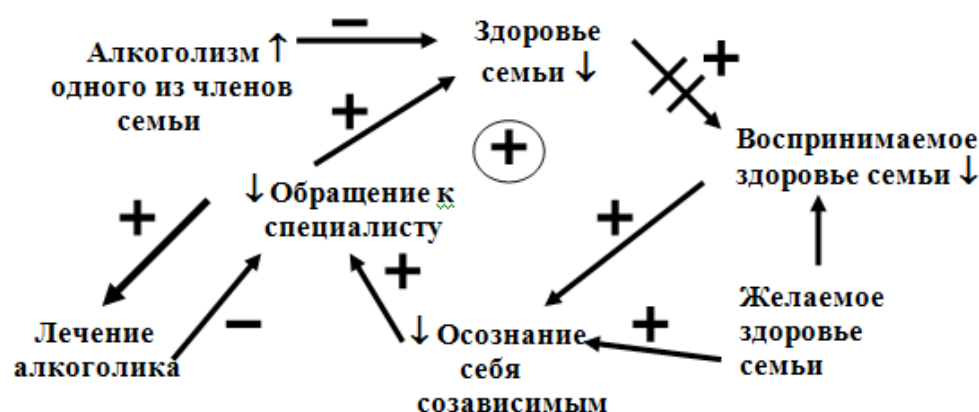

Рис. 1. Возникновение «мании»-структуры созависимости

Стрелками показано влияние одних факторов на другие. Знаками «плюс» и «минус» обозначен процесс либо положительного, либо отрицательного влияния соответственно.

Стрелка, идущая от «здоровья семьи» к «воспринимаемому здоровью семьи» с двумя косыми чертами обозначает влияние с запаздыванием, т. е. влияние проявляется через некоторое время. Знак «плюс в круге», находящийся в центре кольца, обозначает «манию»-структуру, т. е. совокупное влияние факторов друг на друга является положительным и вместо того, чтобы уменьшать отрицательное влияние фактора алкоголизма, наоборот только его увеличивает с каждым витком.

Осознание «мании»-структуры своего поведения членом семьи алкоголика при помощи практикующего психолога, социального или медицинского работника будет являться шагом к выходу из «порочного круга» созависимости.

Осознание проблемы созависимости членами семьи алкоголика отражено на рис. 2, где представлено адаптивное кольцо созависимости. Алкоголизм одного из членов семьи и его развитие оказывает отрицательное влияние на здоровье семьи, на отношения между её членами и супругами. Как и в первом случае, этот процесс обозначен стрелкой вниз у «здоровье семьи». Если проблема созависимости признаётся членами семьи алкоголика и они понимают, что самостоятельно справиться с алкоголизмом мужа не в состоянии, возникает стремление преодолеть состояние созависимости в себе. Здесь, в отличие от первого случая, возникает отрицательная связь с «воспринимаемым здоровьем семьи», т. е. понимание его ухудшения и осознание себя созависимыми, что отражено в адаптивном кольце. В итоге члены семьи алкоголика настроены на обращение к специалисту-психологу и коррекцию своей проблемы. Наряду с лечением, происходит восприятие алкоголика как человека больного, что никак не связано с психологическим благополучием других членов семьи. Возникает адаптивный путь решения проблемы, который показан на рис. 2 как знак «минус» в кольце (в центре рисунка).

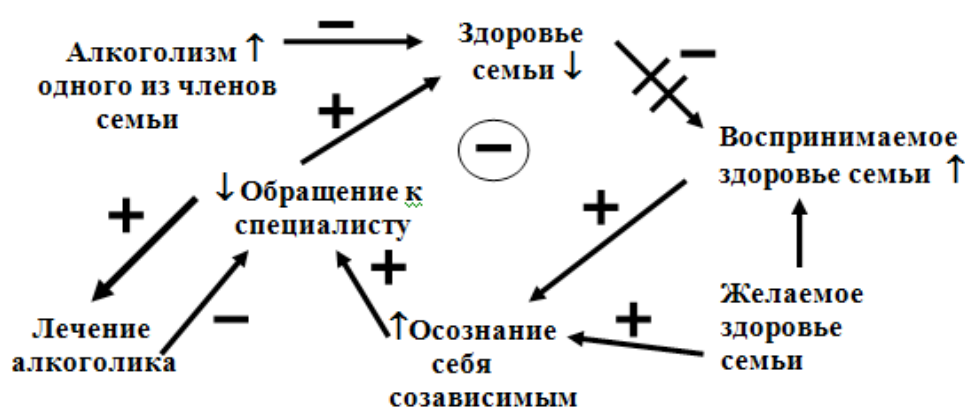

Рис. 2. Адаптивное кольцо созависимости

Таким образом, рассмотрение моделей созависимого поведения членов семей алкоголиков при применении концепции устойчивого развития позволяет на новом (качественном) уровне подойти к решению данной проблемы. Осознание «мании»-структуры своего поведения членом семьи алкоголика при помощи практикующего психолога, социального или медицинского работника будет являться шагом к выходу

из «порочного круга» созависимости. Это позволит прийти к адаптивному кольцу и избавиться от психологической проблемы созависимости.

Библиографический список

Гурылёва Л. В. и др. 2012. Индивидуально-психологические особенности личности как фактор возникновения алкогольной зависимости / Гурылёва Л. В., Нагорнова А. Ю., Переведенцева Л. А., Резниченко О. С., Шилова И. С. // Современные проблемы науки и образования. № 6. С. 706–710.

Гнедова С. Б. и др. 2013. Формирование и изменение личности больных алкоголизмом / Гнедова С. Б., Нагорнова А. Ю., Вострокнутов Е. В., Гулей И. А., Забелина Е. В., Тараненко Л. Г. // Фундаментальные исследования. № 1–3. С. 642–646.

Ерёмина Л. И. и др. 2012. Профилактика алкоголизма на уровне семьи: техники организации совместной творческой деятельности и социального взаимодействия / Ерёмина Л. И., Нагорнова А. Ю., Кайзер Н. Ю., Куликова О. В., Плахина Л. Н. // Современные проблемы науки и образования. № 6. С. 709–714.

Зайцев С. Н. 2004. Созависимость – умение любить: Пособие для родных и близких наркомана, алкоголика. Н. Новгород. 90 с. // LOG-IN.RU. URL: <http://log-in.ru/books/sozavisimost-umenie-lyubit-zaiyev-s-n-zdorove/> [Дата посещения: 27.04.2014].

Копыт Н. Я., Сидоров П. И. 1986. Профилактика алкоголизма. М.: Медицина. 240 с.

Кошкина Е. А. 1993. Проблема алкоголизма и наркомании в России на современном этапе // Вопросы наркологии. № 4. С. 66–70.

Курбатов В. И. 2005. Социальная работа: для студентов вузов. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс. 576 с.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. 2009. Устойчивое развитие. Уфа: РИЦ БашГУ. 148 с.

Нагорнова А. Ю. 2012а. Исследование эффективности технологии социального консультирования в работе с созависимыми членами семей алкоголиков // Современные исследования социальных проблем (сетевой научный журнал). 2012. № 12. С. 38–41. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/nagornova.pdf> [Дата посещения: 27.04.2014].

Нагорнова А. Ю. 2012б. Применение технологий социальной коррекции и социальной адаптации с созависимыми членами семей алкоголиков (из опыта работы ульяновской областной клинической наркологической больницы) // Фундаментальные исследования. № 11. Часть 6. С. 1437–1440.

Нагорнова А. Ю. и др. 2012. Региональные особенности социальной работы с семьями алкоголиков: монография / Нагорнова А. Ю., Ерёмкина Л. И., Гурьлёва Л. В., Куликова О. В., Гулей И. А., Плахина Л. Н., Вострокнутов Е. В., Гнедова С. Б. Тольятти: ТГУ. 188 с.

Основы устойчивого развития / Под общ. ред. д.э.н., проф. Л. Г. Мельника. Сумы: Университетская книга, 2005. 654 с.

Эриксон Э. Г. 2000. Детство и общество / Пер. и науч. ред. А. А. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Летний сад. 415 с.

Mendenhall W. 1989. Co-dependency definitions and dynamics // Alcohol. Treat. Quart. Vol. 6. № 1. P. 3–17.

Subby R., Friel J. 1984. Co-dependency: A Paradoxical Dependency in Co-Dependency: An Emerging Issue. Pompano Beach, FL: Health Communications.

Models of the co-Dependent Behaviour of Family Members of Alcoholics in the Application of the Concept of Sustainable Development

Nagornova Anna Yurievna

Candidate of Pedagogic Sciences, associate professor, senior researcher of Education Center of Scientific Research, Togliatti State University, the city of Togliatti, Samara region. E-mail: rq-georg@rambler.ru

Nagornov Yuriy Sergeevitch

Candidate of Physico-mathematical Sciences, associate professor, senior researcher of the Education Center of Scientific Research, Togliatti State University, the city of Togliatti, Samara region. E-mail: rq-georg@rambler.ru

This work was supported by the Federal Program «Research and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia» for 2009–2013 (№ 14.B37.21.2121).

Abstract. In the paper, two models of the co-dependent behaviour of family members of alcoholics incorporating the concept of sustainable development are considered. In the first model, we show the emergence of a “mania” co-dependency structure, which is characterised as pathological for most families of alcoholics. The second model is characterised by an adaptive ring of co-dependency, the formation of which results in the awareness of the issue of the co-dependency of alcoholic family members and the resolution of the problem. It is emphasised that the consideration of a phenomenon of co-dependency with the new social and psychological points of view and the theory of sustainable development would ultimately improve the quality of life of the co-dependent family members of alcoholics.

Keywords: alcoholism, family members of alcoholics, co-dependency, sustainable development, mania structure of co-dependency, adaptive ring of co-dependency.

References

Guryljova L. V. & oth. Individual‘no-psihologicheskie osobennosti lichnosti kak faktor vznikovenija alkogol‘noj zavisimosti [Individual and psychological characteristics of personality as a factor of alcohol dependence] – *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2012, no.6, pp. 706–710.

Gnedova S. B. & oth. Formirovanie i izmenenie lichnosti bol'nyh alkogolizmom [Shaping and changing of individuality of alcohol dependent persons] – Fundamental'nye issledovaniya, 2013, no.1–3, pp. 642–646.

Eriomina L. I. & oth. Profilaktika alkogolizma na urovne sem'i: tehniki organizacii sovmestnoj tvorcheskoj dejatel'nosti i social'nogo vzaimodejstvija [Prevention of alcoholism in the family: technologies of organizing joint creative activities and social interaction] – Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2012, no.6, pp. 709–714.

Zaytzev S. N. Sozavisimost' – umenie lyubit': Posobie dlja rodney i blizkikh narkomana, alkogolika [Codependency – the ability to love: a handbook for relatives of drug addict and alcoholic]. N. Novgorod, 2004. 90 p. Website LOG-IN.RU. URL: <http://log-in.ru/books/sozavisimost-umenie-lyubit-zaiycev-s-n-zdorove/> [date of visit 27.04.2014].

Kopyt N. Y., Sidorov P. I. Profilaktika alkogolizma [Prevention of alcoholism]. M., Medicina, 1986. 240 p.

Koshkina E. A. Problema alkogolizma i narkomanii v Rossii na sovremennom etape [The problem of alcoholism and drug addiction in modern Russia] – Voprosy narkologii, 1993, no.4, pp. 66–70.

Kurbatov V. I. Social'naja rabota: dlja studentov vuzov [The job in social sphere: for high school students]. Rostov-On-Don, 2005, Phoenix. 576 p.

Mirkin B. M., Naumova L. G. Ustojchivoe razvitie. [Sustainable development]. Ufa: RIC BashGU, 2009. 148 p.

Nagornova A. Y. Issledovanie effektivnosti tehnologii social'nogo konsul'tirovaniya v rabote s sozavisimymi chlenami semej alkogolikov [Research of the effectiveness of technology of social consulting of co-dependent family members of alcoholics] – Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (scientific web magazine), 2012, no.12, pp. 38–41. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/12/nagornova.pdf> [date of visit 27.04.2014].

Nagornova A. Y. Primenenie tehnologij social'noj korrekcii i social'noj adaptacii s sozavisimymi chlenami semej alkogolikov (iz opyta raboty ul'janovskoj oblastnoj klinicheskoy narkologicheskoy bol'nicy) [Application of technologies of social adaptation and correction for co-dependent family members of alcoholics (from the experience of the Ulyanovsk region clinical drug hospital] – Fundamental'nye issledovaniya, 2012, № 11, Part 6, pp. 1437–1440.

Nagornova A. Y. & oth. Regional'nye osobennosti social'noj raboty s sem'jami alkogolikov [Regional features of social work with alcoholics]. Togliatti, TGU, 2012. 188 p.

Osnovy ustoychivogo razvitija [Basics of sustainable development]. Sumy (Ukraine), Universitetskaja kniga, 2005. 654 p.

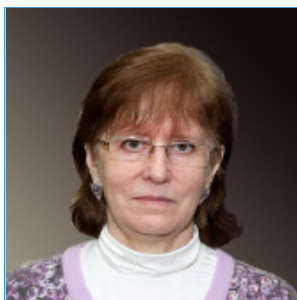
Eriksson E. G. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. SPb., Letnij sad, 2000. 415 p.

Mendenhall W. Co-dependency definitions and dynamics – Alcohol. Treat. Quart., 1989, Vol. 6, no. 1, pp. 3–17.

Subby R., Friel J. Co-dependency: A Paradoxical Dependency in Co-Dependency: An Emerging Issue. Pompano Beach, FL: Health Communications, 1984. 218 p.

Социальные слои и группы: установки и поведение

Социальные установки студентов в отношении окружающей среды

Иванова Лариса Юрьевна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва

E-mail: Lariv2005@yandex.ru

Социальные установки студентов в отношении окружающей среды

Аннотация

В статье анализируются данные социологического исследования «Экология и здоровье», проведённого среди студентов двух московских вузов в 2011–12 гг. Изучался интерес учащихся высшей школы к экологической проблематике, их представления об изменении окружающей среды в прошлом и в будущем; мнения о перспективах существования человечества в условиях ограниченности природных богатств, о предпочтительной стратегии использования природных ресурсов в нашей стране; обеспокоенность последствиями ухудшения окружающей среды, отношение к различным мерам по её сохранению, а также установки на личное участие в улучшении экологической ситуации.

Ключевые слова: экологическая культура, интерес к информации о состоянии окружающей среды, активность и установки на её улучшение

Состояние окружающей среды во многом будет зависеть от экологической культуры человека, от активности элит и населения, направленной на оптимизацию стратегии экономического развития с учётом последствий для природы, на сохранение биосферы и улучшение экологической ситуации. Исследователи, изучавшие экологическую культуру россиян (понимаемую как совокупность норм, взглядов и установок, выражающих отношение субъекта к природе), пришли к выводу о преобладании воспроизводящего типа экокультуры, характеризующегося приспособлением «экологического поведения к современным условиям жизни, без их значимой коррекции» [Пресс-выпуск № 1670. 2011]. По их мнению, «основными характеристиками сегодняшнего состояния экологического сознания является экологическое изживенчество и личное дистанцирование большей части населения от участия в решении проблем» [Пресс-выпуск № 1670. 2011]. Носителями и трансляторами экологических ценностей являются организации экологического движения и их сети [Яницкий 2012; Халий 2007]. Однако пока радикального влияния на формирование экологической культуры российского общества они не оказывают.

Вузовской молодёжи в недалёком будущем предстоит трудиться в различных областях хозяйственной жизни страны и формировать общественное мнение. Это и определило инте-

рес к тематике социальных установок студентов в области улучшения состояния окружающей среды. Социальные установки, как и другие диспозиционные образования, включают когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. В исследовании «Экология и здоровье» изучался интерес студентов к экологической проблематике; их представления об изменении окружающей среды в прошлом и будущем; обеспокоенность негативными последствиями её деградации, включая влияние на здоровье человека; мнение о предпочтительной стратегии использования природных ресурсов, о будущем человечества в условиях ограниченности природных богатств; отношение к различным мерам, направленным на улучшение экологической ситуации; готовность предпринять конкретные действия в целях оздоровления окружающей среды и активность на этом поприще. Исследование проведено в 2011–12 гг., опрошено 486 студентов двух московских вузов (Московский государственный текстильный университет им. А. Н. Косыгина (46,9%) и Московский государственный университет дизайна и технологии, включая такое его подразделение, как Государственный университет социальной инженерии (53,1%)). Доля девушек (76,4%) в три раза больше, чем юношей (23,6%), поэтому распределение их ответов, как правило, приводится отдельно.

Примерно по трети, как юношей, так и девушек указали, что искали информацию о научных прогнозах изменения окружающей среды на планете при действующих тенденциях хозяйствования человека, по четверти – о состоянии окружающей среды в Москве. Таким образом, интерес к глобальным проблемам в связи с антропогенным влиянием невысок. Ещё ниже он к экологической ситуации в столице, являющейся местом постоянного проживания студентов-москвичей, временного – для иногородних, местом обучения приезжающих на занятия из Подмосковья. Особенно низким оказался интерес учащихся высшей школы к динамике состояния окружающей среды в нашей стране. Указали, что пытались найти информацию по данному вопросу около 20% и юношей, и девушек.

Несмотря на то, что большинство студентов не старались расширить свои знания по перечисленным проблемам, вопросы о характере изменения экологической ситуации на планете, в нашей стране и в её столице за два последних десятилетия вызвали затруднения лишь у небольшой части опрошенных (от 6 до 14%). Подавляющее большинство респондентов отметили ухудшение состояния окружающей среды в глобальном масштабе, в РФ и в Москве. Реже это мнение высказывали, во-первых, студенты с худшими показателями успеваемости по итогам последней сессии; во-вторых – юноши по сравнению с девушками (71,9 против 84,2% в вопросе о динамике экологической ситуации на планете; 74,6 против 84,0% – в России;

Интерес молодёжи к глобальным проблемам в связи с антропогенным влиянием невысок.

82,5 против 85,9% – в Москве). Улучшение состояния окружающей среды отметили немногие (в глобальном масштабе 8,8% юношей и 3,3% девушек, в нашей стране соответственно 4,4 и 0,8%, в столице РФ 5,3 и 1,9%). Юноши реже указывали на ухудшение экологической обстановки на планете и в России, чем в столице. Москвички чаще отмечали ухудшение экологической ситуации в мегаполисе, чем девушки, приехавшие на учёбу из других городов (91,4% против 82,5). Скорее всего, здесь роль играют личные наблюдения. Известный эколог и общественный деятель А. В. Яблоков, ссылаясь на данные Москомстата, указал на сокращение с 2000 по 2008 гг. общей площади зелёных насаждений в городской черте на 10,2% [Яблоков 2009: 27]. Специалисты пришли к выводу о заметном ухудшении качества городской среды за последние десятилетия в Москве и Подмосковье «на фоне увеличения площади и уплотнения застройки и существенного сокращения площади защитных лесов и городских зелёных насаждений» [Материалы... 2012: 9].

Респондентов просили высказать своё мнение об изменении экономики, политического климата, социальной сферы, состояния окружающей среды и здоровья населения в нашей стране в ближайшее десятилетие (см. таблицу 1). «Окружающая среда» оказалась на первом месте по показателю «ухудшится» (отметили более 70% респондентов), на втором – «здоровье населения». Мнения студентов об изменениях экономической, политической и социальной сфер более оптимистичны.

Таблица 1

Прогнозируемые изменения в последующее 10-летие в России,
в % к числу ответивших

Сферы жизни Прогноз	Экономика	Политический климат	Социальная сфера	Здоровье населения	Состояние окружающей среды
Юноши					
Улучшится	28,1	7	15,9	8,8	7
Не изменится	33,3	45,6	35,4	21,9	14,9
Ухудшится	25,4	34,2	35,4	59,7	70,2
Трудно сказать	13,2	13,2	13,3	9,6	7,9
Девушки					
Улучшится	22,7	7,9	16,9	5,2	3,8
Не изменится	32,5	40	40,5	20,2	10,9
Ухудшится	20,2	28,8	24,9	60,2	76,9
Трудно сказать	24,6	23,3	17,7	14,4	8,4

«Окружающая среда» оказалась на первом месте по показателю «ухудшится» (отметили более 70% респондентов), на втором – «здоровье населения». Мнения студентов об изменениях экономической, политической и социальной сфер более оптимистичны.

Наименьшая доля ответов об ухудшении приходится на экономику. Экономический спад ожидают четверть юношей и каждая пятая девушка, ухудшения политического климата и социальной сферы – примерно треть юношей и четверть девушек. Экономика лидирует по показателю «улучшится» (28,1 и 22,7%), на втором месте – социальная сфера (15,9 и 16,9%). Скорее всего, надежды на успехи в этих областях обусловлены обещаниями в преддверие президентских выборов 2012 г. Из [таблицы 1](#) следует, что среди юношей больше доля настроенных на негативное развитие событий в указанных сферах жизни общества. Доля отметивших ухудшение экологической обстановки в стране за истекшие 20 лет немного превышает долю прогнозирующих эту тенденцию в обозримом будущем.

Ухудшение экологической обстановки в стране в последние годы отмечают большинство россиян (60%). У 72% респондентов экологическая ситуация в стране вызывает беспокойство, доля испытывающих это чувство выше среди лиц с более высоким уровнем дохода и жителей Москвы [Экология в России... 2007]. В 2008 г. 78% наших сограждан выразили обеспокоенность экологической обстановкой [Экологическая ситуация... 2008].

В исследовании «Экология и здоровье» студентов просили оценить свою обеспокоенность пятью последствиями ухудшения состояния окружающей среды по 7-балльной шкале. Рейтинги средних оценок у юношей и девушек совпали. На первом месте и у тех, и у других – «ухудшение условий жизни будущих поколений». Высшую оценку (7 баллов) своим переживаниям по этому поводу поставили 55,4% юношей и 62,5% девушек. На втором месте, по средним оценкам, – «ухудшение условий жизни всех живых существ», на третьем – «негативное влияние на здоровье людей», на четвертом – «исчезновение красивых уголков природы», на пятом – «гибель биологических видов». Максимально (в 7 баллов) оценили свои чувства в отношении последнего 40,2% юношей и 46,8% девушек. Оценки остальных участников опроса ниже – это более половины опрошенных.

Студенты в среднем выше оценили свою обеспокоенность ухудшением условий для всех проявлений жизни на нашей планете, чем гибелью биологических видов. Однако именно исчезновение последних означает деградацию отдельных экосистем и биосферы в целом, что, в конечном счёте, влечёт за собой ухудшение условий жизни обитателей Земли и человека как биосоциального существа.

Девушки выше оценили свою обеспокоенность различными последствиями ухудшения состояния окружающей среды, чем юноши. Наибольшие различия наблюдаются в оценках таких последствий, как «негативное влияние на здоровье людей» и «исчезновение красивых уголков природы».

Распределение ответов свидетельствует о недостаточной развитости у большинства опрошенных, особенно у юношей, эстетической потребности в общении с природным окружением.

Активность по защите природы и улучшению окружающей среды может быть продиктована отношением к природе не только как к терминальной ценности. Более половины студентов максимально оценили свою обеспокоенность ухудшением условий жизни будущих поколений. Учёт их потребностей предполагает хозяйствование в соответствии с возможностями природы к восстановлению возобновляемых ресурсов и ассимиляции продуктов деятельности людей. Пока эти возможности учитываются слабо.

Под влиянием антропогенного фактора изменяется климат, разрушаются экосистемы, растёт загрязнение атмосферного воздуха, гидро- и литосферы. Уровень загрязнения атмосферы в городах России остаётся высоким [Государственный... 2013: 5]. Москва входит в число городов РФ с наибольшим уровнем загрязнения атмосферы [Государственный... 2013: 6]. В 2012 г. по индексу загрязнения этот уровень оценивался как повышенный и превосходил соответствующий показатель 2011 г. [Доклад... 2013: 158]. Основным источником загрязнения атмосферного воздуха в столице стал постоянно растущий объём автопарка и транспортных потоков в городе за последние два десятилетия. Концентрации загрязняющих веществ вблизи автотрасс столицы превышает аналогичные показатели по сравнению с жилыми территориями до трёх раз [Доклад... 2013: 159]. Снижению вредной нагрузки автотранспорта помогает изменение требований к используемым маркам бензина. Менее экологически вредные марки обходятся водителям дорожке. Опрос автолюбителей 2010 г. относительно снятия с производства и продажи бензина дешёвой и популярной марки показал, что большинство респондентов относятся к этому отрицательно, особенно потребители данного топлива [Пресс-выпуск № 1641. 2010]. Идея запрета его выпуска и сбыта была связана с задачей улучшения экологической обстановки. В этой связи следует отметить, что СМИ не уделяют серьёзного внимания проблемам экологии, в частности в них почти не обсуждаются возможности снижения загрязнения воздушной среды столицы выхлопными газами.

Отвечая на вопрос об основном загрязнителе воздуха в столице, правильный вариант «автотранспорт» выбрали примерно по две трети как юношей, так и девушек, по четверти назвали промышленность, остальные затруднились с ответом. Предположение, что чаще правильно отвечали студенты, интересовавшиеся состоянием окружающей среды в Москве, не подтвердилось. Студенты, которые водят автомашину, особенно юноши, реже выбирали ответ «автотранспорт» по сравнению с не владеющими автомобилем (59,2 против 74,5% у юношей; 60,3 против 66,8% у девушек).

Под воздействием антропогенного фактора деградируют природные экосистемы. Их возможности к самоочищению и самовоспроизводству ограничены. Есть критический рубеж, за которым наступают необратимые изменения. Среди отметивших ухудшение окружающей среды в России за 20 лет, необратимой ситуацию назвали 19,0% юношей и 16,9% девушек, соответственно 56,0 и 46,4% придерживаются противоположного мнения. Остальные затруднились с ответом. Как видим, преобладает точка зрения, что всё можно исправить и восстановить. Безвозвратность утерянного чаще отмечали студенты, которые ожидают ухудшения ситуации и в других областях. Высокая доля тех, кто пока не определился с ответом (четверть девушек и свыше трети юношей), – следствие отсутствия информации по данному вопросу и недостаточного внимания к нему в СМИ [Подлесная 2006а, 2006b]. Среди девушек больше настроенных скептически. Беседы показали, что, говоря о восполнении утраченного, студенты, как правило, имеют в виду уменьшение загрязнения воздуха, работы по озеленению, а не поддержание биологических видов, находящихся на грани исчезновения, не работу по восстановлению деградировавших и погибших экосистем, не снижение антропогенного влияния на климат. Сложность этих задач студенты просто не представляют. Говоря об обратимости изменений, они имеют в виду создание более здоровых и комфортных для человека экологических условий.

Респонденты (и юноши, и девушки), считающие, что ухудшение окружающей среды обратимо, в среднем существенно выше оценили свою тревогу относительно ранее перечисленных последствий её деградации, по сравнению с теми, кто думают, что точка возврата уже пройдена. Вероятно, среди первых больше доля тех, кто утешают себя возможностью компенсации потерь.

Студентов просили оценить по 7-балльной шкале значимость для нашей страны следующих вопросов: «рост экономики», «повышение качества жизни населения», «улучшение состояния окружающей среды», «сохранение культурного наследия», «создание условий для здорового образа жизни», «сохранение природы». В соответствии с рейтингом средних значений на первом месте и у юношей, и у девушек оказалось «повышение качества жизни населения»; «сохранение природы» у девушек на втором месте, у юношей – на третьем (после «создания условий для здорового образа жизни»), на последних местах «рост экономики» (6-е место у юношей и 5-е – у девушек) и «сохранение культурного наследия» (5-е место у девушек и 6-е – у юношей).

Для современной цивилизации характерен рост потребления. Утопичным остаётся вариант неистощимого для природы устойчивого экономического развития, отвечающего её возможностям к самовосстановлению. Мощными загрязнителями

и разрушителями экосистем на прилегающих территориях, как правило, являются предприятия энергетики, добычи минерального сырья и металлургии. В России за последнее двадцатилетие увеличивалась добыча природных богатств. Наполнение бюджета страны зависит от мировых цен на нефть. Ресурсная ограниченность планеты актуализирует проблему взаимодействия человека с окружающей средой. В анкету был включён вопрос, конструирующий гипотетическую ситуацию и выявляющий установку вузовской молодёжи на быстрый рост жизненного уровня россиян за счёт интенсивного развития добывающего комплекса или на отсрочку повышения уровня благосостояния и создание менее разрушительного для окружающей среды производства. Отвечая на вопрос, какую политику в России они выбрали бы, если бы это от них зависело, большинство респондентов (63,7% юношей и 59,8% девушек) предпочли «постепенное сокращение добычи природных ресурсов, развитие эффективного менее экологически вредного производства и подъём жизненного уровня населения через 20 лет». Более четверти (28,3% юноши и 28,4% девушки) выбрали «наращивание добычи природных ресурсов, производства энергии и значительный рост уровня жизни населения в ближайшие 5–10 лет». Остальные не определились с ответом. Активный труд сегодняшних студентов в ближайшие два десятилетия во многом определит уровень их благосостояния в этот и в последующие периоды. Распределение ответов показывает понимание большинством опрошенных важности сохранения окружающей среды и готовность отказаться ради этого даже от быстрого подъёма жизненного уровня. В то же время немногим более четверти респондентов ориентированы на скорейший подъём благосостояния населения, невзирая на то, чем он обернётся для нашей природы.

В связи с ограниченностью ресурсов Земли в опросе изучалось мнение студентов относительно будущего мирового развития в условиях наращивания добычи возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. Мнения студентов относительно сценариев будущего человечества в этих условиях разделились. Более половины (65,8% юношей и 52,6% девушек) считают, что «сокращение ресурсов планеты приведёт к серьёзным конфликтам и даже войнам», четверть (22,8 и 25,6%) – что «конфликтов и войн не будет, технический прогресс обеспечит доступность новых ресурсов Земли и космоса». В меньшинстве (11,4 и 21,8%) оказались те, кто полагают, что «до конфликтов и войн не дойдёт, люди станут соизмерять свои потребности с ограниченными возможностями планеты». Из этого следует, что большинство студентов не верят в торжество здравого смысла мирового сообщества. Среди девушек больше доля надеющихся на самоограничение человечества, сбалансированное с возможностями природы, среди юношей – прогнозирующих военные действия и полагающихся на технологический прорыв.

На первом месте и у юношей, и у девушек оказалось «повышение качества жизни населения». «Сохранение природы» у девушек на втором месте, у юношей – на третьем (после «создания условий для здорового образа жизни»). На последних местах «рост экономики» (6-е место у юношей и 5-е – у девушек) и «сохранение культурного наследия» (5-е место у девушек и 6-е – у юношей).

По мнению 46,5% юношей и 27,8% девушек, выбранный ими сценарий реализуется на их глазах. Соответственно 42,1 и 46,3% считают, что его свидетелями будут не они, а их дети; 11,4 и 25,9% – что всё произойдёт в очень отдалённом будущем. Доля тех, кто полагает, что наиболее вероятный вариант развития событий реализуется на их веку, больше среди опрошенных (и юношей, и девушек), ожидающих возникновения конфликтов на почве столкновения интересов в сфере природопользования, меньше – среди тех, кто верит в решение проблемы средствами науки и техники.

Студенты, по мнению которых научный прогресс позволит преодолеть ограниченность природных богатств, значительно чаще предпочитают скорейшее повышение жизненного уровня населения РФ ценой интенсивной эксплуатации имеющихся природных ресурсов. Среди тех, кто полагают, что «сокращение ресурсов планеты приведёт к серьёзным конфликтам и даже войнам», 21,6% юношей и 25,1% девушек выбрали значительный рост уровня жизни за счёт увеличения добычи природных ресурсов; среди тех, кто надеются на баланс потребностей человечества с возможностями природы, соответственно 30,8 и 29,1%; среди тех, кто рассчитывают на научный прогресс, – 46,2 и 34,0%. Видимо, у некоторых студентов не только меркантильные интересы, но и вера в науку и технологии становятся причиной ориентации на безоглядное потребление природных богатств. Вместе с тем, на сегодня человечество не может создать для себя полностью искусственную среду, изолированную от биосферы, а наращивание использования возобновляемых и невозобновляемых ресурсов ведёт к её разбалансированию. Темпы этого процесса значительно опережают возможности науки реагировать на такое разрушительное воздействие.

Экономия ресурсов в повседневной жизни – это также вклад в сохранение окружающей среды. 62,3% юношей и 71,7% девушек указали, что экономят в быту воду, электроэнергию и др. Преобладает экономическая мотивация («чтобы меньше платить» – 40,3% юношей и 46,2% девушек), на втором месте – личная экологическая культура («понимаю, что ресурсы нужно беречь» – 35,8 и 31,9%), на последнем – семейные традиции («так принято в моей семье» – 23,9 и 21,9%).

Студентов просили оценить по 7-балльной шкале шесть причин ухудшения экологической обстановки в РФ: «низкая экологическая культура населения», «плохая экологическая политика», «коммерциализация природопользования и безответственность бизнеса», «некомпетентное управление», «приоритет развития сырьевого комплекса» и «идеология общества потребления». В соответствии со средними значениями оценок, студенты прежде всего возлагают ответственность за ухудшение окружающей среды на население (1-е место

у юношей и 2-е – у девушек) и плохую экологическую политику (соответственно 2–3 и 1-е места), а также на бизнес (2–3 и 3-е места). Существенно ниже оценена роль сырьевой экономики (5-е место) и идеологии общества потребления (6-е место), формирующего потребительские отношения к природе. Среди юношей значение коммерциализации природопользования в ухудшении экологической ситуации ниже оценили те, кто попытается завести свой бизнес, по сравнению с теми, кого не привлекает этот род деятельности (5,62% против 6,43). У девушек различия не выражены (5,47% против 5,69).

Улучшение экологической ситуации требует денежных затрат и активных действий. По данным опроса ФОМ, 80% опрошенных россиян считают, что сегодня в стране принимается недостаточно мер для решения экологических проблем [Экологическая ситуация... 2008]. В нашем исследовании «Экология и здоровье» изучалось отношение студентов к некоторым предложениям по улучшению экологической ситуации в России. Подчёркивалось, что их реализация потребует финансовых затрат. Предлагались следующие варианты ответов: «срочно сделать», «может подождать» и «это не нужно». По показателю «срочно» на первых двух местах как у юношей, так и у девушек находятся меры, направленные на сокращение загрязнения от производств с вредными выбросами и сбросами («ужесточение требований к предприятиям, загрязняющим окружающую среду» – более 90% и юношей, и девушек) и на повышение безопасности потребляемой человеком продукции («запретить применение в товарах для населения новых веществ и материалов без экспертизы их влияния на здоровье человека» – примерно 80% и юношей, и девушек). На 3-м месте восстановление вырубленных лесов. На 5–4-м местах у юношей, 4–5-м у девушек – «повысить экологические требования к бензину и двигателям автомашин» и «эффективно использовать вторичное сырьё». На последних местах – «создать модель устойчивого развития России, проанализировав варианты экономического развития с учётом последствий для окружающей среды» (6-е место) и «создать новые заповедники и охраняемые природные комплексы» (7-е место). В поддержку скорейшей реализации последнего предложения высказались почти 50% юношей и более половины девушек. За безотлагательную разработку модели устойчивого развития, исходя из различных сценариев экономического развития страны и их последствий для окружающей среды, высказались свыше 50% респондентов обоего пола. Формулировка крайне упрощала ситуацию. Во-первых, устойчивое развитие – это идеал; во-вторых, Россия не обособлена от глобальных процессов. Ответы на вопрос отражают осознание студентами важности при прочих равных условиях научного обоснования оптимального пути минимизации антропогенного давления на

62,3% юношей и 71,7% девушек указали, что экономят в быту воду, электроэнергию и др. Преобладает экономическая мотивация («чтобы меньше платить» – 40,3% юношей и 46,2% девушек).

окружающую среду. Оказалось, что почти по 40% и юношей, и девушек считают, что модель устойчивого развития и научное моделирование различных вариантов экономического пути «может подождать», по 6% – что оно вообще «не нужно». По мнению 45,1% юношей и 44,0% девушек, «может подождать» и создание новых заповедников и охраняемых территорий, по мнению 5,3 и 1,6% – оно «не нужно». Роль таких территорий для стабильности экосистем не осознаётся данной категорией студентов.

Респонденты с худшей самооценкой здоровья, особенно девушки, чаще отмечали актуальность контроля за влиянием на здоровье человека новых веществ и материалов (74,0 и 77,8% – «хорошее здоровье»; 83,0 и 84,9% – «удовлетворительное»; 83,3 и 94,4% – «плохое»). За безотлагательность повышения экологических требований к бензину и двигателям автомашин чаще высказывались девушки (69,4 против 59,3% у юношей) и респонденты, указавшие автотранспорт в качестве основного загрязнителя атмосферного воздуха в Москве по сравнению с теми, кто считают, что больше виновата промышленность (61,4 против 44,4% у юношей и 72,6 против 57,8% у девушек). Эта особенность ответов наблюдается как среди тех, кто водит машину, так и среди не имеющих навыков вождения. Вероятно, влияет информированность о воздействии автотранспорта на окружающую среду.

Выбравшие скорейший подъём жизненного уровня за счёт активной эксплуатации природных богатств, по сравнению со сторонниками его отсрочки ради создания менее экологически вредного производства, реже отмечали неотложность таких мер, как эффективное использование вторичного сырья (58,1 против 68,1% у юношей и 48,5 против 70,8% у девушек) и создание модели устойчивого развития (48,4 против 54,2% у юношей, 48 против 58,9% у девушек). У этой категории опрошенных преобладает примитивно утилитарный подход к природопользованию без учёта возможных последствий для окружающей среды.

Как было показано выше, более 40% опрошенных считают, что в условиях ограниченности средств создание новых заповедников и охраняемых природных комплексов «может подождать», но в отношении восстановления вырубленных за последние годы лесов доля таких высказываний значительно меньше – 24,1% юношей и 20% девушек (соответственно 0,9 и 0,8% считают, что этого вообще не стоит делать), тогда как за их скорейшее восстановление высказались соответственно 75 и 79,2%.

Леса регулируют почвенный и гидрологический режимы, поглощают углекислый газ. Специалисты называли леса России одним из факторов стабильности биосферы. По их оценкам в начале 1990-х гг., США (исключая Аляску) утра-

тили треть своих лесных массивов и 85% первичных лесов. В Европе их практически не осталось. В Китае уничтожено три четверти лесов. В России на тот момент ситуация была иной. «Обширные лесные массивы умеренного пояса – примерно 1,4 млрд. га – сохранились в Канаде и России, причём половина из них никогда не разрабатывалась» [Медоуз и др. 1994: 76]. Первичные леса отличаются богатством экосистем и большим видовым составом, несравнимый с парками и искусственными посадками.

Опрос ВЦИОМ показал высокий интерес россиян к проблеме вырубки лесов вблизи места проживания (83%). 72% респондентов отметили свою готовность участвовать в общественном контроле над деятельностью по вырубке леса [Пресс-выпуск № 1585. 2010]. По поводу вырубки лесов возникают конфликтные ситуации. Сравнение результатов двух опросов, проведённых в связи с резонансным конфликтом, вспыхнувшим по поводу Химкинского леса, через который планировалось проложить трассу Москва – Санкт-Петербург, показывает существенное различие выявленных в них мнений, что было связано с особенностями выборок. Левада-Центр опросил жителей Химок [Проблема сохранения... 2010], ВЦИОМ – жителей Москвы и Подмосковья [Пресс-выпуск № 1583. 2010]. 73% химкинцев предпочли, чтобы дорога прошла в обход Химок и Химкинского леса, хотя это увеличит расходы на строительство. 59% респондентов, опрошенных в столице и Подмосковье, одобрительно отнеслись к действиям по защите Химкинского леса, однако лишь 27% высказались за изменение траектории прокладки новой трассы. Акции защитников Химкинского леса чаще негативно оценивали респонденты, которые ежедневно простаивают в пробках или считают необходимым быстрее решать транспортную проблему, а также те, кто возражают против строительства трасс через жилые массивы [Пресс-выпуск № 1583. 2010].

Жители Химок высказались против ухудшения экологической ситуации, которая возникнет в результате вырубки леса. Жители Москвы и области явно не ощутят экологических последствий строительства трассы, но могут стать её пользователями. Они не вовлечены в конфликт и терпимее относятся к разрушению природного комплекса. В глобальном мире люди в большинстве своём продолжают мыслить локально, преимущественно беспокоясь о ситуации, которая, по их мнению, может их непосредственно коснуться.

Улучшение экологической ситуации требует денежных средств и активного участия населения. В анкету студентов был включён вопрос, выявлявший их установки в сфере сохранения окружающей среды (см. таблицу 2).

Таблица 2

Действия и намерение содействовать улучшению экологической ситуации, в % к числу ответивших

Что из перечисленного ниже Вы уже делаете, постараетесь делать в будущем или не собираетесь делать?	Юноши			Девушки		
	Уже делаю	Постараюсь делать	Думаю, что не буду делать	Уже делаю	Постараюсь делать	Думаю, что не буду делать
Не бросать на улице обёрток, бутылок	84,2	12,3	3,5	82,7	13	4,3
Сортировать бытовой мусор для вторичной переработки, если поставят контейнеры для разных бытовых отходов	8,0	73,4	18,6	7,6	74,7	17,7
Участвовать в акциях экологов	4,4	23	72,6	2,2	31,1	66,7
Покупать продукцию экологически чистых производств	24,6	57,9	17,5	24,5	63	12,5
Отказаться от одноразовой посуды	34,2	30,7	35,1	40,5	35,3	24,2
Обращаться в управу, если во дворе вырубает деревья	17,7	41,6	40,7	8,2	55,6	36,2
Голосовать за партии с перспективной экологической программой	11,8	39,1	49,1	9,3	51,4	39,3
Подкармливать зимой птиц	40,7	39,8	19,5	60,4	33,6	6
Подписывать обращения в защиту природы в Интернете	15,8	50	34,2	18,2	42,4	39,4
Участвовать в защите животных	16,8	48,7	34,5	16,8	60,9	22,3
Посещать общественные слушания по проектам, которые могут ухудшить экологию района, в котором Вы живёте	2,6	34,2	63,2	3,5	30,5	66
Не жечь мусор (на даче, в походе)	49,1	31,6	19,3	54,2	32,7	13,1

Как и ожидалось, по показателю «уже делаю» и у юношей, и у девушек на первых пяти местах индивидуальная активность: «не мусорить» (свыше 80%), «подкармливать птиц» (40–60%), «не сжигать мусор» (половина ответивших), «отказаться от одноразовой посуды» (от трети до 40%) «приобретать продукцию экологически чистых производств» (четверть респондентов). На последних местах – такие коллективные формы защиты окружающей среды, опосредованные какими-либо структурами, как посещение общественных слушаний, участие в акциях экологов, голосование за партии с экологическими программами. Юноши заметно чаще, чем девушки, отмечали обращения в управу в случае вырубки деревьев, девушки чаще, чем юноши, – подкормку птиц зимой.

В столице практически не организован отдельный сбор мусора, поэтому мало кто из опрошенных его сортирует. Однако три четверти респондентов постараются это делать, если установят контейнеры для разных бытовых отходов. Свалки, создаваемые мегаполисом, являются острой проблемой. Скорее всего, её обсуждение в СМИ и повлияло на ответы студентов. Разумеется, не все выразившие намерение сортировать бытовые отходы реализуют его. Тем не менее, ответы молодёжи свидетельствуют о том, что работа с населением постепенно позволит сформировать новую культуру более эффективной утилизации бытовых отходов. Здесь нужно учитывать дифференциацию аудитории – почти 20% не сочувствуют нововведению. Свой вклад в загрязнение среды вносят и предметы одноразового использования из плохо разлагающихся в естественных условиях материалов. Отказываться от одноразовой посуды не хочет каждый третий юноша и каждая четвертая девушка.

Среди форм, требующих кооперации и взаимодействия с какими-либо формальными и неформальными объединениями по индикатору «постараюсь делать», девушки чаще отмечали защиту животных, юноши – подписание обращений в Интернете.

Показатель «думаю, что не буду делать» свидетельствует, что почти три четверти юношей и две трети девушек не намерены участвовать в акциях экологов, по две трети и юношей, и девушек не хотят посещать общественные слушания по проектам, грозящим ухудшить экологию района их проживания, свыше трети – подписывать обращения в защиту природы в Интернете, почти половина юношей и 40% девушек – голосовать за партии с перспективной экологической программой. Из сравнения ответов юношей и девушек по показателю «думаю, что не буду делать» следует, что среди юношей существенно больше доля нежелающих отказываться от одноразовой посуды, голосовать за партии с перспективной экологической программой, подкармливать птиц в холода и участвовать в защите животных.

По мнению специалистов, «экологическое неблагополучие – одна из серьёзных причин заболеваемости и смертности десятков тысяч москвичей ежегодно» [Яблоков 2009: 7]. В 2012 г. по сравнению с предшествующим годом увеличилась среднегодовая концентрация диоксида азота в атмосферном воздухе столицы на 2–10% в зависимости от территории. Известно, что «оксиды азота являются потенциальным раздражителем, способным увеличить риск хронических лёгочных заболеваний» [Доклад... 2013: 160]. Более 90% респондентов обоего пола осведомлены о том, что проживание на территории с повышенным уровнем загрязнения, как правило, повышает заболеваемость населения. По мнению 86,8% юношей и 85,6%

На первых пяти местах оказались следующие виды индивидуальной активности: «не мусорить» (свыше 80%), «подкармливать птиц» (40–60%), «не сжигать мусор» (половина ответивших), «отказаться от одноразовой посуды» (от трети до 40%) «приобретать продукцию экологически чистых производств» (четверть респондентов).

девушек, экологическая ситуация в Москве отрицательно влияет на их здоровье. Чаще это отмечали студенты с плохой самооценкой здоровья. Среди указавших негативное воздействие экологической обстановки в Москве на своё здоровье обеспокоенность по этому поводу выразили 70,1% юношей и 89,8% девушек. В целом по выборке 66,0 и 84,2% (девушки чаще отмечали обеспокоенность). Доля таких ответов больше среди студентов, которые считают, что заботятся о своём здоровье по сравнению с теми, кто этого не делает – 76,5 против 37,5% в подгруппе юношей; 90,6 против 77,3% в подгруппе девушек. Отметим, что не заботятся о своём здоровье каждый седьмой юноша и каждая двенадцатая девушка. Для этой категории респондентов более характерно рискованное в отношении здоровья поведение, чем для тех, кто заботится о нём. Например, среди первых регулярно курят 47,1% юношей и 32,3% девушек, среди вторых соответственно 21,1 и 12,3%. Среди первых указали, что думают о пользе питания и ограничивают себя в потреблении некоторых продуктов – 5,9% юношей и 19,4% девушек, среди вторых – 36,6 и 47,9%. Среди первых намного меньше доля тех, кто при покупке продуктов интересуется информацией на упаковках о содержании генномодифицированных организмов (ГМО). Кроме того, среди тех, кто не заботится о своём здоровье меньше доля «ежедневно» и «часто» занимающихся физкультурой, посещающих спортивные секции.

Студенты, не обеспокоенные отрицательным влиянием экологической ситуации в столице на их здоровье, по сравнению с теми, кого оно волнует:

- в среднем ниже оценили свои переживания по поводу различных последствий ухудшения состояния окружающей среды, особенно по поводу его негативного влияния на здоровье человека (различия средних значений на 7-балльной шкале по данному показателю между этими подгруппами составили 1,51 балла у юношей и 1,5 у девушек);

- существенно реже отмечали поиск информации о ЗОЖ, о правильном питании и о состоянии окружающей среды в Москве, а также о научных прогнозах её изменения на планете при действующих тенденциях хозяйствования человека;

- хуже осведомлены об основном загрязнителе воздушного бассейна столицы (ответ «автотранспорт» выбрали 76,7% юношей, обеспокоенных негативным влиянием экологического состояния Москвы на их здоровье, и 38,5% тех, кого это не волнует, среди девушек эти показатели составили соответственно 66,2 и 52,9%);

- реже выбирали ответ «уже делаю» в отношении некоторых действий, перечисленных в [таблице 2](#) (например, подписывали обращения в защиту природы 19,1% юношей и 20%,

девушек, которых беспокоит отрицательное воздействие экологической обстановки на их здоровье; среди тех, кого оно не тревожит, соответственно 6,7 и 10%);

- несколько реже выбирали ответ «постараюсь делать» и чаще отказывались от некоторых действий, перечисленных в таблице 2 (например, среди обеспокоенных негативным влиянием экологической обстановки на их здоровье выразили желание «участвовать в акциях экологов» 29,9% юношей и 35,8% девушек; среди тех, у кого здоровье не вызывает беспокойства, соответственно 13,3 и 15%; «отказаться от одноразовой посуды» среди первых 32,4 и 37,4%, среди вторых 20 и 30%; «обращаться в управу, если во дворе вырубают деревья» среди первых 50 и 58,6%, среди вторых 21,4 и 40%; «посещать общественные слушания» среди первых 39,7 и 35,4%, среди вторых 33,3 и 21,1%).

У студентов, отметивших обеспокоенность негативным воздействием окружающей среды на их здоровье (а их большинство), выше показатели самосохранительного поведения и больше доля готовых участвовать в деле защиты окружающей среды, но и у них эта готовность невысокая. Одна из причин состоит в отсутствии социальных норм, регулирующих эту деятельность.

Заключение

Подводя итоги, подчеркнём, что большинство студентов осознают следующее: 1) экологическая обстановка в стране за последние два десятилетия ухудшилась, и эта тенденция сохранится в будущем; 2) ухудшение экологической ситуации в Москве отрицательно влияет на их здоровье); 3) существует угроза повышения напряжённости в мире в результате сокращения ресурсов планеты; 4) необходимо развивать в РФ менее экологически вредное производство, а не наращивать добычу природных ресурсов (потребительское отношение к ресурсам продемонстрировала четверть опрошенных; скорее всего, у некоторых студентов причиной одобрения безоглядного потребления природных богатств являются не только меркантильные интересы, но и вера в решение проблем ограниченности ресурсов средствами науки и технологий).

В то же время отметим невысокий познавательный интерес студентов к проблематике изменения состояния окружающей среды. Экономия ресурсов в быту чаще определяет экономическая мотивация. Около половины опрошенных не мыслят перспективно и не понимают: 1) актуальность научного моделирования для выбора вариантов экономического развития с учётом последствий для окружающей среды; 2) необходи-

У студентов, отметивших обеспокоенность негативным воздействием окружающей среды на их здоровье (а их большинство), выше показатели самосохранительного поведения и больше доля готовых участвовать в деле защиты окружающей среды, но и у них эта готовность невысокая.

мость создания новых заповедников и охраняемых территорий. Последнее закономерно, учитывая, что большинство респондентов недооценивают значимость сохранения биологического многообразия. Почти 40% опрошенных не считают, что организация эффективного использования вторичного сырья требует спешности. Это означает, что у них нет понимания важности развития безотходного производства. Студенты демонстрируют низкую активность и готовность участвовать в коллективных формах защиты окружающей среды. Студенты, не обеспокоенные отрицательным влиянием экологической обстановки в столице на своё здоровье, по сравнению с теми, кого это влияние не оставляет равнодушными, реже отмечали готовность что-то делать для оздоровления экологической ситуации.

Тревога за здоровье может побуждать человека к деятельности по улучшению состояния окружающей среды на макро- и микроуровнях. Мотивационной основой становится то, что благоприятная среда служит условием хорошего самочувствия и сохранения здоровья. Для достижения желаемого результата необходима компетентность в вопросах последствий антропогенного влияния на окружающую среду, на здоровье человека, на условия жизни будущих поколений. В этой связи важно развивать экологическое образование в вузах, включая в программу курс социальной экологии, рассматривающей взаимодействие человека и природы и последствия усиления антропогенного давления на неё. Исследование показало, что почти треть юношей не информированы о негативных тенденциях изменений окружающей среды в мире, каждый четвёртый – в России; среди девушек – каждая шестая. Примерно по трети юношей и девушек не осведомлены о вкладе автотранспорта в ухудшение состояния окружающей среды в столице. По обсуждаемым в обществе вопросам у студентов больше определённости в ответах (например, о раздельном сборе мусора), чем по вопросам, которым не уделяется внимания (например, об обратимости изменений, происходящих в окружающей среде).

Библиографический список

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2011 г. // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/a76/gosdoklad2011.pdf> [Дата посещения: 12.01.2014].

Доклад о состоянии окружающей среды в городе Москве в 2012 г. // Правительство Москвы. Департамент природопользования. Официальный сайт государственного природоох-

ранного бюджетного учреждения ГПБУ «Мосэкомониторинг». URL: <http://www.mosecom.ru/reports/2012/report2012.pdf> [Дата посещения: 12.01.2014].

Материалы Научно-практической конференции «Нерешённые экологические проблемы Москвы и Подмосковья». М.: Медиа-ПРЕСС, 2012. 407 с.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. М. 1994. За пределами роста. М.: Прогресс, Пангея. 304 с.

Подлесная М. А. 2006а. Информационная политика местных СМИ и экологические проблемы // Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН. С. 126–164.

Подлесная М. А. 2006b. Центральные СМИ как зеркало государственной экологической политики (на примере газеты «Известия» // Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН. С. 165–202.

Пресс-выпуск № 1583. Общественное мнение о проблеме новой трассы Москва–Петербург. 16.09.2010 // ВЦИОМ. URL: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13823.html> [Дата посещения: 12.01.2014].

Пресс-выпуск № 1585. Контроль над вырубкой леса: население имеет право голоса! 20.09.2010 // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13834> [Дата посещения: 12.01.2014].

Пресс-выпуск № 1641. Бензин АИ-92: Запретить или продолжать выпускать? 02.12.2010 // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111133> [Дата посещения: 12.01.2014].

Пресс-выпуск № 1670. Экологическая культура россиян. 20.01.2011 // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111285> [Дата посещения: 12.01.2014].

Проблема сохранения Химкинского леса. 15.09.2010 // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/15-09-2010/problema-sokhraneniya-khimkinskogo-lesa> [Дата посещения: 12.01.2014].

Халий И. А. 2007. Двадцать лет развития российского экологического движения // Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН. С. 168–186.

Экология в России: оценка ситуации. 09.08.2007 // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d073222> [Дата посещения: 12.01.2014].

Экологическая ситуация в российском массовом сознании. 23.12.2008 // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/map/ekologija_otchet08 [Дата посещения: 12.01.2014].

Яблоков А. В. 2009. Окружающая среда и здоровье москвичей (Москве необходима другая экологическая политика) // Официальный сайт российской объединенной демократической партии «Яблоко». URL: http://www.yabloko.ru/books/yablokov_environment.pdf [Дата посещения: 12.01.2014].

Яницкий О. Н. 2012. Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы). М.: Институт социологии РАН. 185 с. // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446> [Дата посещения: 07.04.2014].

The Social Attitudes of the Students in the Field of Environmental Improvement

Ivanova Larissa Yurievna

Candidate of Pedagogical Sciences (PhD), leading researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: Lariv2005@yandex.ru

Abstract. The article analyses the data of sociological studies on “ecology and health” conducted among students of two Moscow universities in 2011–12. We asked high school students about their interest in the field of environmental sciences, their perceptions of environmental change in the past and in the future, their opinions about the prospects of the survival of mankind in conditions of limited natural resources, their thoughts on the preferred strategy for the use of natural resources in the country, their concern about the consequences of environmental degradation, the various measures for its preservation, and the background for personal participation in the improvement of the ecological situation.

Keywords: ecological culture, interest in information about the state of environmental attitudes and activity for its improvement.

References

The official Report “O sostojanii I ob ohrane okruzhajushhey sredy Rossijskoy Federacii v 2011godu” [State report “On the state and environmental protection of the Russian Federation in 2011] – The official website of Russian Ministry of natural resources and ecology. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/a76/gosdoklad2011.pdf> [date of visit 12.01.2014].

Report “O sostojanii okruzhajushhey sredy v gorode Moskve v 2012 godu” [report “On the state and environmental protection in the city of Moscow] – Official website of “Mosekomonitoring”. URL: <http://www.mosecom.ru/reports/2012/report2012.pdf> [date of visit 12.01.2014].

Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii “Nereshionnye ekologicheskie problemy Moskvy I Podmoskov’ja” [Unresolved environmental problems in Moscow and Moscow region. Conference papers] – Moscow, Media-PRESS, 2012. 407 p.

Medouz D. H., Medouz D. L., Randers J. M. Za predelami rosta [Beyond limits]. M., Progress, Pangeja, 1994. 304 p.

Podlesnaja M. A. Informacionnaja politika mestnyh SMI I jekologicheskie problemy [Information policy of the local media and environmental problems] – Institucionalizacija jekologicheskoi politiki v Rossii: social’nye praktiki,

strategija gosudarstva, upravlencheskie reshenija [Institutionalization of environmental policy in Russia: social practices, state strategy, management decisions]. M., Institut sociologii RAN, 2006, pp. 126–164.

Podlesnaja M. A. Central'nye SMI kak zerkalo gosudarstvennoj jekologicheskoj politiki (na primere gazety «Izvestija») [Federal media as a mirror of the state environmental policy (analysis of the newspaper “Izvestija”)] – Institucionalizacija jekologicheskoj politiki v Rossii: social'nye praktiki, strategija gosudarstva, upravlencheskie reshenija [Institutionalization of environmental policy in Russia: social practices, state strategy, management decisions]. M.: Institut sociologii RAN, 2006, pp. 165–202.

Press-release № 1583. “Obshhestvennoe mnenie o probleme novej trassy Moskva–Petersburg” [Public opinion on the issue of a new route from Moscow to St. Petersburg]. 16.09.2010 – VCIOM. Official website. URL: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13823.html> [date of visit 12.01.2014].

Press-release № 1585. “Kontrol' nad vyrubkoy lesa: naselenie imeet pravo golosa!” [Control of deforestation: the population is eligible to vote!]. 20.09.2010 – VCIOM. Official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13834> [date of visit 12.01.2014].

Press-release № 1641. “Benzin AI-92: Zapretit' ili prodolzhat' vypuskat'?” [Gasoline A-92: Block or continue to produce]. 02.12.2010 – VCIOM. Official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111133> [date of visit 12.01.2014].

Press-release № 1670. “Ekologicheskaja kul'tura rossiyan” [Ecological culture of Russians]. 20.01.2011 – VCIOM. Official website. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111285> [date of visit 12.01.2014].

Problema sohraneniya Khimkinskogo lesa [The problem of preserving of Khimki forest]. 15.09.2010 – Levada-center. Official website. URL: <http://www.levada.ru/15-09-2010/problema-sokhraneniya-khimkinskogo-lesa> [date of visit 12.01.2014].

Khaliy I. A. Dvadcat' let razvitija rossijskogo jekologicheskogo dvizhenija [Twenty years of the Russian environmental movement] – Sovremennye obshhestvennye dvizhenija: innovacionnyj potencial rossijskih preobrazovanij v tradicionalistskoj srede [Modern social movements: the innovative potential of Russian reforms in the traditionalist environment]. M., Institut sociologii RAN, 2007, pp. 168–186.

Ekologija v Rossii: ocenka situacii [Environment in Russia: assessment of the situation]. 09.08.2007 – FOM Database. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d073222> [date of visit 12.01.2014].

Ekologicheskaja situacija v rossijskom massovom soznanii [Environmental situation in the Russian mass consciousness]. 23.12.2008 – FOM Database. URL: http://bd.fom.ru/report/map/ekologija_otchet08 [date of visit 12.01.2014].

Yablokov A. V. Okruzhajushhaja sreda I zdorov'e moskvicey (Moskve neobhodima drugaja jekologicheskaja politika) [Environment and health of Moscovites (Moscow needs another environmental policy)] – Official website of Russian United Democratic political party “Yabloko”. 2009. URL: http://www.yabloko.ru/books/yablokov_environment.pdf [date of visit 12.01.2014].

Yanitzky O. N. Prirodoohrannye seti Rossii i ih social'ny kapital (gnoseologicheskie i teoreticheskie problemy) [Russian environmental network and its social capital (epistemological and theoretical problems)] M., Institut sociologii RAN, 2012. 185 p. IS RAS. Official website. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446> [date of visit 07.04.2014].

Д е я т е л и н а у к и

Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор

Яницкий Олег Николаевич – профессор,
доктор философских наук, зав. сектором
социально-экологических исследований
Института социологии РАН, Москва

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Дневники В. И. Вернадского: их автор и публикатор

Аннотация

Статья посвящена малоизученной в российском обществоведении теме: дневникам великого русского ученого В. И. Вернадского, которые он вел на протяжении почти сорока лет, и которые содержат уникальный историко-культурный материал для изучения истории России и СССР. Дневники являются также редким по разнообразию и насыщенности фактами, мыслями и оценками человеческим документом. На примере дневников В. И. Вернадского анализируется научная и общественная значимость работы, проведенная их публикатором и комментатором В. П. Волковым. Автор статьи приходит к выводу, что, расшифровав и прокомментировав дневники этого великого учёного за период 1926–44 гг., Волков совершил научный подвиг, дав социальный и психологический портрет великого русского учёного и публичного политика на фоне переломной эпохи.

Ключевые слова: Вернадский, наука, научная и социальная среда, публикатор, этос учёного и публикатора

Во времена Возрождения и Просвещения комментарии к произведениям великих учёных, философов, художников были весьма почитаемым научным и публицистическим жанром творческой работы. Благодаря работе публикаторов и комментаторов, потомки великих получали не только новое, но гораздо более подробное и «объёмное» знание о них, а также лучше понимали связь последних с эпохой, их породившей. В конечном счёте, в идеале публикатор и комментатор становился вровень со своим великим предшественником. Или, напротив, доказательно развенчивал его ореол «исключительности».

В современном массовом обществе ситуация изменилась. С одной стороны, занятие наукой стало массовой профессией в остро конкурентной среде. Сегодня даже выдающимся учёным не до ведения дневников – они должны всё время «догонять» и «перегонять» своих коллег. Поэтому в лучшем случае на склоне лет они пишут воспоминания или мемуары, чтобы оставить хоть какой-то след в культуре страны, а не только в своей узкоспециализированной области. К тому же получен-

ные ими собственно научные результаты не только непонятны широкому читателю, но могут ещё долго находиться под запретом по соображениям национальной безопасности.

С другой стороны, *история науки именно как научная дисциплина* у нас не в почёте. Поэтому ею занимаются лишь немногие, причём часто не по велению души, а просто потому, что «так получилось», или же эти люди не смогли угнаться за темпом развития своей дисциплины. Что же касается многочисленных «Предисловий» и «Послесловий», которые обычно пишутся ведущими российскими обществоведами к переводам работ своих (ещё более значимых) западных коллег, то подобные тексты чаще всего представляют собой некоторую совокупность оценочных суждений вне того научного и социально-исторического контекста, в котором сформировались мировоззрение и научная мысль западных авторов.

Даже если мы возьмём мемуары наших выдающихся современников, социологов и историков [Кон 2008; Гуревич 2004], то при всей важности такого рода работ (я называю этот тип литературы отчётами о прожитом), мы в лучшем случае находим в них хронологический «пунктир» их личных достижений или неудач, практически связанных со средой той (прошлой) повседневной жизни, их собственной и общества в целом. Но это всё же не дневники.

Что же касается *собственно дневников уже ушедших от нас русских учёных*, то могу с большой долей уверенности предположить, что их в российских архивах или на антресолях старых квартир лежат ещё сотни, если не тысячи. Говорю об этом так определённо, т. к. сам неоднократно присутствовал при тяжёлых сценах, когда почтенного возраста вдова, сестра или же их дети умоляли кого-нибудь взять эти бесценные личные свидетельства истории российской науки, потому что не знали, что с ними делать.

Здесь-то и возникает гипотетическая фигура публикатора, который, с одной стороны, знает о существовании этих бесценных свидетельств ушедшей эпохи, а с другой – умеет с ними работать. Но такова лишь грубая схема. В действительности работа публикатора – это тяжёлый многолетний изнурительный труд, далеко не только исследовательский, но в первую очередь – технический, организационный и бюрократический. Здесь не достаточно знать и уметь – нужно быть ещё морально и физически готовым к сидению годами в холодных залах архивов и буква за буквой расшифровывать скоропись того, у кого уже нельзя спросить, что это или почему это? Именно в таких условиях и работал Владислав Павлович Волков, публикатор и комментатор дневников В. И. Вернадского.

Выбор академиком А. Л. Яншиным на роль публикатора и ответственного редактора этого многотомного издания В. П. Волкова был на редкость точным. Яншин выбрал про-

Занятие наукой стало массовой профессией в остро конкурентной среде. Сегодня даже выдающимся учёным не до ведения дневников – они должны всё время «догонять» и «перегонять» своих коллег.

Работа публикатора – это тяжёлый многолетний изнурительный труд, далеко не только исследовательский, но в первую очередь – технический, организационный и бюрократический.

фессионала в близкой к работам Вернадского области, уже достаточно зрелого учёного, но ещё достаточно молодого, чтобы морально и физически вынести тяжесть многолетнего каждодневного труда; не узкого профессионала, но учёного с достаточно широким общественным кругозором; не публичного политика, но человека, всегда проявлявшего к ней интерес. Никто, как Яншин, так хорошо не представлял, сколь трудную он ставил перед Волковым задачу, требующую не только разносторонних знаний, но неимоверной усидчивости в течение многих лет, настойчивости в поиске нужных данных и, наконец, опыта организационной работы. А сверх того – устойчивого интереса к теме и столь же устойчивого упорства в достижении поставленной перед ним цели. Конечно, Яншин учитывал, что Волков много лет работал под началом акад. А. П. Виноградова, ученика Вернадского, и был профессионально и по-человечески тесно связан с К. П. Флоренским (1915–1982 гг.), другим учеником Вернадского. Наконец, к началу 1990-х гг., по словам самого Волкова, «кончилась [его – *ред.*] “геохимическая жизнь” и началась жизнь историка-архивиста» [Волков 2013: 198]. Кончилась, по причинам от него не зависящим. А переход в новую сферу науки, как это часто бывает в жизни, поначалу было делом случая. А именно, в результате встречи с В. С. Неаполитанской, хранительницей мемориального кабинета-музея В. И. Вернадского в том же ГЕОХИ РАН, и её трёхчасовом рассказе о жизни Вернадского. С того памятного дня в 1979 г. он «стал человеком, ...кровно заинтересованным в работе над научным наследием Вернадского» [Волков 2013: 199].

Немного статистики

За 20 лет (1992–2012 гг.) работы над дневниками Вернадского (включая отдельную книгу его публицистических статей), Волков опубликовал 177,8 условных печатных листов (или 213,9 учётно-издательских листов соответственно), т. е. почти по 9 печатных листов ежегодно. А если учесть его публикации в научных журналах по той же теме, то эта цифра возрастёт почти до 11,0 печатных листов. Поскольку мне самому дважды в жизни пришлось работать в том же качестве (расшифровщика, публикатора и комментатора), могу сказать, что по трудоёмкости эти ежегодные 11,0 п.л. работы с дневниками Вернадского следует приравнять примерно к 30,0 п.л. обычной научной продукции гуманитария за год, то есть ввести повышающий коэффициент 3,0.

О чём конкретно идёт речь? Во-первых, о процессе самой расшифровки скорописи оригинала. Ведь, как и всякий другой учёный, Вернадский делал эти записи для себя, наскоро, сокращая имена собственные (людей, организаций, минералов и т. д.)

иногда до одной-трёх букв, надеясь, что в будущем он развернёт эти иероглифы в нормальный текст. Моя собственная хронометрия подобного «развёртывания» (которое я делал в гораздо более комфортных условиях, т. к. все письма моего деда лежали передо мною на письменном столе) даёт примерно такие соотношения: расшифровка одной страницы скорописи равна по времени написанию примерно трёх-четырёх страниц текста научной статьи.

Во-вторых, о составлении содержания каждого тома и именных указателей. Кто хоть раз имел дело с такой работой, знает, сколь она многодельная и изматывающая. Когда Волков составлял первые два тома, программ автоматизированного составления таких указателей ещё не существовало. И хотя позже нужные программы появились, всё равно значительная часть работы по составлению указателей производилась вручную, потому что встречались ссылки на одинаковые фамилии, а программа не могла распознать, родственники это или однофамильцы и т. п. Содержательная трудность работы над именными указателями заключалась ещё и в том, что в тексте дневников встречались имена самых разных людей и времени их жизни: современники Вернадского и их предшественники, «ближний круг» (дети, родственники и знакомые), более широкий круг (русские и зарубежные учёные, политические и военные деятели и просто рядовые граждане, с которыми Вернадский систематически общался при любой возможности: дома, в санатории, поликлинике и т. д.

Теперь о самом главном – о примечаниях. По объёму (исчисленному в условных печатных листах) они в разных томах составляют *от половины до трёх четвертей* общего объёма опубликованных дневников Вернадского. Есть в его дневниках записи, где комментарии (или примечания) к ним составляют по 220–240 позиций, занимая почти 22 страницы убористого текста (кегель 9-ый). Что составляет 2,34 п. л. [Вернадский 2001: 396–418]. Но эти расчёты ничего не говорят об объёме содержательной работы и тех трудностях, которые её сопровождали. Дело том, что дневниковые записи день ото дня неравномерны. В один день на странице может быть длинная цитата (с указанием источника), а в другой – несколько имён, обозначенных лишь инициалами. В последние десятилетия российская справочная литература (энциклопедические, толковые, тематические и прочие словари) значительно пополнилась, но пока она не может сравниться ни с объёмом и подробностью аналогичной дореволюционной литературы, ни тем более с объёмом и разнообразием зарубежной. Насколько мне известно, Волков интернет-справочниками почти не пользовался, предпочитая им печатные издания.

Но это была лишь часть работы по составлению примечаний к дневникам Вернадского. Сотни имён и фамилий, упоминаемых в Дневниках, ни в каких справочных изданиях не

упоминаются. Волков сам участвовал в составлении нескольких «отраслевых» библиографических изданий. Однако они издавались мизерным тиражом (250–300 экз.) и в число обязательных экземпляров Книжной палаты РФ, как правило, не включались [Маршрут длиною в жизнь... 2006].

Наконец, самая трудная, хотя, на мой взгляд, наиболее интересная работа публикатора – это «свободный поиск» (или «расследование»). Вот здесь всё зависит от его эрудиции и включённости в различные социокультурные сети: от ближайших друзей – до людей, ему ранее неизвестных. Если учесть высокую неопределённость такого поиска (сети человеческих связей всё время трансформируются и ещё чаще просто обрываются), то, на мой взгляд, «повышающий коэффициент» возрастает как минимум до 5,0. То есть по 45–50 п. л. ежегодно. Это гигантская цифра, особенно если учесть ответственность публикатора за каждую цифру и каждое слово в его примечаниях.

Текст, контекст и подтекст

Дневники Вернадского необычны потому, что в них есть, по крайней мере, три слоя: (1) собственно дневниковые записи, которые имеют самостоятельное научное, социальное и культурное значение; (2) вкрапления в текст дневников (так называемые Хроники), сделанные рукой самого Вернадского, которые, по его мысли, в будущем могли бы составить канву для написания им истории естественных наук в России/СССР и их социально-политического контекста (а возможно и социально-политической истории России/СССР); (3) примечания и комментарии составителя и публикатора, которые не только разъясняли, кто есть кто, но и расшифровывали предмет и метод работы Вернадского как социального историка.

Теперь о контексте, в котором создавался этот много-томный труд. Вернусь ещё раз к выбору Волкова на роль публикатора и ответственного редактора данного труда. Совсем не случайно вице-президент АН СССР, акад. А. Л. Яншин, основатель «Библиотеки трудов академика В. И. Вернадского», в начале 1990-х гг. предложил Волкову *сменить специальность* – из преуспевающего космического геохимика превратиться в историка науки. Раньше ему привозили на стол космическую пыль, а теперь ему предстояло в течение многих лет глотать пыль архивную в роли составителя, ответственного редактора и автора примечаний и собственных комментариев ко всем дневникам Вернадского. Конечно, Яншин был осведомлён, что Волков не только интересуется творчеством Вернадского, но и сотрудничает с его мемориальным музеем-квартирой, находящимся в недрах того же ГЕОХИ РАН

им. В. И. Вернадского. Но, несмотря на поддержку Яншина, обещания найти деньги на это многотомное издание и другие посулы, публикация дневников Вернадского оказалась делом более сложным организационно, идеологически и по своей сути, чем предполагал Яншин, крупный учёный и человек, достаточно твёрдый жизнью.

Во-первых, до этих дневников надо было ещё добратся – архив Вернадского по-прежнему закрыт. Никто к нему не имеет доступа. Открылись многие партийные и государственные архивы, МГБ, КГБ, а этот по-прежнему закрыт. Видимо, на то были веские причины (часть из которых выявилась лишь в процессе редакторской работы). Скажу только об одной из них: Вернадский, как и многие другие крупные российские учёные, в своих дневниковых записях весьма неллицеприятно отзывался о профессиональном потенциале некоторых своих коллег, а ведь кое-кто из них был в советские времена признан «корифеем науки».

Во-вторых, если даже добратся до этих записей, всё равно будет ничего не понятно, потому что это скоропись, каракули, «китайская грамота». Помните историю с дневником штурмана Климова, который пытался расшифровать Саня Григорьев из «Двух капитанов» Вениамина Каверина. Сане пришлось составлять специальный алфавит. Так же был вынужден работать и публикатор дневников. Записи в архивном хранилище РАН можно было делать только от руки, вынос или копирование запрещались. День за днём, год за годом. Не более 4-х страничек в день. В «холодильнике», который называется архивом. И так на протяжении двадцати лет подряд!

В-третьих, даже полностью расшифрованный текст дневников оставался совершенно непонятным, «слепым»: сокращения, пропуски, скачки мысли, сотни неизвестных имён и фамилий (часто написанных по памяти, с ошибками). То есть наступал этап первичного декодирования текстов – о ком и о чём в действительности шла речь в этих записях. А для этого нужно было знать историю геохимии, быть в курсе состояния русской и мировой науки в целом, потому что Вернадский постоянно цитировал своих западных коллег, вспоминал о встречах с ними. И не в меньшей степени нужно было понимание механизмов работы советской партийно-государственной машины, ведомств, НИИ, комиссий. Например, если Вернадский говорит о проблеме абиогенеза (т. е. возможности возникновения живой материи из неживой природы), то публикатор даёт справку о состоянии (трактовке) этой проблемы в настоящее время [Вернадский 2006а: 129]. Кроме того, надо было вникнуть в сложную, противоречивую механику взаимодействия партийной идеологии и научного сообщества. Назову только две цифры: в двух томах дневников за 1935–38 гг. Вернадский упоминает более 2,5 тыс. имён и более 350 названий организаций. Только в двух томах!

И здесь начинается следующий этап: поиск уже ушедших и живых, которые могли бы что-то прояснить, подсказать, снабдить материалом из личных архивов, а также поиск текстов и источников, которые могли бы помочь понять, почему о них писал Вернадский, что было для него важно. Это были не просто рядовые, ежедневные записи школьника, а подготовительные материалы к большому историческому труду, который хотел создать выдающийся русский учёный. С моей точки зрения, этот этап представляет собой настоящее историко-социологическое исследование, которое некоторые пренебрежительно называют изучением «человеческих документов». Это был этап «архива после архива». Только так можно было написать примечания и комментарии к этим дневникам.

В результате этой гигантски трудоёмкой 20-летней непрерывной работы перед Волковым открылся целый «архипелаг» знаний и человеческих связей, который питал мысль великого учёного и на который он опирался. Волков фактически написал 2112 биографий (составил, скомпоновал из обрывков, кусочков), чтобы вернуть к жизни этот человеческий «архипелаг». Объём последних двух опубликованных томов составляет 70 п. л., из них на комментарии приходится не менее 40 листов! На одну страницу дневника приходится, как правило, 4–5 страниц комментариев убористым шрифтом.

Но и этого мало. Публикатор (и ответственный редактор) должен был взять на себя смелость интерпретировать и комментировать весь этот огромный материал, своего рода летопись жизни Вернадского и сотен людей, его окружавших. Такое дело всегда есть хождение по острию ножа: просто справка, «объективка» (биографическая или иная) – это неинтересно. А всякая собственная интерпретация всегда чревата опасностью нанесения душевной раны живому человеку или, ещё хуже, – оскорблением памяти ушедшего или невинно погибшего. Это ведь были страшные 1930–40-е гг. Помимо знаний, здесь нужен был такт, осторожность, которые даются только с возрастом, да и то не всем.

Но без комментариев (интерпретаций) невозможен был бы завершающий этап – «связать» между собой людей, организации, события, эпоху; понять, почему Вернадский наметил именно такой «пунктир» жизненных биографий и событий, – т. е. связать текст дневников, их исторический и политический контекст и подтекст. В итоге получился аннотированный очерк истории и социологии науки в СССР/России за сто лет в контексте революционных трансформаций и эпохи строительства социализма. Естественно, что эта работа есть, по сути, своего рода интеллектуальный детектив с бесконечным продолжением. Однако уже сегодня мы должны быть благодарны В. И. Вернадскому, архиву РАН и публикатору, т. к. благодаря этим дневникам и комментариям мы узнали о множестве выдающихся и рядовых тружеников русской науки в этот страшный для неё период.

В результате гигантски трудоёмкой 20-летней непрерывной работы перед В. П. Волковым открылся целый «архипелаг» знаний и человеческих связей, который питал мысль великого учёного и на который он опирался. Фактически он написал 2112 биографий.

Я хотел закончить этот параграф сентенцией о том, что социологически Россию можно изучать по-разному. Можно носиться по конгрессам по всему свету и быть включённым в десятки социальных сетей. Можно исколесить вдоль и поперёк Россию в поисках нужных материалов. А можно 20 лет просидеть в архиве на соседней улице и изучать историю изнутри, через дневники и биографии живых и давно ушедших от нас людей.

Публикаторами не рождаются

Однако, поскольку мы с Волковым были одноклассниками, могу сказать, что необходимые задатки для этого тяжёлого подвижнического труда у него были. Владислав Павлович со школьной скамьи отличался твёрдым характером, чрезвычайной пытливостью, а главное – навыком самовоспитания, столь редким тогда, в сталинские времена, но ещё более редким сегодня. А его учёба на геологическом факультете МГУ, затем более чем полувековая работа в Институте геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского явились хорошей подготовкой к его рождению как профессионального историка-публикатора. Как сказано в предисловии к его последней авторской книге, «это был учёный, которому посчастливилось вместить в одну сразу три жизни: геолога, космохимика и историка науки. Начав со статистических исследований геохимии Ловозерского щелочного массива <на Кольском полуострове>, по мере развития науки он самостоятельно освоил и применил к изучению атмосферы Венеры термодинамический метод. С начала 1990-х гг. В. П. Волков занимался публикацией дневников В. И. Вернадского» [Волков 2013: 2].

Далее я приведу отрывок из моего неопубликованного письма Волкову, когда он уже был смертельно болен. Речь, как обычно, шла о его многолетнем труде по расшифровке и составлению комментариев к дневникам Вернадского, который он «уже почти завершал, но который всё же требовал ещё много времени и сил на компиляцию и вычитку двух последних томов, застрявших в издательстве. Я уверен, что ты справишься со своей болезнью и на этот раз. Говорю это безо всякой выпренности, просто я хорошо знаю тебя со школьной скамьи, знаю твой характер и меру ответственности за то дело, которое ты делаешь, и которое теперь уже не может быть сделано кем-то другим. Это – твой замысел, твоя работа и её результат. Ты знал себе цену, хотя никогда об этом не говорил. Но жизнь наша действительно идёт к естественному концу, и пора подводить итоги. О себе я говорить не буду, а вот про тебя сказать надо, потому что то, что ты уже сделал, хочешь –

В итоге получился аннотированный очерк истории и социологии науки в СССР/России за столетие в контексте революционных трансформаций и эпохи строительства социализма.

не хочешь, это уже часть российской истории, истории нашей науки и культуры. Я не раз пытался заговорить с тобой на эту тему, но ты или отмалчивался, или кивал в сторону академика А. Л. Яншина, замыслившего полное издание трудов Вернадского. Спасибо ему, его вдове и, наверное, многим другим, имён которых я не знаю. Но расшифровка, комментарии и подготовка Дневников Вернадского к печати – это было твоё дело. Я плохо знаком с тем, что ты делал и сделал как геохимик, хотя ты сам об этом написал (как всегда в твоей сжатой и отстранённой манере), а меня попросил написать рецензию на сборник воспоминаний студентов вашего курса Геологического факультета МГУ, куда ты поступил в 1951 году [Маршрут длиною в жизнь... 2006].

Так вот о цене или, если хочешь, о самооценке. Мы с тобой не раз уже говорили, что тут придётся начинать издавать, а именно с того, что мы с тобой, как и весь наш класс, были «детьми Арбата». Не сегодняшнего, муляжного и мёртвого, а Арбата 1940–50-х гг. Арбата трагических судеб и, вместе с тем, среды высочайшей концентрации интеллектуальных сил города и страны. И мы оба в ней жили с малолетства и ещё очень много лет после. Тогда наша школа № 59, что в Староконюшенном переулке, была, как тогда полагали, с «техническим уклоном», но если посмотреть, как сложились наши с тобой судьбы и всех тех, кто учился в параллельных классах «Б» и «В», получается совсем иная картина: многие из выпускников стали гуманистами. Ты раньше не соглашался с такой моей оценкой. Но теперь, когда уже ничего серьёзно изменить нельзя, видимо, я оказался прав. Твои успехи в геохимии оценят твои коллеги, но то, что ты сделал, работая над дневниками Вернадского, позволь оценить мне: просто со стороны видней. К тому же я, как и ты, начав с архитектуры и градостроительства, вот уже более полувека работаю в совсем иной, вполне гуманитарной области. И год за годом, всё более «сползаю» в область исторических знаний (наверное, не без твоего влияния). Вообще твоё влияние на меня было довольно странным... Ты выделялся из всех самостоятельностью своих взглядов и суждений и вообще был «стойким оловянным солдатиком» в лучшем смысле этого слова. И к тому же чрезвычайно любознательным. Лишь совсем недавно, на одной из наших встреч (ты, Володя Гольдман, Илья Шмурак, Серёжа Зик, Лёня Бабиченко) я с удивлением узнал, что вы вдвоём, втроём или все вместе, совершали долгие пешие походы по Москве с единственной целью: узнать свой город. Насколько я понял, тогда у вас не было какого-то определённого плана, но тяга к познанию всего того, что лежит за пределами семьи и школы, была вполне определённая. Много позже, когда ты уже стал студентом геологического факультета МГУ (и после его окончания), ты прошёл много сотен километров, ведомый уже своим профессиональным интересом.

Ещё в старших классах школы диалог с тобой выдерживали далеко не все, потому что держать заданную тобой планку было не каждому под силу. К тому же ты изобрёл собственную формулу для вычисления «коэффициента мозговой способности» (нечто подобное современному IQ). В пору тех страшных лет (1948–51 гг.), на которую пришлось наше формирование как личностей, это могло даже показаться бравадой, если бы не твой всегда спокойный отстранённый взгляд, как бы говоривший: «на том стою и не могу иначе». То, что за этим спокойствием скрывался вулкан энергии, я узнал лишь много позже, из кадров кинохроники, запечатлевших твоё выступление на знаменитом собрании в Политехническом музее на рубеже 1950–60-х гг.

Но, Владислав, согласишься: без того влияния, которое оказали на нас с тобой наши замечательные учителя, историк Дмитрий Николаевич Никифоров, преподаватель литературы Мария Александровна Шильникова и математик Иван Васильевич Морозкин, мы не были бы теми, кем стали потом. Все они, естественники и гуманитарии, нас *не учили*. Они *приобщали* нас к великой русской культуре, её слову, строю, к логике мышления и поступков. *Дисциплина ума и мышления* – вот к чему они нас приобщали. А эти вещи, как мы с тобой не раз говорили, осознаются не сразу. Они уже были в нас, но тогда нам, юным, казалось, что это происходит само собой.

О влиянии твоей семьи на твоё взросление и выбор профессии я сказать ничего не могу. Я бывал у тебя дома всего несколько раз, но по моим воспоминаниям, это был не профессорский дом в смысле книг, разговоров и обстановки. Там царствовал аскетизм. Да и ты сам, сколько я тебя знаю, был типичным аскетом во всём, что касалось одежды, еды и домашнего быта. Более того, я сказал бы, что ты всю жизнь был аскетом в науке. Вспоминаю знаменитый ответ Огюста Родена на вопрос о методе, которым он работает: «Беру камень и отсекаю всё лишнее». Целеустремлённость, собранность – обратная сторона аскетизма, и здесь я от тебя далеко отстал. Конечно, я могу только гадать, потому что эту тему мы с тобой никогда не обсуждали. А жаль, потому что расшифрованные тобой дневники Вернадского дают богатую пищу для этого. Хотя для него, как и для тебя, наука была главным делом всей жизни, которому следовало отдавать максимум времени и сил, ты, как и он, «никогда не жил одной наукой» (это его собственные слова).

Да, снова вернусь на минуту к периоду нашего становления как личностей. Мне почему-то кажется, что в твоём переходе из геохимии к источниковедению и архивному делу (уже в весьма зрелом возрасте, тебе было уже за пятьдесят) во многом «виноваты» как наш удивительный учитель

истории Д. Н. Никифоров, так и В. И. Вернадский и его любимый ученик, твой непосредственный начальник акад. А. П. Виноградов. А также вся та интеллектуальная среда, которая тебя окружала в Институте геохимии АН СССР. Конечно, ты уже давно был тесно связан с мемориальным музеем Вернадского, но так или иначе *линия Вернадский–Волков именно как историков науки и советского общества* со временем становилась всё яснее. Собственно говоря, ты проявил себя как историк естествознания, пронизанного политикой и культурой своего времени, когда подготовил и опубликовал в 1995 г. том «В. И. Вернадский. Публицистические статьи». Думаю, что это был твой сознательный выбор: нельзя было понять цели и смысл деятельности любого учёного, не изучив его этоса, то есть системы моральных норм и правил, которыми он руководствовался всегда: в научном исследовании, в отношениях с властью предрезающими и с простыми людьми.

...Вспомним август 1968 г., вторжение наших войск в Чехословакию. Ещё до этих событий у тебя был доступ к «Белому ТАССу», журналу еженедельного обзора зарубежной печати (с грифом «секретно»), который рассылался по списку членам «номенклатуры». Ты свободно читал “Morning Star”. По твоим же собственным словам, ты «назубок знал стенографический отчёт о процессе “правотроцкистской банды преступников и убийц”, о борьбе с менделизмом-морганизмом, словом, следил за политической жизнью и хорошо знал историю её советского периода. Вот почему я считаю, что стандартная фраза «политически грамотен» (да ещё как грамотен!) из характеристики, обязательной для каждого, выезжавшего за рубеж, относится к тебе в первую очередь. Да, ты самый до сих пор цитируемый автор книги «Геохимия Ловозерского щелочного массива» (М.: Наука, 1966). Однако полученный тобой после событий августа 1968 г. статус «невъездного» блокировал твои научные контакты с зарубежными коллегами и возможный отъезд на работу в США. Но, кто знает, смог бы ты там войти в историю естественных наук так, как это сделал ты после 20 лет работы над дневниками Вернадского? Ты не хуже меня знаешь, что Вернадского, работавшего за границей в 1920-х гг., потребовали вернуться в Москву. Возможно, останься он там, это был бы ещё один Сикорский, Бердяев или Струве? Когда вернёшься из больницы, я хотел бы обсудить с тобой этот тревожный для меня вопрос. Что важнее для страны и для конкретного учёного, особенно такого масштаба, как Вернадский: «свобода» там, но с неизбежной утерей корней здесь (как ты видишь по судьбе многих наших одноклассников), или же ограниченная свобода здесь, т. е. та модель жизни, которую прожил здесь В. И. Вернадский? А ведь это – один из самых жгучих вопросов современности, в том числе и в отношении наших детей и внуков».

Должен ли быть публикатор (комментатор) «умнее» автора?

Ответ на этот вопрос зависит от того, каким материалом располагает публикатор и что он с ним хочет сделать. Архивы всё ещё хранят массу документов, которые могли бы быть интересны широкому читателю. Но такие документы нельзя просто опубликовать, их надо комментировать. А вот эта задача далеко не каждому по зубам. Мой дед, будучи участником русско-турецкой и русско-японской войн, вёл с места событий обширную переписку с женой, а позже – со своей взрослой дочерью. Однако я не рискнул опубликовать эту связку писем именно потому, что они требовали расшифровки, подробных комментариев, к чему я, социолог, не был готов. Поэтому я просто включил некоторые выдержки из этой переписки в одно из изданий своей «Семейной хроники» [Яницкий 2012]. А участник русско-японской войны писатель А. И. Куприн превратил всё увиденное им в Манчжурии в художественную прозу.

Конечно, бывает, что профессиональным историкам или любителям-краеведам просто везёт, когда они, занимаясь своей любимой темой, вдруг наталкиваются на чрезвычайно актуальный архивный источник никем ранее не публиковавшихся документов. Как мне рассказывал один молодой американский историк, когда он заинтересовался эпохой правления Петра I, ему старшие коллеги говорили: «Зачем ты тратишь попусту время, ведь всё мало-мальски интересное об этой эпохе давно уже известно и опубликовано». И он уже был готов оставить эту тему, когда вдруг в одном из европейских архивов наткнулся на личную переписку послов и других иностранцев при дворе Петра I.

Наконец, был и продолжает существовать «чёрный рынок» автографов и других неопубликованных материалов. Иногда – украденных из местных архивов, а иногда – найденных на чердаках давно заброшенных деревенских домов. Кстати, как сохранилась часть архива моего деда, я до сих пор не могу понять. Ведь в ноябре 1941 г. его письма лежали на подмосковной даче в 2-х километрах от линии фронта. Был и другой, менее приятный случай: переписка двоюродного брата моего отца, узника Шлиссельбурга, а в 1918 г. попавшего в плен к Юденичу и там расстрелянного, таинственным образом исчезла из семейного архива моих родственников в тогдашнем Ленинграде [Яницкий 2012].

Это не означает, что автор дневников и их публикатор должны быть «равновеликими» (в науке или общественной деятельности) изначально. Это – чрезвычайно редкий в истории науки случай. Сказанное лишь означает, что публикатор

Архивы всё ещё хранят массу документов, которые могли бы быть интересны широкому читателю. Но такие документы нельзя просто опубликовать, их надо комментировать.

должен постепенно стать вровень с автором, дневники которого он расшифровывает и публикует. Стать вровень означает, что публикатор должен погрузиться в то время, в котором жил и творил учёный, понять то время, но ни в коем случае не давать ему собственных оценок. Это – прерогатива того учёного, дневники которого он публикует и комментирует.

«Стать вровень с автором или даже быть умнее его»: эта дилемма в сущности сформулирована неверно. Но вот что можно сказать определённо в интересующем нас случае. Ученик был уже профессионально подготовлен к предстоящей работе и лично в ней заинтересован. Настойчивость, систематичность, упорство в достижении поставленной цели – эти человеческие качества, необходимые архивисту, были присущи Волкову со школьной скамьи. Несомненно, что в процессе работы над дневниками Волков постоянно учился: у их автора, у своих коллег, у архивистов. Если сравнить комментарии публикатора к первым и последним томам дневников (а лучше начать с тома публицистики Вернадского), то отчётливо видно, как публикатор эволюционирует от «справочного характера» его примечаний к более объёмным, насыщенным фактами примечаниям, лучшие из которых представляют собой законченные мини-исследования. Причём со временем у Волкова выработался (в рамках архивных канонов) свой стиль подачи примечаний и другого справочного материала. Также отчётливо видно, что от тома к тому примечания становятся всё более информационно насыщенными, потому что к середине 2000-х гг. Волков уже был опытным архивистом, хорошо знающим, что и где можно искать. У него сложилось представление о наиболее эффективной поисковой сети, необходимой для получения недостающих для примечаний данных. В те же годы возник и «встречный поток»: люди, зная, что такой архив уже издаётся и что впереди ещё большая работа, сами обращались к Волкову, принося ему нужные сведения. Я в этой кропотливой многолетней работе не мог быть ему серьёзным помощником. Но всё же, благодаря тому, что мой отец и дядя работали много лет в Академии наук СССР, я смог быть несколько раз полезен Волкову.

Выводы и размышления

Насытив свои дневники многими сотнями имён и событий, Вернадский заставил публикатора и комментатора В. П. Волкова документально «расшифровать» гигантский пласт русской и мировой науки и культуры, эксплицировать сети и связи их больших и малых имён, их концепций и этических норм. Тем самым комментарии к дневникам Вернадского представляют собой в совокупности фундамен-

Публикатор должен постепенно стать вровень с автором, дневники которого он расшифровывает и публикует, должен погрузиться в то время, понять его, но ни в коем случае не давать ему собственных оценок. Это – прерогатива того учёного, дневники которого он публикует и комментирует.

тальный, основательно документированный труд по истории российской и советской науки. Без многолетних усилий Владислава Волкова этот пласт науки и культуры не всплыл бы на поверхность никогда. Волков, как и Вернадский, своими комментариями и историческими изысканиями, внёс неоценимый вклад во «всеобщую историю науки». Владислав Павлович работал на пределе сил, понимая, что люди старшего поколения, которые могли бы сообщить необходимые ему факты о жизни Вернадского и его окружения, вскоре могут уйти из жизни, а ценнейшие исторические документы и устные свидетельства исчезнут в частных архивах или просто будут уничтожены безжалостной «машиной времени».

Вместе с тем, сделанная Волковым работа представляет непосредственную ценность для нас, социологов, потому что она выявила всю многослойную и многоуровневую систему коммуникаций В. И. Вернадского, учёного, общественного деятеля и публициста, которая была «информационным каркасом» его повседневного труда. Волков выполнил свой личный гражданский долг перед русской и мировой наукой, потому что без его комментариев к дневникам и хроникам Вернадского этот культурный пласт, эти межличностные связи российских учёных и общественных деятелей, возможно, не были бы выявлены вообще никогда.

Но, как мне представляется, между автором (Вернадским) и публикатором (Волковым) есть также сущностное научное и духовное сходство. Я прежде всего имею в виду сходство их этосов как системы духовно-нравственных максим. Конечно, это сходство не прямое, не непосредственное, но, зная Волкова более 65 лет, я берусь утверждать, что такое родство существует. Вот несколько главных позиций этоса Вернадского:

1. Свобода мысли, научного поиска, профессиональных и человеческих контактов, никаких внешних ограничений, никакого партийного руководства. Безусловное право на высказывание научной мысли и на её обсуждение. Научное знание и человеческая мысль самоценны и не терпят никакого вмешательства извне.

2. Всё накопленное в мире науки знание должно быть доступно для ознакомления и осмысления. Никакой цензуры, спецхранов, особых списков, никаких бюрократических препятствий между учёным и хранилищем знания, будь то библиотека, научный журнал или отдельная личность в любой точке земли.

3. Структура научного учреждения, в том числе Академии наук, есть функция познавательного процесса, а не политических доктрин и идей. Только развитие мирового знания и потребности страны могут корректировать его структуру.

Комментарии к дневникам Вернадского представляют собой в совокупности фундаментальный, основательно документированный труд по истории российской и советской науки. Без многолетних усилий Владислава Волкова этот пласт науки и культуры не всплыл бы на поверхность никогда.

Между автором (Вернадским) и публикатором (Волковым) есть сущностное научное и духовное сходство – сходство их этосов как системы духовно-нравственных максим.

4. Равноценны все элементы структуры научного производства: отдельные исследователи, их малые коллективы, временные комиссии, научные институты, а также хранилища прошлого знания. Никакая библиотека не может заменить личного общения, в котором происходит трансляция культуры их носителей.

5. 5. Изучение истории науки – принципиально важный элемент научного процесса, так как она – не плод размышлений отдельных учёных, а совокупный продукт труда многих поколений. Даже если какие-то теории, парадигмы устаревают, отбрасываются, то всё равно они входят в фундамент развивающегося познавательного процесса. Российская наука – часть мировой культуры.

6. Научное производство социализировано, то есть реально научное знание производится в экономической, политической и культурной среде. Эта среда долго накапливается, и нет ничего хуже её постоянной перестройки, бесконечных реорганизаций института науки.

7. Научное производство есть часть неразрывной триады: школа – университет – научное учреждение. Российская наука есть часть русской культуры. Научное производство не может развиваться без истории науки и техники, это – необходимая форма (само)рефлексии науки. Семья, семейные традиции (русской интеллигенции) имеют огромное значение для научного творчества.

8. Необходима максимальная концентрация, «жизнь только наукой». Максимальная критичность: оценка своих работ и достижений коллег только по критерию вклада в мировую науку (она – единое «тело»).

9. Учёному необходима (абсолютная) «свобода исканий» и одновременно постоянная рефлексия по поводу прочитанного, сделанного и осмысленного им.

10. Личность учёного и организация его работы связаны, но личность первична.

11. Дисциплина и самоконтроль в научной работе и повседневной жизни. «Надо добиться чёткого письма – следить за собой» [Вернадский 2006b: 248].

Разве эти максимы не воплотились в трудах публикатора и комментатора дневников В. И. Вернадского? В его автобиографической книге? Есть, конечно, и отличия. Волков решил важнейшую задачу, поставленную самим Вернадским: проанализировать динамику научной жизни в контексте исторических и социально-политических перемен. Но публикатор не создал своей школы архивного дела, как и школы научной. Это не его вина: сегодня в естественных науках практически нет научных школ в традиционном понимании этого слова.

Есть быстро меняющиеся связи и сети. Наконец, в отличие от Вернадского, который достаточно ревниво относился ко всем упоминаниям его имени и его работ в научной прессе и особенно в газетах (того времени), Волков о своей жизни не написал почти ничего за исключением уже упомянутой книжки воспоминаний [Волков 2013], выдержанной в привычном для него духе самоиронии. Тем не менее, В. П. Волков был учёным старого закала: высокообразованный, преданный своему делу, абсолютно честный, принципиальный даже в мелочах.

Подчеркну ещё раз: расшифрованные и прокомментированные Волковым дневники Вернадского – не историко-социологическая конструкция. Это открытый и предъявленный читателю повседневный личный, выношенный и выстраданный опыт Вернадского, его размышления, убеждения и жизненные принципы, формировавшиеся в контексте перелома эпох. Наконец, ещё один исторический факт: публикация дневников и публицистических статей Вернадского была осуществлена с «опозданием» почти в сто лет. Случайно ли это? Или столетие и есть та историческая дистанция, которая необходима для понимания эволюции взаимоотношений учёного и государства?

Библиографический список

Вернадский В. И. 2001. Дневники 1926–34 гг. М.: Наука. 456 с.

Вернадский В. И. 2006а. Дневники 1935–38 гг. Книга 1. М.: Наука. 444 с.

Вернадский В. И. 2006б. Дневники 1935–38 гг. Книга 2. М.: Наука. 295 с.

Волков В. П. 2013. Экскурсия с закрытыми глазами (нечто вроде мемуаров). М.: ГЕОХИ им. В. И. Вернадского. 235 с.

Гуревич А. Я. 2004. История историка. М.: РОССПЭН. 228 с.

Кюн И. С. 2008. 80 лет одиночества. М.: Время. 432 с.

Маршрут длиной в жизнь. Геологи МГУ (1951–56) о времени и о себе / сост. Арсанова Г. И. и др. М.: ЭЛИА АРТ-О, 2006. 461 с.

Яницкий О. Н. 2012. Семейная хроника. 1852–2002. Издание 2-е дополненное. М.: Издательство ТАУС. 271 с.

Diaries of V. I. Vernadsky: Their Author and Publisher

Yanitsky Oleg Nikolaevitch

Professor, Chief of the department of environmental researches Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the diaries of the prominent Russian scientist Vladimir Vernadsky, which he kept for almost 40 years (from 1926 until 1944). These diaries are a unique source for the study of the history and culture of Russia and the Soviet Union. In the opinion of the article's author, Vladislav Volkov, who decoded and commented on these diaries in detail, has accomplished the scientific feat of compiling a social and psychological portrait of this prominent Russian scientist and public figure in the years of fundamental historical change.

Keywords: Vernadsky, science, scientific and social milieu, ethos of Vernadsky and publisher.

References

Vernadsky V. I. Dnevniky 1926–34 [Diaries 1926–34]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 456 p.

Vernadsky V. I. Dnevniky 1935–38. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ. 2006. 444 p.

Vernadsky V. I. Dnevniky 1935–38. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 2006. 295 p.

Volkov V. P. Ekskursiya s zakrytymi glazami (nechtovrode memuarov) [Excursion with closed eyes (something like memoirs)]. M., GEOHI im. V. I. Vernadskogo, 2013. 235 p.

Gurevitch A. Y. Istorija istorika [The history of the historian]. M., ROSSPEN, 2004. 228 p.

Kon I. S. 80 let odinochestva [80 years of solitude]. M., Vremia, 2008. 432 p.

Marshrut dlinoyu v zhizn'. Geologi MGU (1951–56) o vremeni i o sebe [Route of a lifetime. Geology of Moscow state University (1951–56) on the time and themselves] / sost. G. I. Arsanova i dr. Moscow, ELIA ART-O, 2006. 461 p.

Yanitsky O. N. Semeynaya khronika [Family chronicle]. 1852–2002. Second edition. M., TAUS Publ., 2012. 271 p.

Онлайн приложение

Межуев Б. В.

Русский европеизм как предмет историко-философского разоблачения

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>